

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 4, № 3, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая демография

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

БОРИС МИРОНОВ

Аналитика

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В
ЗДОРОВЬЕ: ВЫРАЖЕННОСТЬ БУФЕРНОГО ЭФФЕКТА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

НИНА РУСИНОВА, ВЯЧЕСЛАВ САФРОНОВ

ДЕТСКОЕ НЕДОЕДАНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ

ЛИЛИЯ РОДИОНОВА, АННА ЛУБНИНА

Региональные исследования

РУССКИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – РУБЕЖИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ОТСТУПЛЕНИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XXI ВЕКА)

СЕРГЕЙ СУЩИЙ

Дискуссии

ОЦЕНКА ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ: ПОИСКИ ИСТИНЫ, НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

Обзоры

ЦЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ

КИРИЛЛ НОВИКОВ, ДАРЬЯ БЫКАНОВА

Новое в зарубежных журналах

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОПУЛЯЦИОННОГО СКРИНИНГА РАКА ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

АНТОН БАРЧУК

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

**ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ, ДАНИЛ АРАКЕЛЯН, СОФЬЯ АХМАНАЕВА,
АННА БЕЖАНИШВИЛИ, НИКИТА ГАНЖА, НАТАЛИЯ КЛИМЕНКО,
ЮЛИЯ ЛОНЩИКОВА**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.И. КУЗЬМИН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. KUZMIN
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

**All manuscripts are obligatory peer-reviewed.
Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ

Июнь 2017, Т.4, №3

Историческая демография

**РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 6-58**

Борис Миронов

Аналитика

**ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И
СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ:
ВЫРАЖЕННОСТЬ БУФЕРНОГО ЭФФЕКТА В ЕВРОПЕЙСКИХ
СТРАНАХ 59-87**

Нина Русинова, Вячеслав Сафронов

**ДЕТСКОЕ НЕДОЕДАНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ
ФАКТОРОВ 88-114**

Лилия Родионова, Анна Лубнина

Региональные исследования

**РУССКИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА –
РУБЕЖИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ХХІ ВЕКА) 115-140**

Сергей Суций

Дискуссии

**ОЦЕНКА ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ: ПОИСКИ ИСТИНЫ,
НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ПРЕДВЗЯТОСТЬ? 141-152**

Сергей Максудов

Обзоры

**ЦЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ГЛОБАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ 153-180**

Кирилл Новиков, Дарья Быканова

Новое в зарубежных журналах

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПОПУЛЯЦИОННОГО СКРИНИНГА РАКА
ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ 181-189**

Антон Барчук

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ 190-207

*Илья Кашницкий, Данил Аракелян, Софья Ахманаева,
Анна Бежанишвили, Никита Ганжа, Наталия Клименко,
Юлия Лонщикова*

- Leopold T., M. Kalmijn. *Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- Billari F.C., A.C. Liefbroer. *Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- Beaujouan E. *Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- Napierała J., A. Wojtyńska. *Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. *Ageing-driven pension reforms*
- Cools S., S. Markussen, M. Strøm. *Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- McEwen C.A., B.S. McEwen. *Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. *Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- Glaeser E.L., B.M. Steinberg. *Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

CONTENTS

June 2017, 4(3)

Historical demography

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 THROUGH THE PRISM OF DEMOGRAPHIC MODERNIZATION	6-58
--	-------------

Boris Mironov

Analytcs

PERSONAL PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND SOCIAL INEQUALITIES OF HEALTH: THE STRENGTH OF THE BUFFER EFFECT IN EUROPEAN COUNTRIES	59-87
--	--------------

Nina Rusinova, Viacheslav Safronov

CHILD MALNUTRITION IN AFRICA: STATISTICAL ANALYSIS AND MODELING OF FACTORS	88-114
---	---------------

Lilia Rodionova, Anna Lubnina

Regional research

RUSSIANS IN THE REPUBLICS OF NORTH CAUCASUS – FRONTIERS GEO-DEMOGRAPHIC RETREAT (THE FIRST HALF OF THE XXI CENTURY)	115-140
--	----------------

Sergei Sushchiy

Discussion

EVALUATION ESTIMATING MILITARY LOSSES: A SEARCH FOR TRUTH, IGNORANCE OR BIAS?.....	141-152
---	----------------

Sergei Maksudov

Reviews

THE VALUES OF THE ELDERLY AND THE POLITICAL CONSEQUENCES OF THE GLOBAL AGING OF THE POPULATION	153-180
---	----------------

Kirill Novikov, Daria Bykanova

New in foreign journals

PERSPECTIVES ON POPULATION-BASED PROSTATE CANCER SCREENING	181-189
---	----------------

Anton Barchuk

DEMOGRAPHIC DIGEST	190-207
---------------------------------	----------------

Ilya Kashnitsky, Danil Arakelyan, Sophia Akhmanaeva, Anna Bezhanishvili, Nikita Ganzha, Natalia Klimenko, Julia Lonshchikova

- Leopold T., M. Kalmijn. *Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- Billari F.C., A.C. Liefbroer. *Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- Beaujouan E. *Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- Napierała J., A. Wojtyńska. *Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. *Ageing-driven pension reforms*
- Cools S., S. Markussen, M. Strøm. *Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- McEwen C.A., B.S. McEwen. *Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. *Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- Glaeser E.L., B.M. Steinberg. *Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

БОРИС МИРОНОВ

В позднеимперской России улучшились демографические показатели, несколько повысилась эффективность воспроизводства населения, произошла известная рационализация демографического поведения, гуманизировались внутрисемейные отношения. Но, вероятно, самое главное – у значительной части населения сексуальное, матримониальное и репродуктивное поведение дифференцировалось и получил развитие индивидуальный контроль над рождаемостью, что в демографии рассматривается в качестве критериев первого демографического перехода. Наблюдавшиеся позитивные перемены объяснялись, главным образом тем, что в демографическую революцию включились около 14% российских граждан, в основном из числа образованных и состоятельных людей, проживавших в больших городах, а также жителей западных регионов по вероисповеданию иудеев, католиков и протестантов. Преобладающая часть сельского и городского населения православного, мусульманского, языческого и других вероисповеданий – около 86% всего населения – были затронуты новыми веяниями поверхностно. Люди, активно и сознательно вовлеченные в демографический переход, изменившиеся психологически, ментально и культурно, проявляли восприимчивость к инновациям также и в социальной, политической, культурной, экономической сферах и являлись наиболее подготовленными и желающими преобразований общественной жизни на буржуазно-демократических основаниях. Их было достаточно для медленной и постепенной всеобъемлющей модернизации страны, но мало для быстрых и глубоких революционных буржуазно-демократических преобразований. Вследствие этого Революция 1917 г. оказалась преждевременной. Политические акушеры поторопились и искусственно ускорили рождение новой России. Новорожденный оказался недоношенным. В результате революция не смогла решить задачи, которые ставили ее лидеры и организаторы.

Ключевые слова: брачность, рождаемость, смертность, эффективность воспроизводства населения, регулирование рождаемости, внебрачные дети, добрачный секс, аборт, контрацепция, разводы, демографический переход.

Цель статьи состоит в том, чтобы подвести итоги демографической модернизации в позднеимперской России и, основываясь на них, оценить готовность населения к радикальным буржуазно-демократическим преобразованиям общества, на реализацию которых была направлена революция 1917 г.

Анализ основных демографических процессов в имперской России показал, что в XVIII–первой половине XIX века брачность и рождаемость находились почти на предельно высоком уровне, смертность была очень высокой, все показатели заметно варьировались в отдельные годы, не проявляя определенной тенденции ни к росту, ни к понижению – функционировала типичная модель традиционного воспроизводства населения (таблица 1).

Борис Николаевич Миронов (bmironov@mail.wplus.net), САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в июле 2017 г.

Таблица 1. Общие коэффициенты брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста населения в Европейской России в XVIII–начале XX века, промилле

Демографические процессы	XVIII век*	Годы						
		1801-1860 *	1861-1870	1871-1880	1881-1890	1891-1900	1901-1910	1911-1914
Все население:								
брачность	9,9	10,2	10,3	9,5	9,1	9,0	8,4	8,0
рождаемость	51,0	50,0	50,3	50,4	50,4	49,2	46,8	43,9
смертность	37,0	36,0	36,9	36,4	35,5	34,2	30,3	27,1
естественный прирост	14,0	14,0	13,3	14,0	14,9	15,1	16,5	16,8

* Только православное население.

Источники: [Движение населения... 1865; Миронов 2014: т.1: 533-534; 1990: 259–260; Новосельский 1916а: 36–37; Сифман 1977; Статистический ежегодник... 1915: 2; Статистический ежегодник... 1918: 193].

Через 10 лет после отмены крепостного права началось устойчивое снижение брачности, через 20 лет (с 1880-х годов) – рождаемости и смертности. Тенденция снижения демографических показателей после Великих реформ 1860-х годов на самом деле была выражена более отчетливо, чем следует из приведенных данных, вследствие улучшения качества демографического учета, которое способствовало увеличению абсолютного значения демографических показателей. Две тенденции — уменьшение абсолютных значений общих коэффициентов и улучшение качества учета (особенно смертности) — нивелировали друг друга, и в результате истинная картина несколько искажалась. Вследствие более существенного падения смертности, чем рождаемости, и без того высокие темпы естественного прироста населения стали расти и накануне Первой мировой войны увеличились на 3,5 пункта – с 13,3 до 16,8 промилле, достигнув максимальной величины за весь период империи, но в годы войны, естественно, снизились [Боярский 1975]. Давление на ресурсы усилилось и вместе с общим ростом культуры населения создало предпосылки для перехода от традиционной модели демографического воспроизводства к современной.

БРАК И СЕМЬЯ

Модель брачности XVIII–первой половины XIX века изменялась благодаря повышению бракоспособного возраста, а в пореформенное время – в силу увеличения числа лиц, не вступающих в брак, роста разводов и сокращения числа повторных браков. Во второй половине XIX века население стало терпимее, чем прежде, относиться к безбрачию, откладыванию брака и разводам; получили некоторое распространение так называемые гражданские браки, т.е. длительное сожительство мужчины и женщины, не зарегистрированное церковью (в дворянско-интеллигентских кругах оно означало «свободную любовь»), и браки, зарегистрированных за границей [Веремеенко 2007: 49–50].

В течение 1780-1850 гг. модальный возраст невест вырос с 15-16 до 18-20 лет, женихов – с 16-18 до 20-21 года [Миронов 2014: т.1: 564]. В пореформенное время средний

возраст вступления в брак стабилизировался¹ [Тольц 1977: 139], но легкая тенденция к повышению все равно существовала: с 1867 по 1910 г. этот возраст увеличился примерно на полгода. Правда, в городах средний возраст брачующихся мужчин понизился вследствие огромной миграции крестьян, по-деревенски рано вступающих в брак (таблица 2).

Таблица 2. Средний возраст вступления в брак городского и сельского населения Европейской России в 1867 и 1910 гг., лет

Население	Мужчины		Женщины	
	1867 г.	1910 г.	1867 г.	1910 г.
Сельское	24,3	24,8	21,3	21,6
Городское	29,2	27,4	23,6	23,7
Итого	24,8	25,2	21,5	21,9

Источники: [Движение населения... 1872: 40-407, 412-415; Движение населения... 1916: 88-89].

За относительной стабильностью среднего возраста скрывались изменения возрастной структуры брачующихся: доля вступающих в брак ранее 21 года и после 30 лет уменьшилась, а в интервале 21-30 лет увеличилась (таблица 3).

Таблица 3. Распределение вступающих в брак по возрастным группам в Европейской России в 1867-1910 гг., %

Годы	Возраст женихов, лет					
	20 и моложе	21 - 25	25 - 30	30 - 40	40 - 50	51 и выше
1867- 1871	37,8	31,0	10,9	12,6	5,9	1,8
1872- 1876	37,7	30,7	13,0	11,5	5,2	1,9
1877- 1881	37,2	29,7	15,9	10,5	4,6	2,1
1890- 1894	31,2	33,9	19,1	9,8	4,1	1,9
1895- 1898	30,8	35,6	19,1	9,1	3,5	1,8
1910 г.	30,8	36,2	18,8	8,9	3,5	1,8
			Возраст невест, лет			
1867- 1871	57,3	26,3	7,1	6,7	2,2	0,4
1872- 1876	57,7	26,8	7,0	5,9	2,2	0,4
1877- 1881	59,0	27,0	6,7	5,2	2,0	0,1
1890- 1894	55,3	30,4	7,3	4,8	1,8	0,4
1895- 1898	54,7	31,7	7,1	4,5	1,6	0,4
1910 г.	54,5	31,0	7,3	4,7	1,9	0,6

Источники: [Рашии 1956: 174-175; Сборник сведений по России... 1887: 36-37].

Доля лиц, воздерживавшихся от брака, выросла, но также незначительно. До середины XIX века вне брака оставались только лица с серьезной инвалидностью (около 3% населения). На рубеже XIX-XX веков к моменту окончания фертильного возраста доля лиц, никогда не состоявших в браке, повысилась до 4% в деревне и до 11% в городе (таблица 4).

Одновременно возросла доля лиц, воздерживавшихся от вступления в повторный брак после овдовения, до примерно 15% в городе и 9% в деревне. В результате понизилась средняя длительность пребывания в браке – примерно до 20 лет у горожан и до 25 лет у крестьян [Вишневецкий 1977: 114–120; Тольц 1977: 138–153]. Изменения брачной модели

¹ Средний возраст всех русских невест, вступающих в первый брак, в 1867-1910 гг. равнялся 21,4 года, женихов – 24,2 года.

начались в городе в первой половине XIX века и во второй половине XIX века распространились на деревню, что отчетливо просматривается по данным таблицы 5. В 1910 г. изменения возрастной структуры браков в наибольшей степени затронули крупные города, затем малые города, наконец, сельскую местность.

Таблица 4. Доля вдовых и лиц, никогда не состоявших в браке, среди городского и сельского населения Европейской России в 1897 г.

Возраст, лет	Никогда не состояли в браке, %				Доля вдовых, %			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	город	село	город	село	город	село	город	село
15—19	98	95	91	87	—	—	—	—
20—29	60	35	38	20	1	1	4	1
30—39	18	6	16	6	2	1	12	5
40—49	11	3	12	4	5	4	26	14
50—59	—	—	—	—	11	11	45	29
15 и старше*	42	28	30	21	4	6	18	13

Источники: [Тольц 1977: 140, 149; Новосельский 1916а: 28].

Таблица 5. Распределение вступивших в брак по возрастным группам в городах и сельских местностях Европейской России в 1910 г.

Место заключения брака	Возраст, лет					
	20-	21-25	26-30	31-40	41-50	51+
	Мужчины					
В главных городах	11,5	36,4	29,0	16,0	4,8	2,3
В прочих городах	14,4	40,1	27,1	12,1	4,0	2,3
В сельских местностях	33,3	36,0	17,5	8,1	3,4	1,7
Итого	30,8	36,2	18,8	8,9	3,5	1,8
	Женщины					
В главных городах	35,5	35,1	14,3	10,6	3,7	0,8
В прочих городах	43,0	37,4	10,8	6,0	2,1	0,7
В сельских местностях	56,7	30,2	6,7	4,1	1,7	0,6
Итого	54,5	31,0	7,3	4,7	1,9	0,6

Источник: [Движение населения... 1916: 88-89].

Инициаторами изменений в брачной модели выступали образованные слои населения, в первую очередь дворянство, в большей степени концентрировавшиеся в городах. Данные о семейном состоянии важнейших сословий по пяти губерниям (Гродненской, Калужской, Пермской, Симбирской и Ярославской) в 1850-е годы и 1897 г. это хорошо отражают (таблица 6).

Поскольку именно в столице империи, Петербурге, концентрировались образованные люди и находилось много иностранцев, изменения в брачной модели там были особенно заметны. Уже в 1864 г. в столице доля холостых и девиц достигала 35%. Средний возраст вступления в первый брак составлял у мужчин 30,5 года, у женщин – 25,5 года. Сезонность браков существенно сгладилась [Санкт-Петербург 1868: т.1:104, 134, 138, 144]. В начале XX века появились первые сотни разведенных, которые во всем населении города составляли 0,18% [Статистический ежегодник С.-Петербурга... 1905: 17], тысячи гражданских браков. Попечительские обследования 1915-1916 гг. среди семей столичных нижних воинских чинов обнаружили около 10% внебрачных семей, что стало сенсацией [Булгакова 2008; 2009]. Конечно, это было специфическое военное время, когда в

Петрограде сконцентрировалось огромное число военных. Однако столь широкого распространения незарегистрированные гражданские браки на неподготовленной почве вряд ли могли достигнуть.

Таблица 6. Семейное состояние населения Европейской России в бракоспособном возрасте по сословиям в 1850-е годы и в 1897 г., %

Семейное состояние	Купцы, мещане		Крестьяне		Дворяне		Духовенство	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>1850-е годы, по пяти губерниям</i>								
Не достигшие брачного возраста	42	33	44	40	—	—	50	39
Холостые и девицы	15	21	7	12	—	—	7	13
Состоявшие в браке	38	32	44	40	—	—	37	35
Вдовы	5	14	5	8	—	—	6	13
<i>1897 г., по пяти губерниям</i>								
Не достигшие брачного возраста	34	33	47	41	—	—	—	—
Холостые и девицы	23	19	8	12	—	—	—	—
Состоявшие в браке	40	34	41	38	—	—	—	—
Вдовы	3	14	4	9	—	—	—	—
Разведенные	0,1	0,1	0,07	0,05	—	—	—	—
<i>1897 г., Европейская Россия</i>								
Не достигшие брачного возраста	43	39	45	40	36	30	40	32
Холостые и девицы	17	16	11	12	26	24	19	27
Состоявшие в браке	37	35	40	40	34	32	34	29
Вдовы	3	10	4	8	4	14	7	12
Разведенные	0,1	0,3	0,01	0,05	0,2	0,2	0,04	0,04

Источники: [Луканин 1878: 206; Трубников 1858: 417; О составе... 1861: 90; Бобровский 1863: 536–540; Попроцкий 1864: 330; Общий свод... 1905: т.2: 198–207, 216–219, 224–225].

Источниками перемен в брачной модели служили изменения не только в объективных условиях жизни, но и в отношении населения к браку. Идея брака на всю жизнь стала подвергаться эрозии, появилась возможность замены партнера через развод в случае, если он злоупотреблял властью, не хранил верность, надолго уезжал, не исполнял супружеские обязанности. В наименьшей степени эти перемены также затронули семьи крестьян и городских низов, т.е. около 90% населения страны.

Таблица 7. Число браков в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран, на 1000 человек населения

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	9,9	10,3	9,2	8,5	9,9	6,3	11,9	10,8
Австро-Венгрия*	8,1	8,0	7,8	7,8	9,2	8,6	8,3	8,0
Англия	—	8,5	7,5	7,0	8,0	8,5	7,9	7,8
США	—	9,6	8,7	10,5	10,5	9,8	9,5	9,3
Германия	8,2	8,0	7,4	8,1	9,7	9,4	9,3	8,5
Франция	7,6	8,0	7,4	7,8	9,7	7,1	7,3	7,1
Япония	—	—	8,2	8,8	8,5	8,0	8,4	9,7

Источник: [Миронов 2015: т.3: 753-756].

*Примечание: * – С 1918 г. Австрия.*

Изменения брачной модели привели к снижению общего уровня брачности в стране. И все же Россия по уровню брачности вплоть до начала XX века занимала первое место среди развитых европейских стран и США. Только в 1900-е годы на первое место вышли

США благодаря огромной эмиграции взрослого населения из Европы и сохранили лидерство в последующие 40 лет (таблица 7).

Российская модель брачности XVIII–первой половины XIX века отличалась от западноевропейской, для которой были характерны поздние браки (возраст невест превышал 25 лет, женихов – 27 лет) и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке (минимум 9-10% и в ряде случаев более 15%). Сдвиги пореформенного периода несколько уменьшили различия, но существенный разрыв в начале XX века все равно оставался (таблицы 8, 9).

Таблица 8. Доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, в некоторых странах Европы на рубеже XIX-XX веков, %

Страны	Возраст, лет			
	женщины		мужчины	
	20-24	45-49	20-24	45-49
Ирландия	86	17	96	20
Швеция	80	19	92	13
Великобритания	73	15	83	12
Германия	71	10	91	9
Финляндия	68	15	84	14
Италия	60	11	86	11
Франция	58	12	90	11
Испания*	81	34	55	10
Греция	44	4	82	9
Европейская Россия**	35	5	54	4
Болгария	24	1	58	3
Румыния	20	3	67	5
Сербия	16	1	50	3

* Возрастные группы для Испании: 21-25 лет; 46-50 лет. ** По расчету М. Тольца.

Источники: [Najnal 1965: 102-103; Тольц 1977: 139].

Таблица 9. Доля лиц в возрасте 45-49 лет, никогда не состоявших в браке, в некоторых странах мира на рубеже XIX-XX веков, %

Страна, год	Женщины	Мужчины	Страна, год	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	19,0	13,0	Австралия, 1901	9,3	22,4
Бельгия, 1900	17,1	16,1	США, 1900	8,6	12,0
Швейцария, 1900	17,0	16,0	Чехия, 1910	8,5	6,2
Нидерланды, 1900	14,0	13,0	Польша, 1900	7,8	6,1
Англия и Уэльс, 1901	13,4	11,0	Европейская Россия, 1897	5,0	4,0
Австрия, 1900	13,0	11,0	Греция, 1907	4,0	9,0
Канада, 1911	12,0	15,1	Венгрия, 1900	4,0	5,0
Франция, 1901-1905	11,2	10,4	Румыния, 1899	3,0	5,0
Италия, 1901	10,9	10,9	Япония, 1920	1,9	2,3
Испания, 1900	10,2	6,4	Болгария, 1900	1,0	3,0
Германия, 1900	10,1	8,2	Сербия, 1900	1,0	3,0

Источник: [Patterns of first marriage... 1990: 7-18].

Как в деревне, так и в городе изменялась семейная организация населения. Имеющиеся данные о семейной структуре *крестьян* говорят о том, что в течение XVI–первой половины XIX века малая и составная семья мирно сосуществовали. Их соотношение изменялось, что объяснялось изменениями налоговой системы и благосостоянием населения, экономической конъюнктурой, социальными и

хозяйственными кризисами, политикой помещиков в отношении своих крестьян, а также колонизацией. До середины XIX века составная семья нередко перерастала в большую семью и в редчайших случаях в семью типа задруги, объединявшую много брачных пар и до 100 человек. Даже в 1850-е годы в каждой губернии встречалось много больших семей, насчитывавших 20–30 и более человек. Их доля была не велика (0,3–1,6%), однако их насчитывались тысячи. Все это свидетельствует о том, что большая семья еще не стала атавизмом даже в середине XIX века. В пореформенное время малая семья в деревне заметно и во всех регионах усилила свои позиции сравнительно с серединой XIX века и к 1897 г. в целом у крестьянства Европейской России она стала численно слегка преобладать. Существенная роль в сохранении традиции составной семьи принадлежала социально-экономическим факторам: передельной общине, крепостному праву, правовым ограничениям для развития частной собственности на землю, отсутствию единонаследия, обеспеченности землей и угодьями, форме ренты, особенностям климата, характеру хозяйственной деятельности, степени развития рынка труда и другим.

Горожане в период империи отдавали предпочтение малой семье. Однако до середины XIX века более половины городского населения на протяжении определенного периода своей жизни проживало в рамках составной семьи. В разных социальных группах и в разных регионах процесс нуклеаризации происходил противоречиво. О победе малой семьи в городе можно говорить применительно к началу XX века. В изживании архаических форм семейной организации город обгонял деревню примерно на 50 лет, т.е. на два поколения: типология семей, наблюдавшаяся в городах в середине XIX века, пришла в деревню лишь на рубеже XIX–XX веков.

Процесс полной и окончательной нуклеаризации семьи завершился только в XX веке. Доля составных семей в семейной структуре в 1994 г. составила лишь 3,6%. К тому же они, как правило, сохранялись не из-за склонности к совместной жизни некоторой части детей и родителей, а в силу необходимости – недоступности отдельного жилья для молодежи.

В пореформенное время у всех сословий наметились *изменения и во внутрисемейных отношениях*. Дворянство и интеллигенция стали пионерами перехода от патриархально-авторитарных к эгалитарным семьям и от патриархальных к демократическим отношениям в семье в последней трети XIX–начале XX века. Однако ни в среде крестьянства, ни в среде городских низов патриархально-авторитарная основа внутрисемейных отношений не была серьезно подорвана и в основных чертах сохранилась к 1917 г. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в российской деревне 1920-х годов традиционные взгляды на семью и женщину оставались очень прочными [Феноменов 1925: 98–106; Яковлев 1923; 1924; Bridger 1992: 271–293; Farnsworth 1992: 167–188]. Прогресс выражался в смягчении насилия над слабыми в семье и в установлении известного контроля со стороны общества и закона за соблюдением интересов женщин и детей. Авторитарность внутри семьи была в большей или меньшей степени поставлена в рамки закона. До середины XIX века в брак вступали, как правило, по прямому указанию родителей, с помощью сватовства, через помолвку и свадьбу с учетом семейных интересов. В последней трети XIX–начале XX века молодежь стала участвовать в выборе супруга, руководствуясь склонностями и другими личными соображениями. Одновременно цели контактов расширились: не только поиск супруга, как

было прежде, а также развлечение, эмоциональный контакт, получение удовольствия и др. Сильные пережитки крепостничества, стойкая патриархальность внутри семьи, слабое развитие феминистского движения в России помешали завершению этого процесса даже среди элиты российского общества, если иметь в виду основную массу семей привилегированных слоев.

Перемены в семейном укладе жизни в позднеимперской России многим исследователям в прошлом и настоящем кажутся кризисом института семьи и заодно признаком общего социального кризиса российского общества. С этим трудно согласиться. Невозможно считать кризисом такие прогрессивные изменения, как снижение брачности и рождаемости с запредельной высоты до «нормального» уровня, повышение возраста вступления в брак, нуклеаризация, демократизация и гуманизация внутрисемейных отношений, повышение статуса женщин и детей, рост количества разводов и раздельного проживания супругов, увеличение числа гражданских браков и конфликтов супругов и «отцов и детей», расширение применения контрацепции и абортов, облегчение узаконения внебрачных и усыновления законных детей, установление контроля со стороны общества и суда за соблюдением интересов женщин и детей. Например, 3791 расторжение на 1053 тыс. заключенных в 1913 г. браков [Статистический ежегодник... 1916: 2] нельзя считать кризисом семьи, даже если число разводов возросло в 46 раз по сравнению с 1861 г. Перечисленные перемены на самом деле свидетельствовали не о кризисе института семьи, а о его развитии в направлении модерна. Можно только сожалеть, что эти изменения затронули главным образом образованную часть общества и зашли не слишком далеко. Да и сами эти изменения обуславливались современными процессами: секуляризацией, демократизацией, индустриализацией, урбанизацией, ростом грамотности и распространением либеральных идей в обществе. Благодаря быстрому развитию средств массовой информации новые семейные практики становились известны общественности и становились предметом острых публичных споров между людьми, придерживавшимися разных идеологических ориентаций [Никологорский 2012: 28–32]. Хотелось бы напомнить также, что модернизация всегда, везде и во всех сферах жизни происходит болезненно.

РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ

Снижение рождаемости началось во второй трети XIX века у дворянства, чиновничества, высшей страты городского населения, а также у крепостного помещичьего крестьянства. Во второй половине XIX века оно постепенно охватило все остальные группы населения и все регионы Европейской России. В результате в 1841–1920 гг. итоговая рождаемость в когортах матерей сравнительно с рождаемостью в когортах дочерей уменьшилась согласно ориентировочной оценке С.В. Захарова в 2,3 раза (таблица 10).

Как и в случае с брачностью, снижение рождаемости происходило под влиянием экономических, культурных и психологических факторов, среди которых следует особо выделить увеличение плотности населения и соответствующее уменьшение природных ресурсов на душу населения в деревне во второй трети XIX века, а также изменение культурных стандартов у образованных классов общества и городских сословий. Важно подчеркнуть, что падение рождаемости происходило не стихийно, а сознательно в

результате снижения брачности и начавшегося со второй трети XIX века регулирования рождаемости (подробнее об этом ниже). В России оно началось с более высокого уровня и позднее, чем в большинстве развитых стран. Запаздывание по сравнению с большинством европейских стран составляет, в среднем, 30-40 лет, а по сравнению с Францией – почти столетие. Однако со временем различия уменьшались (таблица 11).

Таблица 10. Итоговая рождаемость реальных поколений в России в 1841-1920 гг.

Годы рождения		Итоговая рождаемость		Отношение рождаемости в когортах «дочерей» и в когортах «матерей»
когорта «матерей»	когорта «дочерей»	когорта «матерей»	когорта «дочерей»	
1841-1845	1871-1875	6,84	6,96	1,017
1846-1850	1876-1880	6,9	6,85	0,993
1851-1855	1881-1885	7,08	6,2	0,876
1856-1860	1886-1890	7,11	5,49	0,772
1861-1865	1891-1895	7,12	5,5	0,772
1866-1870	1896-1900	7,2	5,23	0,726
1871-1875	1901-1905	6,96	4,59	0,659
1876-1880	1906-1910	6,85	3,66	0,534
1881-1885	1911-1915	6,2	2,82	0,455
1886-1890	1916-1920	5,49	2,46	0,448

Источники: [Захаров 2002: 19-26; 2003: 3-12].

Таблица 11. Коэффициент общей рождаемости в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран, на 1000 человек населения

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	50,3	51,5	50,3	47,2	44,0	34,6	25,9	20,0
Австро-Венгрия*	39,5	37,8	38,0	34,9	20,5	14,9	15,9	17,9
Англия	—	34,1	32,9	28,7	19,3	15,1	15,7	17,6
США	57,7	45,3	39,8	31,2	25,0	19,2	24,8	20,3
Германия	38,3	35,4	37,0	33,6	21,1	17,8	16,1	17,3
Франция	32,0	26,4	24,2	20,7	19,1	15,9	18,0	17,5
Япония	—	—	26,9	32,1	34,1	30,2	19,8	17,7

* С 1918 г. Австрия.

Источник: [Миронов 2015: т. 3: 753-756].

На протяжении XVIII – начала XX века смертность среди православного населения России находилась на очень высоком уровне как в городе, так и в деревне, как среди простого народа, так и среди привилегированной части общества. В XVIII веке общий коэффициент смертности в городе колебался между 40 и 60, в деревне – между 30 и 40 на 1000 человек населения. В первой половине XIX века колебания смертности по годам несколько сгладились, но средний уровень оставался, как и прежде, высоким: в городе около 49, в деревне 35 на 1000 [Миронов 1990: таблица 2]. С 1860-х годов смертность начала постепенно снижаться: общий коэффициент смертности с 1851-1859 по 1909-1913 гг. в городе понизился с 53 до 27, в деревне – с 39 до 32 на 1000 [Новосельский 1916а: 45–46; 1916б: 180–187]. Снижение смертности было повсеместным, но в городе оно проходило интенсивнее, чем в деревне, в крупных городах значительнее, чем в малых, среди привилегированных слоев быстрее, чем среди низших классов населения, в западных губерниях началось раньше, чем в центральных и восточных. Общая смертность снижалась в основном благодаря падению младенческой смертности [Авдеев 2008].

Уровень той и другой в России был намного выше, чем в наиболее развитых странах: в 1900-е годы по этим показателям Россия отставала на столетие. По общей смертности выравнивание произошло в 1950-е годы (таблица 12), а по младенческой смертности различия уменьшались, но паритет не достигнут до настоящего времени (таблица 13).

Таблица 12. Общий коэффициент смертности в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран, на 1000 человек населения

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	36,8	39,8	35,4	30,2	22,9	18,0	8,5	7,4
Австро-Венгрия*	28,2	32,1	29,5	23,7	15,7	13,7	12,4	12,8
Англия	—	22,1	19,2	16,9	12,2	12,0	11,6	11,7
США	—	19,5	18,4	15,8	11,9	11,0	9,5	9,5
Германия	25,2	26,6	25,3	19,3	12,9	11,4	11,0	11,6
Франция	28,0	23,9	22,1	19,8	17,2	15,5	12,2	11,1
Япония	—	—	19,6	20,9	20,6	17,6	8,2	7,0

* С 1918 г. Австрия.

Источник: [Миронов 2015: т.3: 753-756].

Таблица 13. Коэффициент младенческой смертности в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран, на 1000 родившихся

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	—	272,0	268,0	250,0	206,0	182,0	60,9	29,0
Австро-Венгрия*	188,0	250,0	249,0	213,0	129,0	93,6	49,0	29,7
Англия	—	155,0	142,0	132,0	73,8	59,0	26,0	19,8
США	—	127,0	160,0	96,5	73,1	56,8	27,3	24,0
Германия	294,0	172,0	167,0	193,0	112,0	65,1	44,0	26,4
Франция	185,0	172,0	167,0	137,0	101,0	75,0	40,0	23,3
Япония	—	—	—	—	148,0	114,0	42,0	19,4

* С 1918 г. Австрия.

Источник: [Миронов 2015: т.3: 753-756].

Снижение смертности в 60-х годах XIX века происходило благодаря повышению жизненного уровня населения и улучшению его питания [Миронов 2012: 697–701], а также благодаря росту культурного уровня населения и расширению бесплатной медицинской помощи. За 1850–1913 гг. грамотность населения в возрасте старше 9 лет выросла с 15 до 40% [Миронов 1991: 82]. В 1837 г. в России насчитывалось 6,8 тыс. врачей (без дантистов), в 1846 г. – 8,7 тыс., в 1880 г. – 13,5 тыс., в 1913 г. – 28,1 тыс. [Ханыков 1851: 31–32; Миронов 1991: 144]. Число врачебных участков, где крестьянам оказывалась бесплатная медицинская помощь, за 1870–1913 гг. увеличилось с 530 до 2970 или в 5,6 раза [Новосельский 1916b: 184]. Но Россия пока еще сильно отставала в этом отношении от передовых европейских стран (таблица 14).

Параллельно с падением смертности росла средняя продолжительность предстоящей жизни. В 1838–1850 гг. у новорожденных мальчиков православного вероисповедания она составляла примерно 25 лет, у девочек – 27 лет, в 1904–1913 гг. – соответственно 32,4 и 34,5 года [Воспроизводство населения... 1983: 61]. В 1900-е годы от

ведущих стран Россия отстала примерно на 100 лет; в 1950-е годы отставание удалось преодолеть (таблица 15).

Таблица 14. Характеристики доступности медицинской помощи в России и некоторых европейских странах в конце XIX века

Страна	Число врачей		На одного врача приходится		
	всего	на 1 млн населения	человек	территории, км ²	радиус действия, км
Европейская Россия	13 475	155	6450	1352	21
Норвегия	502	275	3630	641	14
Австрия	10 690	275	3630	28	3
Италия	8580	280	3570	35	3
Испания	5200	305	3280	99	6
Германия	16 270	355	2820	33	3
Франция	14 380	380	2630	37	3
Бельгия	2160	390	2540	16	2
Нидерланды	1860	410	2440	18	2
Великобритания	22 105	578	1730	10	2

Источник: [Хлопин, Эрисман 1899: 225].

Таблица 15. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран, лет

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	—	25,8	30,0	33,5	44,4	46,9	68,1	69,1
Австро-Венгрия*	—	—	—	40,1	—	57,0	64,5	69,8
Англия	—	42,4	45,5	53,4	57,6	60,8	70,3	71,0
США	—	41,0	43,5	50,6	58,7	63,7	69,9	71,0
Германия	—	—	46,6	49,1	57,4	61,4	66,5	70,5
Франция	39,6	39,8	47,0	50,5	54,2	58,8	68,1	71,4
Япония	—	—	43,6	44,5	44,2	48,3	66,2	71,7

* С 1918 г. Австрия.

Источник: [Миронов 2015: т.3: 753-756].

В 1896-1897 гг. общая рождаемость населения России составляла 54% от физиологического максимума (за который принимается брачная рождаемость гуттеритов – членов американской религиозной секты, отличающихся хорошим здоровьем и полным отсутствием внутрисемейного регулирования), брачная рождаемость – 76% [Вишневский 1977: 131].

ИННОВАЦИИ И ДЕВИАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ

Девиации в демографическом поведении можно рассматривать как инновации на индивидуальном уровне, направленные против традиционных установок и господствующих практик. Масштаб девиаций показывает число людей, готовых и склонных к изменению моделей традиционного поведения. К ним можно отнести добрачный секс, внебрачные связи и детей, разводы, самоубийства, аборты и детоубийства, контрацепцию.

Добрачный и внебрачный секс

Для всего исследуемого времени стремление предотвратить беременность или избавиться от нежеланного ребенка было свойственно тем женщинам, которые вступали во внебрачные половые отношения, так как родить вне брака считалось большим позором и для женщины, и для ее родственников. Очень часто матерями внебрачных детей являлись солдатки – женщины, чьи мужья ушли в армию² [Щербинин 2004: 95–132]. Сколько же насчитывалось таких женщин? На этот вопрос приблизительный ответ дают данные о числе женщин в возрасте 16–49 лет с незаконнорожденными детьми среди всего женского населения в репродуктивном возрасте, которое составляло около 1%, если судить по Ярославской губернии 1850 г. [Историко-статистические таблицы... 1901: 92] (по проценту внебрачных детей среди всех новорожденных губерния занимала срединное положение среди 50 губерний России). Тогда можно предположить, что женщин с внебрачными детьми уже в середине XIX века насчитывалось около 260 тыс. Они распределялись неравномерно между городом и деревней. В целом по стране в 1859–1863 гг. в городах рождалось около 26% внебрачных детей, а в деревне – 74%, в 1910 г. – соответственно 41 и 59% [Военно-статистический сборник 1871: 66–68; Движение населения... 1916: 51]. Распределение внебрачных детей между городом и деревней зависело от наличия в губернии крупных городов. Например, в 1850-е годы в одной Москве рождалось около 67% всех незаконнорожденных Московской губернии. В Ярославской губернии с развитыми городами, но менее значительными, чем Москва, в городах сосредоточивалось 55% всех внебрачных детей губернии, а в Полтавской губернии, где отсутствовали крупные города, доля незаконнорожденных в городах составляла всего 25%, а остальные 75% находились в деревнях³ [Историко-статистические таблицы... 1901: 92]. Как видим, женщин, стремившихся избавиться от нежеланного ребенка, уже перед эмансипацией было много и в городе, и в деревне; после эмансипации их стало еще больше.

Доля зарегистрированных православными священниками незаконнорожденных детей в общем числе новорожденных в конце XVIII–первой половине XIX века колебалась от 2% в Киевской губернии до 7% в Московской губернии, составляя, в среднем по Европейской России, 3,3%^{4,5} [Памятная книжка... 1861: 325; Памятная книжка... 1871: 137–140; Лаптев 1861: 169, 180; Сталь 1867: 205; Липинский 1868: 443]. Это несколько меньше, чем в западноевропейских странах, где доля незаконнорожденных оценивается в 2% в 1680 г. и 6% в 1820 г. [Riddle 2001: 186]. В пореформенное время число внебрачных детей в абсолютном значении увеличивалось, но очень незначительно: в Европейской России в 1859–1863 гг. их регистрировалось в среднем в год 99 тыс. [Военно-статистический сборник 1871: 66–68], в 1910 г. – 106 тыс.⁶ [Щербинин 2002: 142–146]. Вследствие более быстрого роста населения процент зарегистрированных внебрачных детей у православных снижался:

² Детальный анализ положения незаконнорожденных детей, особенно принадлежавших солдаткам, см. [Щербинин 2004].

³ Архив РГО. Разр. 22. Оп. 1. Д. 3. Д. 1, 2; РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 2476 (Полтавская губерния).

⁴ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 63. Д. 69; Оп. 445. Д. 423, 426; Оп. 95. Д. 1189; Оп. 96. Д. 1007; Оп. 104. Д. 1364; Оп. 128. Д. 2192; Оп. 131. Д. 260.

⁵ Архив РГО. Разр. 22. Оп. 1. Д. 3 (Московская); Разр. 16. Д. 1 (Киевская).

⁶ Значительную долю среди них составляли дети солдаток.

в 1859-1863 гг. он составил 3,4%, в 1870 г. – 3,0%, в 1885 г. – 2,7%, а в 1910 г. – 2,3%⁷. Итак, получается, что по мере модернизации, урбанизации и индустриализации происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей среди православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев оно увеличивалось. Как можно объяснить этот парадокс? Есть исследователи, которые считают имеющиеся данные о внебрачных детях заниженными по той причине, что со временем изменялись методика их учета и политика воспитательных домов в отношении приема внебрачных детей [Ransel 1982: 11-27]. Однако это не может объяснить сокращение процента незаконнорожденных детей в 1,5 раза, т.к. означало бы ежегодный недоучет нескольких десятков тысяч новорожденных. Единственное удовлетворительное объяснение, по моему мнению, состоит в том, что женщины, вступавшие во внебрачные отношения, применяли противозачаточные способы, а забеременевшие вне брака избавлялись от плода путем аборта. Только это объяснение может примирить противоречащие на первый взгляд факты, наблюдавшиеся в пореформенное время: 1) число незамужних женщин, вступавших во внебрачные половые связи, по общему мнению современников, возрастало; 2) возможность скрыть факт беременности и внебрачного рождения как от родственников, так и от священников увеличивалась; 3) среди старообрядцев, католиков, протестантов, иудеев и мусульман женщины, не состоявшие в браке, но рожавшие детей, не осуждались столь сурово, как среди православных, а их дети не дискриминировались; 4) женщинам не было смысла уклоняться от регистрации внебрачного ребенка, во-первых, потому, что, согласно религиозным представлениям, некрещеный младенец не попадал в рай, во-вторых, потому, что воспитательные дома, куда можно было сдать ребенка, в 1891 г. ввели ограничения на их прием: стали требоваться свидетельства от полиции или священников, подтверждающие, что приносимые в дома дети незаконнорожденные⁸ [Афиногенов 1903: 76]. Если наше предположение верно, то число женщин, прибегавших к предупреждению зачатия или делавших аборт в течение года, к 1910 г. превышало 125 тыс. Эта цифра получена следующим образом. В 1859-1863 гг. число внебрачных детей составляло 99 тыс., а их доля среди всех новорожденных – 3,4%. Если бы женщины не применяли меры против рождения внебрачных детей, то их число должно было бы составить в 1910 г. 232 тыс. (по проценту незаконнорожденных в 1859-1863 гг. от общего числа новорожденных в 1910 г.). Между тем фактически было зарегистрировано 106 тыс. внебрачных детей.

Рост числа подкидышей мог бы служить хорошим показателем увеличения количества нежеланных детей. Но, хотя дети подкидывались по всей России на протяжении всего изучаемого периода, полных сведений об этом нет. В 1867 г. официальные данные о подкинутых младенцах в Европейской России были единственным раз опубликованы – подкидышей оказалось 2254. Как указали составители статистического сборника, в котором эти данные были опубликованы, сведения неполны [Движение населения... 1872: IX, 10-11]. Увеличение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за подкидывание

⁷ С 1870 г. данные о незаконнорожденных публиковались в ежегоднике «Движение населения в Европейской России».

⁸ Матери внебрачных детей стремились скрыть факт рождения не от священников, а от родственников и знакомых. С этой целью они нередко при приближении родов изменяли место жительства: крестьянки уходили в город, горожанки переезжали на другую квартиру или в другой город. Этот факт отмечен в беллетристике; см., например, роман Крестовского «Петербургские трущобы».

младенцев, свидетельствует о росте этого явления. В 1839 г. за подкидывание младенцев были привлечены 47 мужчин и 123 женщины, в 1873 г. – соответственно 93 и 118, в 1892 г. – 206 и 805, в 1913 г. – 410 и 1759 [Свод статистических сведений... 1875, 1896, 1916]. В действительности число подкинутых младенцев было во много раз больше, например, в 1867 г., согласно крайне неполным официальным данным, было подброшено младенцев в 10 раз больше числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за подкидывание. Распространение детоубийств также может служить указанием на то, что для многих женщин дети становились нежеланными и они пытались от них избавиться [Успенский 1954: 110-114].

Более адекватное представление о динамике числа нежеланных детей дает деятельность двух самых больших воспитательных домов в России, находившихся в Москве и Петербурге. По подсчетам Д. Рансела, в 1791-1800 гг. в оба дома поступали ежегодно 3342 младенца, в 1841-1850 гг. – 13 092, в 1871-1880 гг. – 20 169, в 1881-1890 гг. – 24 298, в 1891-1900 гг. – 17 785, в 1901-1910 гг. – 19 218, т.е. с конца XVIII до начала XX века число подкидышей возросло в 5,8 раза, в то время как население России увеличилось в 2,9 раза [Ransel 1988: 303-308]. Число подкидышей, принятых в воспитательные дома, зависело не только от количества матерей, желавших их сдать, но и от возможностей и политики воспитательных домов. Поэтому, например, снижение числа подкидышей в 1891-1910 гг. вовсе не означает, что число нежеланных детей стало меньше, просто воспитательные дома ввели ограничения на их прием, что сразу уменьшило количество желающих сдать в них детей.

Поскольку добрачный секс осуждался и наказывался, до 1914 г. большинство людей обоого пола, за исключением дворянства и интеллигенции, половую жизнь начинали после вступления в брак. Средний возраст всех женихов и невест, вступающих в *первый* брак, можно считать *примерным* возрастом полового дебюта. В 1867-1910 гг. он составлял у женихов 24,2 года, а у невест 21,4 года [Тольц 1977: 139]. Одни авторы, опираясь на отдельные свидетельства, а не на статистику, утверждают, что в конце XIX века среди крестьян девственность сохраняли менее половины мужчин [Крюкова 1992: 48; Тихонов 1891: 136⁹]. Другие говорят о полной свободе сексуальных связей между парнями и девушками и даже о таком сохранившемся первобытном пережитке, как «свальный грех»: на посиделках молодежь, оставшись одна, гасила лучину и вступала между собой в свободные отношения [Семенов 1996: 39-46; Балов 1898]. Как распространенный обычай это представляется маловероятным. Если огромное большинство женщин хранили до брака девичью честь, то как же мужчины находили партнерш, ведь проституция в деревне была явлением редким?! Если бы широко бытовали вольные отношения до брака, то, несомненно, рождалось бы много незаконнорожденных детей, что не зафиксировано в источниках. Можно допустить существование подобных пережитков у сектантов, у жителей глухих отдаленных деревень. Например, у старообрядцев внебрачные связи допускались и рожденные от них дети признавались наряду с законными [Бушнелл 2011]. За сексуальную свободу городские наблюдатели, вероятно, принимали обычай,

⁹ В.П. Тихонов утверждал: «Почти все игры местной молодежи имели своим финалом – вступление в половое общение».

существовавший, например, в деревнях Саратовской губернии: «После посиделок девки оставляли парней ночевать. Ложась с избранными парубками, они позволяли им себя целовать, но до греха дело доходило редко» [Минх 1890: 110].

Однако в больших городах среди студенческой молодежи сексуальный опыт начинался раньше: по сведениям опроса двух тысяч харьковских студентов в 1902 г., у 73% – в возрасте 17-20 лет [Фавр 1910]; согласно аналогичному опросу 2150 московских студентов в 1904 г., у 50% – в возрасте 14-17 лет, в том числе у 22% – в возрасте 16 лет [Членов 1907: 1072-1111]. Аналогичные результаты так называемых «половых переписей студентов» получены для университетов Томска и Юрьева (Тарту). В 1908 г. В. Жбанков провел первое в мире анкетное обследование сексуальной жизни 6 тыс. студенток и учительниц Москвы, 80% которых находилось в возрасте до 25 лет. Это было настолько новым и вызывающим, что полиция конфисковала ответы на анкету. Анализ сохранившихся 324 ответов показал: почти 90% московских студенток и учительниц в возрасте от 17 до 20 лет были девственницами, в возрасте 21-25 лет – 45,4%. Среди тех, кто никогда не состоял в формальном браке, доля имевших сексуальный опыт составляла 18% [Жбанков 1922: 225]. Для сравнения: в 1957 г. среди ленинградских студентов невинность до 16 лет сохранили 99% девушек, в 1971 г. – 94%, в начале 2000-х годов – 42%. В 2000-е годы 20% школьниц старших классов живут половой жизнью и отличаются высокой сексуальной активностью. Уже в 1990-е годы сексуальная активность российской молодежи начиналась раньше, чем у британцев, американцев или норвежцев [Голод 1996: 59; Денисенко, Далла Зуанна 2001: 83-87; Кон 1990: 171; 1997: 291].

Регулирование рождаемости

В последней трети XIX века методы регулирования рождаемости стали постепенно входить в жизнь сначала в городах в среде образованных и состоятельных слоев населения¹⁰ [Мельцин 1999: 55-62], а затем и среди городских низов и крестьянства [Мухина 2012: 147-160; Вишневский 2005: 1: 271-276; Дьячков 2003: 207; Моисеенко 1984: 73-86; McLaren 1990; Riddle 1997].

Судебный следователь В. Магнитский представил в 1871 г. в Русское географическое общество очерк о преступности, в котором сообщил, что изгнание плода у русских считается страшным грехом, тем не менее в каждом селении есть женщины, занимающиеся этим¹¹. Чтобы вызвать искусственный выкидыш, крестьянки использовали механические средства (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и др.), лекарственные средства (от различных трав до ртути и фосфора, употребляемых внутрь), вытравливание плода, удлинение лактационного периода и аборт. Для изгнания плода знахарки дают пить сулему или советуют глотать жестяные кружочки. Для предотвращения беременности женщины тотчас после полового акта пьют ложку воды с порошком, обмыв руки своей мочой¹² [Афиногенов 1903: 327; Федоров 1994:

¹⁰ В последней трети XIX–начале XX века князья Долгоруковы сознательно регулировали рождаемость, чтобы ограничить число наследников.

¹¹ Арх. РГО. Разр. 14. Оп. 1. Д. 27.

¹² Там же.

18; Щербинин 2004: 127-128]. Эти весьма несовершенные средства давали некоторый эффект [Пилсудский 1910: 14-16].

Согласно свидетельству священника Новгородской губернии Ф.В. Гиляровского, в 1860-е годы крестьянки, стремившиеся предотвратить беременность, увеличивали срок кормления грудью «далее пределов законных – двух великих постов», т.е. более 2 лет. «Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом» [Гиляровский 1866: 50]. Продление лактации широко практиковалось и в других губерниях [Афиногенов 1903: 99], эта практика сохранялась еще в 1920-е годы. «Если последующая беременность долго не наступает, – отмечалось в одном исследовании 1920-х годов, – кормят, пока ребенок не застыдится, – до 4, 5 и 7 лет» [Синкевич 1929: 58-59]. Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новой беременности, так как, по данным русских врачей, около 80% женщин не имели менструаций при кормлении грудью¹³.

К началу XX века ассортимент средств контроля над рождаемостью увеличился: воздержание, цикличность и прерванный половой акт; презервативы, маточные кольца, противозачаточные колпачки, вагинальное спринцевание и свечи. Однако ими пользовались только образованные и состоятельные женщины. Контрацепция среди них стала настолько популярной темой, что известное пособие К.И. Дрекслера «Предохранительные средства в современном браке» в 1907-1914 гг. вышло семью изданиями [Дрекслер 1929; Беллин 1889; Боряковский 1893; Ван-дер-Борн 1909; Войцеховский 1888; Попов 1903; Роледер 1909].

Аборты. По духовным законам все средства прерывания беременности считались грехом, и по церковному уставу вытравливание плода зельем или с помощью бабки-повитухи наказывалось епитимьей сроком от 5 до 15 лет. По гражданским законам аборт был запрещен и уголовно наказуем, причем привлекались к ответственности как врачи, так и пациенты. Уложение о наказаниях 1845 г. приравнивало плоудоизгнание к детоубийству и карало каторжными работами сроком от 4 до 10 лет. Взгляд на применение любых способов предотвращения беременности и вызывания искусственного выкидыша как на большой грех был так распространен, что женщины, которые пользовались ими, тщательно скрывали это от всех (и от соседей, и от врачей) даже в 1920-е годы, когда аборты были официально разрешены [Синкевич 1929: 46; Лебина 2007]. Выкидыши чаще всего зарывают в землю, в подполье, реже их прячут в навозные кучи и бросают зимой в речки и ручейки. Долгое время к аборту отрицательно относились не только церковь и законодательство, но и врачи [Лебина 2007; Engelstein 1991: 185–207; 1992: 334–358]. В 1889 г. на Третьем съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова аборт был признан «нравственным и социальным злом». За 1840-1890 гг. во всех российских родовспомогательных учреждениях было сделано всего 247 официально разрешенных по медицинским соображениям абортов, к 1910 г., если судить по Петербургу и Москве, их число возросло почти в 5 раз, но все

¹³ Григорьев И. (1883). О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 21/23.

равно оставалось невысоким [Михайлов 1895: 417; Демографическая модернизация России, 2006: 42].

Время, однако, работало в пользу либерализации аборта. Врач А.О. Афиногенов, практиковавший в конце XIX–начале XX века, и многие участники Двенадцатого съезда Общества русских врачей 1913 г. отмечали, что уже в 1880-х годах в деревнях, особенно в подгородных, стали входить в практику аборты [Афиногенов 1903: 57, 99; Двенадцатый съезд... 1913: 2: 92, 211]. В деревнях они производились преимущественно «бабками» и знахарками¹⁴ [Семенова-Тян-Шанская 1914: 56-58]. Горожане познакомились с абортom раньше, и в начале XX века промышленные города были охвачены «эпидемией абортов». «В рабочей среде стали смотреть на искусственный выкидыш как на нечто весьма обыденное и притом весьма доступное» [Вигдорчик 1914: 217]. Харьковский врач П.Н. Чухнин, оценивший в 1893 г. число абортов и выкидышей в 22% от всех беременностей, заметил: «Многие из его больных заявляли о своем нежелании иметь детей и многие говорили о тех мерах предосторожности, которые они предпринимали, чтобы предохранить себя от беременности; если прибавить к этому, что некоторые выкидыши вызваны были, по-видимому, умышленно, то мы увидим, что у современной женщины существует сильное стремление к ограничению числа беременностей» [Чухнин 1894: 1: 533].

О числе «криминальных» абортов невозможно даже весьма приблизительно судить по данным о привлеченных за них к уголовной ответственности, так как они тщательно скрывались от церковных и светских властей. В 1830-е годы за «истребление беременности» привлекались в среднем в год по 108 мужчин и 284 женщины [Отчет Министерства юстиции 1835-1841]. В последующие годы число абортов увеличилось. Несмотря на это, в 1873 г. было осуждено 7 мужчин и 10 женщин, в 1892 г. – соответственно 3 и 16, в 1913 г. – 34 и 210 [Свод статистических сведений... 1875, 1896, 1916]. В 1897-1906 гг. в России в среднем в год за истребление плода осуждалось 8 женщин [Гернет 1911: 67], в 1910-1916 гг. – от 20 до 51 [Безгин 2004: 174], обвинялось в 2,5 раза больше. Уменьшение репрессии объяснялось тем, что по новым судебным уставам 1864 г. преследование за аборт ослабло, «преступники» научились скрываться от правосудия, но самое, пожалуй, главное – не только общество, но и правоохранительные органы стали более снисходительно смотреть на искусственное прерывание беременности. В 1913 г. под влиянием общественного движения за отмену уголовного преследования врачей и пациентов за производство абортов Двенадцатый съезд Общества русских врачей поддержал это требование, хотя и не единодушно. В феврале 1914 г. в Петербурге проходило заседание Русской группы Международного союза криминалистов, посвященное абортom. В нем приняли участие виднейшие русские врачи, криминалисты и юристы. Были заслушаны два доклада. М.Н. Гернет отстаивал необходимость полной легализации, а Е.М. Кулишер – частичной легализации аборта (разрешать только по медицинским соображениям). После жаркой двухдневной дискуссии, в которой участвовали 30 человек, группа приступила к принятию резолюции. Большинством голосов (38 против 20 при 3 воздержавшихся) прошел проект Гернета, требующий исключить из числа преступных деликтов аборт [Двенадцатый

¹⁴ Арх. РГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68, 216, 473, 499, 552.

съезд... 1913: 2: 25, 88, 92, 211; Гернет 1916; Кулишер 1916; Отчет X общего собрания... 1916: 271-333, 354-398, 400]. Однако последний был легализован только в 1920 г. [Попов 1994: 5-7], хотя, несомненно, раньше применялся, но под большим секретом. Предполагалось, что перед судом предстали менее 1% женщин, сделавших аборт, причем в 75% случаев они были оправданы [Третий съезд Общества ... 1889: 177-178; Гернет 1916: 237-238]. Согласно приблизительной и сильно завышенной оценке, в Петербурге в последней трети XIX века число абортвов возросло в 10 раз и составило около 20% от числа рождений [Садвокасова 1969: 12], в Москве в 1910-е годы – около 10 тыс. в год [Третий съезд Общества... 1889: 177-178; Гернет 1916: 237-238].

Презервативы. Важным средством предотвращения беременности становились также презервативы. Например, не в самом большом городе России Харькове они вошли в употребление с конца 1860-х годов [Багалея, Миллер 1912: 2: 123]. С 1890-х годов образованные слои населения стали повсеместно и широко их применять. Однако по религиозным причинам и из-за дороговизны в крестьянский быт они не входили. Презервативы рекламировались в газетах и продавались во всех аптеках, магазинах медицинских инструментов и резиновых изделий [Боряковский 1893: 886-887; Милютин 1946: 93-94]. В 1911-1913 гг., согласно преискуртанту на импортные презервативы (в России они не производились) известных петербургских магазинов резиновых изделий Г. Годефруа или Д. Роджерс и других фирм, они стоили за дюжину из резины от 0,8 до 6 руб., из рыбьего пузыря – от 2,5 до 7 руб., т.е. за один – от 7 до 59 коп., но поштучно они не продавались. Чтобы купить дюжину самых дешевых презервативов, крестьянину или рабочему нужно было один день трудиться на самых тяжелых работах [Сборник статистико-экономических сведений... 1917: 526-527; Города России... 1914: 30, 118-119, 264-265, 434-435]. Это дороговато, но все же было доступно. Однако если в больших городах презервативы можно было свободно купить, то жителям большинства городов и сельских поселений их нужно было заказывать почтой и оплачивать пересылку, стоимость которой намного превышала цену товара. Простому труженику (крестьянину, рабочему, ремесленнику или мещанину) это было не под силу по причине дороговизны и неграмотности.

Регулирование рождаемости постепенно входило в жизнь и начинало приносить свои результаты. За 30 лет с 1880-х до 1910-х годов общая рождаемость в целом по стране понизилась лишь на 6,5 пункта (с 50,4 до 43,9 промилле). Это говорит о том, что контроль над числом детей не вошел в практику широких слоев населения. По расчету А.Г. Вишневого, на рубеже XIX-XX веков российские женщины лишь наполовину использовали свой биологический потенциал (вместо 12-13 раз рожали в среднем 6-7 раз¹⁵ [Новосельский 1914]), главным образом вследствие того, что вступали в брак в более позднем возрасте, чем прежде (2,38 рождений), из-за плохого состояния здоровья и намеренного предотвращения рождений (1,60 рождений) и из-за преждевременной смерти (1,26 рождений). Как видим, регулирование могло объяснить незначительную долю понижения рождаемости (таблица 16).

¹⁵ Суммарный коэффициент рождаемости в 1896-1897 гг. равнялся 7,06.

Таблица 16. Факторы, определявшие среднее число детей, приходившихся на одну женщину в России на рубеже XIX-XX веков

Среднее число детей, которое могла бы родить женщина за свою жизнь	12,44
Родила	6,24
Не родила	6,20
<i>В том числе:</i>	
из-за смерти некоторых женщин до 50 лет	1,26
из-за того, что некоторые женщины не вступили в брак	0,55
из-за того, что не все вступили в брак в 16 лет	2,38
из-за пребывания вне брака после овдовения	0,41
из-за плохого состояния здоровья или намеренного предотвращения рождений	1,60

Источник: [Воспроизводство населения... 1983: 282].

Сельскую глубинку, где проживало большинство населения, новые веяния затронули очень мало. Согласно данным обследования, проведенного в 1927 г., через 10 лет после революции, когда аборт и контрацепция уже не запрещались, среди замужних украинских крестьянок, лишь 9% использовали тот или иной способ предотвращения зачатия, чаще всего *coitus interruptus* [Томилин 1987: 107-109]. В 1990-1993 гг. Дэвид Рансел провел полевые исследования среди российских крестьянок Новгородской, Смоленской, Московской, Свердловской и Ульяновской областей с целью проследить изменения в представлениях о браке, регулировании рождаемости, родах, уходе за детьми за годы советской власти. Было взято и записано на магнитофон 89 глубоких интервью (по анкете, включавшей 44 вопроса) у 70 русских и 19 татарских женщин. В качестве респондентов выбирались, во-первых, женщины, которые провели всю жизнь в деревне, во-вторых, женщины разных возрастов. Рансел разделил всех опрошенных на три поколения: рожденные в 1899-1911 г. – 27 человек, в 1912-1930 гг. – 45 человек и в 1931-1954 гг. – 17 человек. Анализ интервью привел к следующим выводам. Первое поколение женщин, рожденных в 1899-1911 гг., провело детство при старом императорском режиме, а молодость – в советской доколхозной деревне. Они много рожали; вмешательство в таинство зачатия и рождения считали греховным делом и попытки регулирования их числа сводились к удлинению срока лактации; относились резко отрицательно к аборту, поэтому мало кто из них воспользовался легализацией аборта в 1920-1936 гг. Боялись сглаза, поэтому рожали без посторонних (либо самостоятельно, либо с помощью повивальной бабки) и через несколько дней приступали к работе. Женщины второго поколения, рожденные в 1912-1930 гг., по большей части росли и воспитывались при советской власти и колхозном строе. Они контролировали рождаемость посредством презервативов и нелегальных абортов, поскольку почти весь репродуктивный период их жизни приходился на период запрещения последних (1936–1955 гг.). Женщины третьего поколения, рожденные в 1931-1954 гг., как правило, вступали в брак в послесталинский период. Они свободно контролировали рождаемость посредством аборта и презерватива. Татарские крестьянки имели с русскими больше общего, чем различного. Первое их поколение не знало никакой контрацепции, отрицательно относились к аборту. Второе поколение также не предпринимало практических мер по регулированию рождаемости, кроме продления лактации, не признавало аборт, а презервативы не вошли в употребление по причине возражения мужчин. Только третье поколение татарских крестьянок стало регулировать рождаемость главным образом с помощью аборта и презерватива [Ransel 2000].

Иная картина наблюдалась среди жителей больших городов и привилегированных слоев населения. Рождаемость в Петербурге с 1861-1865 по 1911-1915 гг. упала с 38 до 26 на 1000 человек населения, в Москве она уже в 1867-1880 гг. равнялась всего 23 на 1000, но, в отличие от Петербурга, к 1911-1913 гг. повысилась до 29 на 1000 вследствие огромного притока крестьян [Рашин 1956: 234, 239]. Данный уровень рождаемости свидетельствует о том, что она стала регулироваться. Об этом говорит и тот факт, что общая и брачная рождаемость имела не только межсословные, но и внутрисословные отличия. В Петербурге в 1907-1912 гг. женщины бедных классов рожали в 3 раза чаще, чем представительницы богатых слоев, жены квалифицированных рабочих рожали в 2 раза реже, чем жены неквалифицированных рабочих [Новосельский 1978: 136-142; Вигдорчик 1914]. Опрос 2150 студентов Московского университета в 1904 г. преимущественно из среднего класса (67% назвали имущественное положение своих семей средним) обнаружил: меры против зачатия применяли 57% (25% – прерванное сношение, 16% – презервативы, 15% – другие) [Членов 1907].

Разводы

До начала XVIII века расторжение брака являлось прерогативой священника соответствующего прихода. Брачные споры в среде привилегированных слоев разрешались преимущественно на основе византийского церковно-судебного законодательства, пришедшего на Русь в переводе на церковнославянский язык. Но в отношении к простому народу священники часто руководствовались обычным правом, и поэтому насчитывалось до 26 законных поводов. Для развода обоим супругам достаточно бы сделать заявление своему приходскому священнику и получить от него так называемое разводное письмо [Владимирский-Буданов 1900: 439-439; Рабинович 1978: 215-216]. В некоторых случаях обходились и без священника. При согласии супругов на развод муж выдавал жене «бракоразводную грамоту» и «отступное письмо», что заменяло решение священника. Сложнее было, если одна из сторон не желала развода: он становился делом очень трудным [Латкин 1909: 520–524]. «Самовольные расходы» или «самовольные разъезды», как они назывались в обиходе, имели место в течение всего изучаемого времени. Дать количественную оценку этому явлению невозможно – оно не регистрировалось. Однако, согласно свидетельствам современников, на рубеже XIX-XX веков «разъезды» были более распространены сравнительно с XVIII–началом XIX века, что дает основание для предположения, что со временем их частота увеличивалась. Они практиковались среди всех сословий¹⁶ [Розанов 2004: 298-299; Иванилова 2002: 127-129]. Информатор Этнографического бюро В.Н. Тенишева из Калужской губернии отмечал в 1900 г., что формального церковного развода среди крестьян не бывает – они о нем не имеют понятия. Супруги расходятся фактически, живут отдельно, иногда заводят новую семью, разведенные женщины часто уходят в Москву и иногда живут без венчания с вдовцами. Нередко крестьяне обращаются в волостной суд. Последний не может дать формального развода, а лишь решает, кто прав, кто виноват¹⁷. «Разъезды» случались чаще, чем можно

¹⁶ Арх. РГЭМ, ф. 7 (В.Н. Тенишев), оп. 1, д. 32, 279, 401, 431, 517, 519, 552.

¹⁷ Арх. РГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 552. Л. 2-3; Д. 279. Л. 2-3; Д. 517. Л. 16-18; Д. 519. Л. 27.

было бы ожидать, основываясь на нормативной модели демографического поведения¹⁸. Однако они не получили широкого распространения по причине крайне негативного отношения к ним со стороны общества, церкви и государства¹⁹ [Цатурова 2011: 93-160, 256-266; Заболотная 2010].

В течение XVIII века Русская православная церковь (РПЦ) бракоразводный процесс перенесла в консистории и сделала формальным, а число поводов для формального развода сократила до четырех: 1) доказанное прелюбодеяние; 2) неизвестное длительное отсутствие; 3) приговор суда к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния; 4) пострижение в монашество при условии обоюдного полюбовного соглашения супругов в отношении пострижения одного из них в монастырь, при одновременном пострижении, при достижении женою 50-летнего возраста, при отсутствии малолетних детей. Несогласие между супругами, физические недостатки, тяжелые болезни, побои не служили формальным основанием для развода, но они давали некоторое право для разлучения супругов. Установление близкого родства и вступление одного из супругов в отсутствие другого в новый брак делало заключенный прежде брак незаконным и недействительным [Свод законов... 1857; Латкин 1909: 520-521]. В 1806 г. появился пятый повод для законного развода – «физическая неспособность к брачному сожитию», что было равносильно признанию тяжелой болезни в качестве основания для развода^{20, 21}. Эффективный институциональный контроль над матримониальными делами РПЦ смогла установить только после введения в практику «Устава духовных консисторий» 1841 г., который строго кодифицировал условия, необходимые для развода, и его процедуру [Фриз 2009: 125-126].

Следует принять во внимание, что супруги (как правило, женщины) могли через Канцелярию по принятию приносимых на высочайшее имя прошений добиться права на отдельное проживание без развода, что чаще всего означало фактическое прекращение брачных отношений и помогало выйти из тупика, создаваемого трудностями развода [Мареева 2003: 33–36]. В среднем в год в 1890-1902 гг. в Канцелярию женщины подавали 2327 прошений, из них было удовлетворено 1154, что на 10-20% превышало число разводов. Интересно отметить: состав оснований для подачи и удовлетворения ходатайств был иным, чем при разводах (таблица 17).

Основания для развода, признаваемые РПЦ законными (нарушение супружеской верности; неизвестное длительное отсутствие или бродячий образ жизни; неспособность к брачной жизни), фигурировали лишь в 11,6% прошений на раздельное проживание, в остальных случаях основаниями выступали те, которые признавала общественность и де-

¹⁸ Сведения, поступившие в Этнографического бюро В.Н. Тенишева, частично опубликованы [Быт великорусских крестьян-землепашцев... 1993; Русские крестьяне... 2004-2017].

¹⁹ В православной Молдавии XVI-XVII веков семейные обычаи и традиции осуждали развод, но он, тем не менее, существовал, и женщины даже иногда выигрывали процесс.

²⁰ Под неспособностью к супружескому сожительству имелась в виду исключительно физическая неспособность к отправлению полового акта, для чего требовалось заключение врача о неспособности мужчины и доказательства девственности женщины.

²¹ Полное собрание законов (1850). Т.35. Отд.1. № 23906. СПб.: Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии.

факто коронные власти [Веремченко 2007: 324-337]. Если женщины хотели развестись и имели для этого достаточные формальные основания, они, как правило, обращались в суд за разводом, при отсутствии таких оснований – в Канцелярию прошений. Право на раздельное проживание являлось, по сути, заменой развода.

Таблица 17. Основания для получения разрешения на отдельное жительство от мужа в 1891 г. (лица православного вероисповедания)

Основания	Прошения	%
Буйный характер, пьянство, нанесение побоев, вымогательство, растрата имущества	233	39,8
Жестокое обращение	112	19,1
Недоставление семье материальных средств	108	18,5
Порочный образ жизни	51	8,7
Нарушение супружеской верности	50	8,5
Бродячий образ жизни	14	2,4
Расстройство умственных способностей	8	1,4
Венерические заболевания	5	0,9
Неспособность к брачной жизни	4	0,7
Итого	585	100,0

Источник: [Веремченко 2007: 250].

Если объединить данные о разводах и разрешениях на раздельное проживание за 1891 г. в одну совокупность, то получится: примерно в 56% случаев причинами нежелания женщин сохранить брак являлись пресловутые пять законных оснований для разводов, а в 44% – иные основания, не признаваемые РПЦ. Интересно отметить: основания для раздельного проживания у православных совпадали с формальными условиями для развода у российских протестантов; у католиков развод запрещался, а получение права на раздельное проживание сопряжено было с большими трудностями. По этой причине разводы у протестантов случались в 4 раза чаще, чем у православных, и в 12 раз чаще, чем у российских католиков²² [Веремченко 2007: 294, 312, 318].

Таблица 18. Число расторгнутых браков среди православного населения Российской империи в 1842-1914 гг.

Годы	Число разводов	Разводов на 1000 браков	Разводов на 1000 человек населения
1842-1850	74	0,143	0,002
1851-1860	80	0,156	0,002
1866-1870	782	1,377	0,015
1871-1880	917	1,587	0,016
1881-1890	1068	1,698	0,030
1891-1900	1047	1,202	0,012
1901-1910	1921	2,071	0,021
1911-1915	3650	4,302	0,037

Источник: Подсчитано по: [Всепогоднейший отчет... 1842-1914].

В силу жесткого контроля церкви за разводами в позднеимперский период они стали чрезвычайным событием, и разводящихся можно считать девиантами [Бечаснов 1893: 8; Новосельский 1916а: 29; Преображенский 1901: 71-74; Freeze 1990; 2006]. По сведениям,

²² Данные за 1867-1876 гг.

В общем числе разводов и недействительных браков последние составляли в 1840-е годы около 15%, в 1890-1912 гг. – 3-6%.

поступившим из епархий в Синод, число расторгнутых браков с 1860-х годов стало быстро увеличиваться, но до 1917 г. оно оставалось на низком уровне (таблица 18)

Вместе с ростом число расторгнутых браков во второй половине XIX–начале XX века радикально изменился состав оснований для разводов (таблица 19).

Таблица 19. Основания разводов среди православного населения Европейской России в середине XIX–начале XX века, %

Основания разводов	Разводы, %	
	1841-1850 гг.	1905-1912 гг.
Прелюбодение	6,8	97,4
Неспособность к супружеской жизни	3,3	2,3
Безвестное отсутствие и ссылка в Сибирь	89,9	0,3
Итого	100,0	100,0

Источник: Подсчитано по [Новосельский 1916а: 43; Преображенский 1901: 71-74; Всеподданнейший отчет... 1915].

До 1850-х годов главными основаниями для развода служили безвестное отсутствие супруга и ссылка в Сибирь, в начале XX века почти единственным основанием – супружеская измена²³ [Веремченко 2007: 317]. Формальные разводы происходили главным образом в среде образованных, привилегированных слоев²⁴ [Мельцин 1999: 271-277]. В пореформенное время они проникли в среду крестьян, мещан и купцов. По числу разведенных на 1000 человек город обгонял деревню в 3 раза; авангардный Петербург обгонял все городское население в 7 раз, а всю страну в 21 раз. Москва отставала: по переписи 1902 г. доля разведенных в населении города составляла 1% у мужчин и 1,5% у женщин [Перепись Москвы...1904: 112-113], т.е. в 1,6 раза меньше, чем в Петербурге. В сословном разрезе среди разведенных лидировали дворяне: в среднем по стране они разводились в 5 раз чаще, чем духовенство, и в 5 раз чаще, чем крестьяне, а в Петербурге – в 7 раз чаще, чем духовенство и крестьяне (таблица 20).

В конфессиональном отношении среди разведенных лидировали иудеи, мусульмане и буддисты, затем шли протестанты, католики и последними – православные. По сравнению с русскими у евреев было разведенных примерно в 9 раз больше, у татар и башкир – в 8 раз, у немцев и эстонцев – в 3 раза, у поляков и литовцев – в 2 раза [Общий свод... 1905: т.2: 92-97, 176; Веремченко 2007: 374-377]. Существенное увеличение числа разводов, особенно в городе, отражало начавшиеся изменения в демографических установках населения, произошедшие в результате реформ [Белякова 2002; Котлова 2002; Максимова 1998; Мареева 2001; 2003; Веремченко 2007; Лещенко 2004; Фриз 2009]. Львиная доля разводов приходилась на привилегированные образованные слои населения.

²³ У католиков и протестантов оснований для разводов было больше: дополнительно злонамеренное оставление без помощи и жесткое обращение. На долю разводов по последним двум основаниям в 1878-1882 гг. в Варшавском консисториальном округе приходилась около половины разводов.

²⁴ Например, среди князей Долгоруких за 1711-1900 гг. имелось два двоюродных, 11 разведенных: 1 – в 1730-е, 1 – 1810-е, 1 – 1830-е, 3 – в 1840-е годы, 5 – в 1861-1900 гг.; большой процент холостяков и старых дев [Мельцин 1999: 271-277].

Таблица 20. Число разведенных в С.-Петербурге по сословиям в 1910 г.

Сословные группы	Число разведенных				Численность сословия в населении, %	Разводимость (столбец 5 к столбцу 6)
	мужчины	женщины	обоих полов	%		
1	2	3	4	5	6	7
Дворяне	452	583	1035	26,4	7,2	3,7
потомственные	299	299	598	15,3	3,9	3,9
личные	153	284	437	11,1	3,3	3,4
Духовенство	4	6	10	0,3	0,5	0,5
Почетные граждане	169	131	300	7,7	4,1	1,9
Купцы	42	36	78	2,0	0,7	2,8
Мещане	297	548	845	21,6	15,5	1,4
Отставные нижние чины	1	1	2	0,1	0,1	0,5
Крестьяне	522	780	1302	33,2	68,8	0,5
Финские уроженцы	13	44	57	1,5	0,9	1,6
Иностранные подданные	38	87	125	3,2	1,2	2,7
Неизвестно	38	128	166	4,2	1,1	4,0
Итого	1576	2344	3920	100,0	100,0	1,0
Население, тыс.	997,2	908,4	1905,6			
Разведенных на 1000 человек	1,6	2,6	2,1			

Источники: [Петроград по переписи... 1915: ч.1: 26-35; Веремко 2007: 376-377].

Таблица 21. Число разводов на 1000 человек населения в 1800-1960-е годы в России и ряде других стран*

Страна	Годы							
	1800-е	1850-е	1880-е	1900-е	1920-е	1930-е	1950-е	1960-е
Россия	—	0,028	0,032	0,01	2,0	2,6	1,8	4,1
Австро-Венгрия*	—	0,055	0,01	0,01	—	0,5	2,6	2,4
Англия	—	0,005	0,015	0,02	0,2	0,2	1,2	1,6
США	—	0,3	0,42	0,80	3,1	3,3	4,7	5,3
Германия	—	0,035	0,09	0,20	1,1	1,4	2,0	1,9
Франция	0,02	0,035	0,09	0,25	1,1	1,1	1,5	1,3
Япония	—	—	—	1,10	1,7	1,4	1,7	1,6

* С 1918 г. Австрия.

Источник: [Мионов 2015: т.3: 353-356].

Таким образом, закон, обычай и практика позволяли человеку расторгнуть брак, когда он становился для него неприемлемым. Главная трудность заключалась не в отсутствии формальных возможностей, а в том, что их реализация требовала знаний, времени, средств и наталкивалась на противодействие самого населения (особенно крестьянства), отрицательно относившегося к расторжению брака. Поэтому разводы случались крайне редко – максимально в 1910-1914 гг. в среднем в год 3,7 расторжения на 1000 браков. Для сравнения через 100 лет, в 2010-2014 гг., – 535 разводов на 1000 браков, т.е. в 146 раз больше.

Если сравнить Россию с другими европейскими странами, США и Японией, то окажется, что на начало XX века (1901-1905 гг.) в большинстве не только протестантских, но даже католических стран (где развестись было труднее, чем в России) число разводов на

1000 человек был существенно выше: в Великобритании – 0,02; Франции – 0,25; Германии – 0,2; в США – 0,8; в Японии – даже 1,1, а в России – 0,01 (таблица 21).

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Глубину вовлеченности населения в демографический переход помогают оценить степень изменений в демографических показателях и масштабы охвата ими различных регионов и отдельных социальных слоев населения. Демографические инновации в городе проходили интенсивнее, чем в деревне, в крупных городах значительнее, чем в малых, среди привилегированных и образованных слоев быстрее, чем среди низших классов населения, в западных губерниях начались раньше, чем в центральных и восточных (таблица 22).

Таблица 22. Отклонение общей рождаемости от максимально возможной (I_f), в том числе за счет изменений рождаемости в браке (I_g) и доли состоящих в браке (I_m) с учетом внебрачной рождаемости (I_h) в 1896-1897 гг. Европейская Россия и группы входящих в нее губерний*

Территория	Население, %	Общая рождаемость (I_f)	Брачная рождаемость (I_g)	Доля состоящих в браке (I_m)	Внебрачная рождаемость (I_h)
<i>Европейская Россия</i>	100,0	0,54	0,76	0,69	0,047
городское население	12,9	0,39	0,66	0,56	0,044
сельское население	87,1	0,56	0,78	0,71	0,019
<i>Группы губерний</i>					
Неземледельческий центр	18,2	0,49	0,74	0,63	0,065
Земледельческий центр	30,0	0,59	0,79	0,74	0,033
Окраинные колонизируемые	19,6	0,59	0,76	0,76	0,047
Запад и Юго-Запад	21,0	0,48	0,74	0,64	0,037
Север и Северо-Восток	8,6	0,56	0,78	0,68	0,076
Прибалтика	2,6	0,29	0,57	0,49	0,032

* Приведенные показатели (индексы Коула) связаны между собой следующим соотношением: $I_f = I_g I_m + (1 - I_m) I_h$. За максимум рождаемости принята рождаемость гуттеритов.

Источник: [Вишневский 1977: 109, 131].

В религиозно-этническом отношении демографические изменения захватили больше и глубже иудеев, протестантов (немцев, финнов, латышей и эстонцев и др.) и католиков (литовцев, поляков и др.), меньше – православное, исламское, языческое и другое нехристианское сельское население (таблицы 23, 24).

К 1897 г. наилучшие демографические показатели имели лютеране и католики, проживавшие в самых западных регионах империи [Вишневский 1977: 130-134; Марченко 1977: 135-137; Тольц 1977: 138-140]. Надо отметить, что уже в первой половине XIX в. демографическая ситуация в Прибалтике была лучше, чем в остальной России. Хорошие демографические показатели имели также евреи, в некоторых отношениях они были даже лучше, чем у католиков и протестантов: рождаемость у евреев была немного ниже, а брачность, наоборот, выше, внебрачных детей практически не имелось. По средней продолжительности жизни они уступали прибалтийским народам. В середине XIX в. по демографическим показателям евреи мало отличались от православных и мусульман, но к

концу века они, по-видимому, вступили в стадию демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения.

Таблица 23. Брачное состояние населения различных вероисповеданий в Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г., %

Вероисповедание	Не состоят в браке		Состоят в браке		Вдовы		Разведенные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Православные	56,0	52,1	40,3	39,4	3,7	8,4	0,03	0,04
Католики, лютеране	61,6	56,5	35,6	34,3	2,8	9,1	0,06	0,09
Иудеи	61,2	57,4	36,8	36,1	1,8	6,0	0,16	0,49
Мусульмане	58,0	45,9	39,4	45,6	2,4	8,4	0,10	0,12
В среднем	57,1	52,0	39,5	39,6	3,3	8,3	0,06	0,08

Источник: [Общий свод... 1905: т.2: XXXVIII].

Таблица 24. Некоторые демографические характеристики населения различных вероисповеданий в Европейской России в 1896-1904 гг.

Вероисповедание	Возраст вступления в брак, лет		Общие коэффициенты, на 1000			Смертность новорожденных на 1000 родившихся	Доля внебрачных детей, %
	муж.	жен.	брачности	рождаемости	смертности		
Православные	24,2	21,3	8,7	51,1	34,8	263,0	2,4
Католики	29,1	23,3	6,9	36,5	22,3	151,0	3,4
Протестанты	28,5	24,6	6,8	29,2	21,0	161,0	3,7
Иудеи	27,5	24,1	7,3	30,7	16,0	116,0	0,4
Мусульмане	27,6	22,2	10,9	43,9	27,7	158,0	0,2
В среднем	25,1	21,8	8,5	50,1	30,9	224,0	2,3

* На 1000 человек.

Источник: [Новосельский 1916а: 26-53].

Мусульмане Европейской России (прежде всего башкиры, волжские и крымские татары) по своим демографическим характеристикам в середине XIX века также мало отличались от православных, но к концу XIX века добились некоторых успехов, так как, с точки зрения демографических характеристик, находились посередине между православными, с одной стороны, католиками и протестантами – с другой. Особенно выгодно они отличались от православных низкой младенческой смертностью [Ершов 1898: 112-116; Материалы по изучению... 1908: 92-97]. Заслуживает внимания, что брачность у мусульман была выше, чем у православных, а рождаемость ниже, что указывает на то, что татары более активно применяли доступные им методы регулирования рождаемости. Мусульмане Средней Азии по своим демографическим показателям намного уступали не только европейским мусульманам, но и православным [Караханов 1977].

Ожидаемая продолжительность жизни для 11 народностей России на 1897 г. хорошо отражает уровень демографического развития каждого из этих этносов (таблица 25).

Таблица 25. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у 11 народностей Европейской России в 1896-1897 гг., лет

Национальность	Мужчины	Женщины	Национальность	Мужчины	Женщины
Русские	27,5	29,8	Башкиры	37,2	37,3

Чуваши	31,0	31,0	Молдаване	40,5	40,5
Татары	34,6	35,1	Литовцы	41,1	42,4
Белорусы	35,5	36,8	Эстонцы	41,6	44,6
Украинцы	36,3	39,9	Латыши	43,1	46,9
Евреи	36,6	41,4	В среднем	31,3	33,4

Источник: [Птуха 1928: 37-38].

По этому показателю на первом месте находились латыши, на последнем – русские. Этнические различия в продолжительности жизни обуславливались, во-первых, различной вовлеченностью отдельных народов в демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Прибалтийские народы и евреи раньше других вступили на этот путь и к концу XIX века достигли значительных успехов под прямым влиянием новых демографических отношений, складывавшихся в Западной Европе, с которой у них были более тесные культурные, религиозные, экономические и другие связи. На рубеже XIX-XX веков Прибалтика во всех отношениях была передовым регионом России. Демографический переход у других этносов начался позже, естественно, они меньшего и добились. Второй фактор, определивший различия в средней продолжительности жизни, можно назвать культурным фактором. От него зависели отношение к детям, качество ухода за ними, уровень санитарии и все другие условия жизни населения, влиявшие на смертность.

РЕВОЛЮЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Чтобы оценить, насколько режим воспроизводства стал эффективнее, используются три показателя: брутто-коэффициент воспроизводства населения, нетто-коэффициент воспроизводства населения и цена простого воспроизводства (отношение брутто- и нетто-коэффициентов), показывающая, сколько девочек надо родить женщине, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения или простую замену материнского поколения. Именно это отношение служит мерой экономичности режима воспроизводства, или режима возобновления поколений.

Согласно расчету Е.М. Андреева и А.Г. Вишневого, брутто-коэффициент воспроизводства населения с 1851-1863 по 1904-1913 гг. понизился с 3,261 до 3,089, а нетто-коэффициент повысился соответственно с 1,442 до 1,636, цена простого воспроизводства населения понизилась с 2,261 до 1,839 [Воспроизводство населения... 1983: 273]. Следовательно, российская женщина стала меньше рожать, но, несмотря на это, каждое новое материнское поколение становилось более многочисленным. При этом замена одного материнского поколения другим стала проходить на 23% более эффективно (2,261:1,839), т.е. с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей. Конечно, это был еще весьма далекий от совершенства режим воспроизводства населения. Такой режим существовал во Франции и Швеции в конце XVIII в. Европейские страны, лежащие к Западу от России, намного опережали ее по демографическому развитию.

Хотя режим воспроизводства населения во второй половине XIX – начале XX века немного рационализировался, он все еще оставался очень неэффективным. На рубеже XIX-

XX веков типичная русская женщина в фертильном возрасте (от 16 до 49 лет), вступившая в брак и прожившая с мужем до конца репродуктивного периода (до 49 лет), проводила в девичестве 6 лет, в замужестве – 25 лет, во вдовстве – 2 года, в разводе – 2 недели [Вишневский, Тольц 1988: 93]. Примерно девяти женщинам из десяти приходилось по 8-10 раз рожать, что реально устраняло их из общественной и культурной жизни и сводило по необходимости их существование к беременностям, уходу за детьми, из которых около половины умирало, и к тяжелой работе, поскольку мужчины не могли без их помощи материально обеспечить семью. Например, крестьянка вынуждена была накануне родов до позднего вечера работать в поле, а после родов, которые в 97-98% случаев проходили либо при помощи деревенских повитух, либо вообще без всякой помощи, уже на третий или четвертый день идти на работу²⁵ [Иваницкий 1898: 62; Афиногенов 1903: 3-4]. Случались роды и прямо в поле.

Женщины из городских низов находились примерно в таком же положении. Женщинам из привилегированных слоев также приходилось помногу рожать, хотя они имели медицинскую помощь и послеродовой отдых. Данный режим воспроизводства населения был тяжелым и для мужчин, которые должны были добывать средства на большое число иждивенцев. Каждая трудящаяся семья несла огромные расходы на рождение и выращивание новых поколений, причем эти расходы почти наполовину оказывались бесполезными из-за громадной смертности детей. Эти рациональные и нерациональные затраты задерживали экономический рост страны и препятствовали повышению благосостояния.

Традиционный тип воспроизводства населения с его высокой рождаемостью и смертностью, приносящий людей в жертву продолжению рода человеческого, имел несколько оснований: психологическое – слабое развитие индивидуальности, экономическое – низкий уровень благосостояния, социальное – сословный строй, затруднявший мобильность населения и преодоление социального неравенства, политическое – отсутствие гражданского общества и легальной возможности для осознания и защиты людьми своих интересов, государственное – поддержка государством, политической элитой, научным сообществом и общественностью, заинтересованными в увеличении числа граждан ради повышения военного могущества империи и роста производительных сил общества.

При столь серьезных основаниях изменить традиционный тип воспроизводства населения было чрезвычайно трудно. Это был процесс ломки старых стереотипов, устойчивых традиции, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1950-е годы, когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения. На Западе он закончился на 2-3 поколения раньше [Вишневский 2005; Ливи Баччи 2010].

Демографический переход начался в последней трети XIX века с изменения отношения человека к жизни, смерти, продолжению рода, когда люди в сколько-нибудь значительном числе стали осознавать, что существующее положение вещей ненормально,

²⁵ Арх. РГО. Разр. 29 (Пермская губерния). Оп. 1. Д. 62, 1855 г.

что необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей до разумного. Человек стал рефлексировать, искать средства для улучшения своего положения не вовне (у Бога, царя, властей), как было прежде, а в своем быте, в своих традициях, в себе самом, и нашел их, в том числе, в своем нерациональном демографическом поведении. Демографический переход был тем редким случаем в истории России, когда прогрессивные изменения происходили не по манию царя и не по побуждению властей, а добровольно, сознательно и в индивидуальном порядке, в отдельной семье и потому были необратимыми. Без преувеличения можно сказать: начало демографического перехода было знаковым событием – признаком зарождения новой активной индивидуалистской личности. Чтобы человек мог эффективно контролировать свою сексуальность и рождаемость, ментально и фактически дифференцировать сексуальные, матримониальные и репродуктивные практики (которые в традиционном обществе являлись неразрывным триединством, а в современном обществе – независимыми, направленными на достижение специфических целей), в этом – суть демографического перехода, он должен быть достаточно рациональным и культурно развитым, обладать современным рациональным типом сознания. Это значит быть способным к самосознанию и самоанализу, к адекватной оценке своих личных интересов и мотивов поведения; чувствовать себя субъектом своих действий; стремиться изменить окружающий мир и свою жизнь в соответствии со своими потребностями, целями, идеалами; осуществлять целеполагающую деятельность [Миронов 2015: т.3: 508-509]. Поэтому очевидно, что люди, активно и сознательно вовлеченные в демографический переход, достаточно глубоко изменились психологически, ментально и культурно и потому обладали значительным инновационным потенциалом. Это делало их восприимчивыми ко всем инновациям также и в социальной, политической, культурной, экономической сферах, а также и наиболее подготовленными и желавшими преобразований общественной жизни.

Однако, как мы видели, сколько-нибудь заметно демографический переход охватил незначительную часть населения. Если к вовлеченным в него отнести всех протестантов, католиков и иудеев обоюго пола, а также лиц с высшим и средним образованием среди православных, мусульман и других нехристианских вероисповеданий мужского пола, то их совокупная доля в 1897 г. составляла в Европейской России (без Польши и Финляндии) около 14% и к 1917 г. практически не изменилась [Общий свод... 1905: т.1: XV, XVIII; Брук, Кабузан 1980: 74-93; Миронов 2012: 587]. Это, вероятно, преувеличенная оценка, максимум максимум. Четырнадцать процентов населения, вовлеченного в демографическую революцию, означало, что народ *в массе* не был готов к последовательным буржуазно-демократическим реформам. Восемьдесят шесть процентов населения более сочувствовали эсеровской, большевистской или анархистской программам восстания, бунта, экспроприаций, устранения несогласных и построения рая на Земле здесь и сейчас. Но давно замечено: кто хочет всего и сразу, тот не получает ничего. Революция 1917 г. произошла преждевременно и не реализовала цели, которые первоначально ставили ее либерально-демократические лидеры и организаторы. Подавляющее большинство населения еще было не готово им следовать. «Деревня живет естественноживотной жизнью», – писал известный этнограф о российской деревенской глубинке начала 1920-х годов М.Я. Феноменов [Феноменов 1925: 1: 91], имея в виду воспроизводство населения.

Но этот вывод с некоторыми ограничениями можно распространить и на другие сферы жизни.

В частности, в России движение за эмансипацию женщин (феминизм), начавшись на рубеже 1850-1860-х годов, в отличие от Запада, не получило широкого распространения [Кечеджи-Шаповалов 1902: 132-203; Крадецкая 2012; Новикова 2000: 1-28; Стайтс 2004; Тишкин 1995; Юкина 2007: 459-466; Edmondson 1984; Stites 1991]. На момент его апогея в 1905 г. в нем участвовало только около 10 тыс. человек, в то время как в США – более 100 тыс., в Дании – около 80 тыс. [Стайтс 2004: 309-322], с учетом численности населения – в десятки раз больше.

Внутрисемейные отношения у огромного большинства населения к 1917 г. оставались авторитарно-патриархальными. Они строились на доминировании мужчин, на иерархии, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в жизнь сословных корпораций, которые оказывали влияние на внутрисемейные отношения. Политические антропологи указывают на зависимость политического режима от типа семейных отношений [Бочаров 2007, 2: 203-217]. Преобладание патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало политический абсолютизм в государстве по той причине, что авторитарные семьи воспитывали в людях черты авторитарной личности: пассивность, конформизм, ригидность мысли, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение ко всему новому, непохожему и девиантному [Адорно 2001: 20, 281-285], – а такие люди становились благодатной социальной базой для авторитарных отношений во всех сферах общественной жизни со всеми вытекающими из этого политическими, экономическими и социальными последствиями.

Таким образом, в результате демографической модернизации в позднеимперской России произошла известная рационализация демографического поведения у значительной части населения, улучшились демографические показатели, несколько повысилась эффективность воспроизводства населения, гуманизировались внутрисемейные отношения. Не менее важно – началась дифференциация сексуального, матримониального и репродуктивного поведения и получил развитие достаточно эффективный индивидуальный контроль над рождаемостью, что в демографии рассматривается в качестве критериев качественных модернизационных изменений в процессе воспроизводства населения [Захаров 2003: 19–21].

Однако наблюдавшиеся позитивные перемены объяснились главным образом тем, что в демографический переход включились около 14% российских граждан, в основном из числа образованных и состоятельных людей, проживавших в больших городах, а также жителей западных регионов – по вероисповеданию иудеев, католиков и протестантов. 86% населения (преобладающая часть сельского и городского населения православного, мусульманского, языческого и других нехристианских вероисповеданий) оказалось затронутым новыми веяниями весьма поверхностно. Людей, активно и сознательно вовлеченных в демографический переход (демографических девиантов, с точки зрения поведенческих и культурных стандартов конца XIX–начала XX века), можно считать

инновационным человеческим капиталом страны. Он был значительным и необходимым для медленной и постепенной всеобъемлющей модернизации страны, но не достаточным для быстрых и глубоких революционных буржуазно-демократических преобразований. Революция 1917 г. оказалась преждевременной. Политические акушеры поторопились и искусственно ускорили рождение новой России. Но новорожденный оказался недоношенным. В результате революция не смогла решить задачи, которые ставили ее лидеры и организаторы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность двум анонимным рецензентам за ценные замечания, высказанные по первому варианту статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А. (2008). Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Демографические исследования. 14. Историческая демография / М.Б. Денисенко, И. А. Троицкая (ред.). М.: МАКС Пресс: 14-73.
- Адорно Т. (2001). Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити. 416 с.
- Афиногенов А.О. (1903). Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины. СПб. 136 с.
- Багалеи Д.И., Д.П. Миллер (1912). История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 г.). Т.2. Харьков: Издательство Харьковского городского общественного управления. 986 с.
- Балов А.В. (1898). Очерки Пошехонья. Оттиск из журнала «Этнографическое обозрение». М.: 1-20.
- Безгин В.Б. (2004). Крестьянская повседневность (традиция конца XIX—начала XX в.). М.; Тамбов: МПГУ Издательство ТГТУ. 303 с.
- Беллин Э.Ф. (1889). Отравления азотной кислотой в связи с систематическим употреблением ее для целей плодоизгнания // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1 (1): 20-36.
- Белякова Е. В. (2002). «Бабы стоны»: Как разводились в Российской империи // Родина. 7: 63-67.
- Бечаснов П. (1893). Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867—1886 гг. (по епархиям Европейской России). СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. 33 с.
- Бобровский П. (1863). Гродненская губерния: в 2 т. 1. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба. 138 с.
- Боряковский А.Г. (1893). О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 32: 886-887.
- Бочаров В.В. (2007). Иррациональность и власть в политической культуре России // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Под ред. В.В. Бочарова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 2: 203-217.

- Боярский А.Я. (1975). Население и методы его изучения. М.: Статистика: 225-238.
- Брук С.И., В.М. Кабузан (1980). Динамика этнического состава населения России в эпоху империализма (конец XIX-1917 г.) // История СССР. 3: 74-93.
- Булгакова Л.А. (2008). Внебрачная рождаемость в дореволюционной России (К вопросу об одной демографической загадке) // Страницы истории. Сб. науч. статей, посвященных 65-летию проф. Г.А. Тишкина / Под ред. Р.Ш. Ганелина. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского университета: 367-380.
- Булгакова Л.А. (2009). Невенчаные солдатки: борьба за признание // Власть, общество и реформы в России в XIX-начале XX века: исслед., историография, источниковедение. Антология / Под ред. А.Н. Цамутали. СПб.: Олеариус Пресс: 183-214.
- Бушнелл Дж. (2011). Половое воздержание и целибат в приходе Купля Гороховецкого уезда Владимирской губернии в 1750-е—1830-е гг. // Старообрядчество: История; Культура; Современность. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. 2. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=115 (дата обращения: 05.10.2017).
- Быт великорусских крестьян-землепашцев (1993). Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-составители Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб.: Издательство Европейского Дома. 471 с
- Ван-дер-Борн Р. (1909). Избежание материнства в связи с гигиеной брака, с точки зрения современной медицины. СПб.: Типография товарищества «Грамотность». 144 с.
- Веремченко В.А. (2007). Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX—XX в.). СПб.: Европейский дом. 622 с.
- Вигдорчик Н.А. (1914). Детская смертность среди петербургских рабочих // Общественный врач. 2: 212-253.
- Вишневский А. Г. (1977). Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика: 105-135.
- Вишневский А. Г. (2005). Демографическая революция // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. М.: Наука. 1: 5-216.
- Вишневский А.Г., М.С. Тольц (1988). Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Наука: 75-114.
- Владимирский-Буданов М.Ф. (1900). Обзор истории русского права. Киев; СПб.: Н.Я. Голобин. 674 с.
- Военно-статистический сборник (1871). 4. Россия. 1. / Под ред. Н.Н. Обручева. СПб.: Военная типография 922 с.
- Войцеховский А.И. (1888). Об одном народном abortивном средстве // Протоколы и труды общества елисаветградских врачей за 1886-1887 гг. СПб. 37-41.
- Воспроизводство населения СССР (1983) / Под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика. 303 с.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1842-1914 год (1842-1914). СПб.: Синодальная типография.

- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913, 1914 год (1915). СПб.: Синодальная типография. 142 с.
- Гернет М.Н. (1911). Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: Типография Императорского Московского университета. 318 с.
- Гернет М.Н. (1916). Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13-16 февраля 1914 г. в Петербурге. Пг.: 233-277.
- Гиляровский Ф.В. (1866). Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб.: Типография К. Вульфа. 664 с.
- Голод С.И. (1996). XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя. 191 с.
- Города России в 1910 году (1914). СПб.: типография Н.Л. Ныркина. 1200 с.
- Двенадцатый съезд Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (1913). Вып. 2. СПб. 109 с.
- Движение населения в Европейской России по группам губерний (1865). 1861-1865. 5 с.
- Движение населения в Российской империи за 1867 год (1872). СПб.: Типография
- Движение населения в Российской империи за 1910 год (1916). Петроград: Типография Штаба Петроградского военного округа. 251 с.
- Демографическая модернизация России (2006) / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство. 599 с.
- Денисенко М.Б., Ж.П. Далла Зуанна (2001). Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2: 83-87.
- Дрекслер К.И. (1929). Предохранительные средства в современном браке или как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту (1929). Минск: Автор. 103 с.
- Дьячков В.Л. (2003). Факторы брачно-семейного поведения женщин в XX в. в зеркале устной истории // Женская повседневность в России в XVIII—XX вв. Материалы междунар. науч. конф., 25 сентября / Под ред. П.П. Щербинина. Тамбов: Изд-во ТГУ. 206–214.
- Ершов С. (1898). Материалы для санитарной статистики Свяжского уезда: Опыт сравнительной демографии русской и татарской народностей. СПб.: Типография Яблонского и Перотт. 197 с.
- Жбанков Д.Н. (1922). О половой жизни учащих женщин // Врачебное дело. 10/12.
- Заболотная Л.П. (2010). Имели ли женщины право на развод в Молдове XVI-XVII вв.? // Социальная история. Ежегодник 2009. М.: Алетейя: 9-22.
- Захаров С.В. (2002). Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. Научная конференция. Москва, 27–28 февраля. М.: ЦДЭЧ ИНП РАН, Институт этнологии и антропологии РАН: 19-26.
- Захаров С.В. (2003). Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики. 11: 3-12.
- Иванилова Е.П. (2002). Проблема существования гражданских браков в Тамбовской губернии, XIX в. // Социальная история российской провинции в контексте

- модернизации аграрного общества в XVII-XX вв. Материалы междунар. конф., май / Под ред. В.В. Канищева. Тамбов: Издательство ТГУ: 127–129.
- Иваницкий Н. (1898). Сольвычегодский крестьянин, обстановка его жизни и деятельность // Живая старина. 1 (8): 3–74.
- Историко-статистические таблицы по Ярославской губернии за 1862-1898 гг. (1901). Ярославль: Типография Губернской земской управы. 87 с.
- Караханов М.К. (1977). Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика: 191-213.
- Кечеджи-Шаповалов М.В. (1902). Женское движение в России и за границей. СПб.: Типография Е. Евдокимова. 210 с.
- Кон И.С. (1990). Введение в сексологию. М.: Медицина. 336 с.
- Кон И.С. (1997). Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И. 460 с.
- Котлова Т.Б. (2002). Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX—XX вв. (по материалам центральных губерний России) // Адам и Ева. 3: 154-172.
- Крадецкая С.В. (2012). Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. М. 329 с.
- Крюкова С.С. (1992). Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 4: 41–50.
- Кулишер Е.М. (1916). Наказуемость аборта. Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13-16 февраля 1914 г. в Петербурге. Пг.: 245—255.
- Лаптев М. (1861). Казанская губерния. СПб.: Военная типография. 616 с.
- Латкин В.Н. (1909). Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.). СПб.: Типография Монтвида. 644 с.
- Лебина Н. (2007). «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...»: Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920-х—1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: 228-241.
- Лещенко В.Ю. (2004). Русская семья (XI-XIX вв.). СПб.: СПГУТД. 607 с.
- Ливи Баччи М. (2010). Демографическая история Европы. СПб.: Alexandria. 298 с.
- Липинский А. И. (1868). Симбирская губерния: в 2 частях. 2. СПб.: Военная типография. 761 с.
- Луканин А. (1878). Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному составу // Записки Русского географического общества по отделению статистики. 5. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- Максимова Т.О. (1998). Развод по-русски // Родина. 9: 55–60.
- Мареева Е.П. (2001). Мужчины и женщины при заключении и расторжении брака в XIX в. (по материалам Тамбовской епархии) // От мужских и женских к гендерным исследованиям. Материалы междунар. науч. конф., 20 апреля / Под ред. П.П. Щербинина. Тамбов: Издательство ТГУ: 38-42.

- Мареева Е.П. (2003). Проблема получения женщинами права на отдельное от супруга проживание (на материалах Тамбовской губернии, XIX-начало XX в.) // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв. Материалы международной научной конференции, 25 сентября / Под ред. П.П. Щербинина. Тамбов: Издательство ТГУ: 33-37.
- Марченко О.В. (1977). Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика: 128-137.
- Материалы по изучению детской смертности в Саратовской губернии с 1902 по 1904 г. (1908). В 3 вып. 2 / Сост. Н.И. Тезяков. Саратов: Саратовское губернское земство. 285 с.
- Мельцин М.О. (1999). Судьбы старинного российского дворянства в конце XVIII-начале XX века: Князья Долгоруковы в системе общественных отношений: дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 348 с.
- Милютин В. (1946). Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы. 448 с.
- Минх А.Х. (1890). Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб.: Типография В. Безобразова и К°. 152 с.
- Миронов Б.Н. (1990). Русский город в 1740—1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука. 271 с.
- Миронов Б.Н. (1991). История в цифрах. Л.: Наука. 165 с.
- Миронов Б.Н. (2012). Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII-начало XX века. М.: Весь мир. 844 с.
- Миронов Б.Н. (2014). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. 896 с.
- Миронов Б.Н. (2015). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин. 992 с.
- Михайлов В.М. (1895). Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений, 1840—1890. Новгород: Типография И.И. Игнатовского. 448 с.
- Моисеенко Т.Л. (1984). Методы изучения внутрисемейного контроля над рождаемостью : (обзор) // Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии : К XVI Международному конгрессу исторических наук (Штутгарт, 1985). Реферативный сборник. М.: ИНИОН: 73-86.
- Мухина З.З. (2012). Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX-30-е гг. XX в.) // Этнографическое обозрение. 3: 147-160.
- Никологорский С.А. (2012). Семейный вопрос в российской публицистике конца XIX—начала XX века: Автореф. ... канд. ист. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 30 с.
- Новикова Н. (2000). Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа. URL: www.kennan.yar.ru/seminars/novikova-24102000.html (дата обращения: 01.10.2017).

- Новосельский С.А. (1914). К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. СПб.: Типография МВД. 16 с.
- Новосельский С.А. (1916а). Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: К.Л. Рикер: 14-93.
- Новосельский С.А. (1916b). Смертность и продолжительность жизни в России. Пг.: Типография Министерства внутренних дел. 208 с.
- Новосельский С.А. (1978). Демография и статистика: избранные произведения. М.: Статистика. 269 с.
- О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской (1861). СПб.: Типография С.Н. Бекенева. 105 с.
- Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. (1905). В 2 т. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Н.Л. Ныркин.
- Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13-16 февраля 1914 г. в Петербурге (1916). Пг. 400 с.
- Отчет Министерства юстиции за 1834—1840 год (1835—1841). СПб.: Типография Правительствующего Сената.
- Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год (1861). Воронеж: Типография В. Гольдштейна. 358 с.
- Памятная книжка Воронежской губернии на 1870—71 год (1871). Воронеж: Типография В. Гольдштейна. 346 с.
- Перепись Москвы 1902 года (1904). В 4 вып. 1. Население. 1. Население по полу, возрасту, месторождению, продолжительности пребывания в Москве, семейному состоянию, сословиям, грамотности и степени образования. М.: Статистическое отделение Московской городской управы. 155 с.
- Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года: население (1915). В 2 ч. / Под ред. управляющего отделением В.В. Степанова. 1. Петроград: Издание Городской управы по Статистическому отделению. 339 с.
- Пилсудский Б. (1910). Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев острова Сахалина // Живая старина. 73-74. I—II: 22-48.
- Попов А.А. (1994). Краткая история аборта и демографической политики в России // Планирование семьи в Европе. 1: 5-7.
- Попов Г.И. (1903). Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб.: Типография А.С. Суворина. 404 с.
- Попроцкий М. (1864). Калужская губерния. В 2 т. 1. СПб.: Типография Э. Веймара. 706 с.
- Преображенский И. (1901). Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб.: Типография Е. Евдокимова. 236 с.
- Птуха М. (1928). Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев: ЦСУ Украины. 56 с.
- Рабинович М.Г. (1978). Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука. 328 с.

- Рашин А.Г. (1956). Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Статистические очерки. М.: Госстатиздат. 352 с.
- Розанов Н.П. (2004). Воспоминания старого москвича. М.: Русский мирь. 429 с.
- Роледер Г. (1909). Как предупредить беременность (пер. с нем.). М.: Типография С.П. Семенова. 87 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (2004-2017). Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. 1. Костромская и Тверская губернии. 2. Ярославская губерния. 3. Калужская губерния. 4. Нижегородская губерния. 5. Вологодская губерния. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 7. Новгородская губерния. 9. Казанская губерния. Спасский и Лаишевский уезды. СПб.: Деловая полиграфия.
- Садвокасова Е.А. (1969). Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина. 191 с.
- Санкт-Петербург (1868). Санкт-Петербург: исследования по истории, топографии и статистике столицы (1868). В 3 т. Т. 1. СПб.: Типография В. Безобразова. 207 с.
- Сборник сведений по России за 1884-1885 гг. (1887). СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. 295 с.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств (1917). Год девятый. Пг.: Типография И.Ф. Вайсберга. 649 с.
- Свод законов Российской империи (1857). X. 1. Законы гражданские. СПб.: Второе отделение собственной его императорского величества канцелярии. 491, 104 с.
- Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в 1873, 1892, 1913 году (1875, 1896, 1916). СПб.: Министерство юстиции.
- Семенов Ю.И. (1996). Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX-начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1: 39-46.
- Семенова-Тян-Шанская О.П. (1914). Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 135 с.
- Синкевич Г.П. (1929). Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.; Л.: Государственное медицинское издательство. 90 с.
- Сифман Р.И. (1977). Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // Брачность, рождаемость, семья в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика: 62-82.
- Стайтс Р. (2004). Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: Росспэн. 616 с.
- Сталь Н.Е. (1867). Пензенская губерния. В 2 ч. 2. СПб.: Типография Бургеля. 469 с.
- Статистический ежегодник России 1914 г. (1915). II. Пг.: Типография Штаба Петроградского военного округа. 119 с.
- Статистический ежегодник России 1915 г. (1916). II. Пг.: ЦСК. 58 с.
- Статистический ежегодник России 1916 г. (1918). Вып. 1. М.: Типография Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 90 с.
- Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. (1905). СПб.: С.-Петербургская городская типография. 761 с.

- Тихонов В.П. (1891). Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. 3 / Под ред. Н. Харузина. М.: Типография А. Левенсон и К. 146 с.
- Тишкин Г.А. (1995). Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура / Под ред. Г.А. Тишкина. СПб.: СПбГАК: 138–167.
- Тольц М.С. (1977). Брачность населения России в конце XIX-начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика: 138–153.
- Томилин С.А. (1987). К вопросу о плодovitости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность // Советская демография за 70 лет / Под ред. Т.В. Рябушкина. М.: Наука: 107-109.
- Третий съезд Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в С.-Петербурге (3-10 января 1889 г.): полный отчет (1889). СПб. 441 с.
- Трубников В.В. (1858). Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сборник статистических сведений о России, издаваемый РГО. 3. СПб.: Типография Морского министерства: 343-427.
- Успенский Г.И. (1954). Полное собрание сочинений: в 14 т. 8. М.: Издательство Академии наук СССР. 647 с.
- Фавр В.В. (1910). К вопросу о половых сношениях, о венерических болезнях и онанизме учащейся молодежи: результаты харьковской анкеты среди студентов. Харьков: Типография «Печатное дело»: 1-19.
- Федоров В.А. (1994). Мать и дитя в русской деревне (конец XIX-начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 4: 3-21.
- Феноменов М.Я. (1925). Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (деревня Гадыши, Валдайского уезда, Новгородской губернии). 2. М.; Л.: Государственное издательство. 211 с.
- Фриз Г. (2009). Мирские нарративы. о священном таинстве: брак и развод в позднимперской России // Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII—XX вв.). Сборник статей / Под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 122-175.
- Ханьков Я.В. (1851). Очерк истории медицинской полиции в России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел. 114 с.
- Хлопин Г., И. Эрисман (1899). Медицина и народное здравие // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. 27-а: Россия. СПб.: Типография Акционерного общества «Издательское дело»: 214-227.
- Цатурова М.К. (2011). Три века русского развода (XVI-XVIII века). М.: Логос. 285 с.
- Членов М.А. (1907). Половая перепись московского студенчества // Русский врач. 31-32: 1072-1111.
- Чухнин П.Н. (1894). К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения России // Труды пятого съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. В 2 т. 1. СПб. XCIV, 712, 51 с.
- Щербинин П.П. (2002). Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII-XIX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного

- общества в XVII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002) / В.В. Канищев (ред). Тамбов: Издательство ТГУ: 142-146.
- Щербинин П.П. (2004). Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII-начале XX в. Тамбов: Юлис. 507 с.
- Юкина И.И. (2007). Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя Историческая книга. 539 с.
- Яковлев Я. (1923). Деревня как она есть. М.: Красная новь. 132 с.
- Яковлев Я. (1924). Наша деревня: Новое в старом и старое в новом. М.: Красная новь. 180 с.
- Bridger S. (1992). Soviet Rural Women: employment and family life // Russian peasant women / B. Farnsworth, L. Viola, eds. New York: Oxford university press: 271-293.
- Edmondson L.H. (1984). The feminist movement in Russia: 1900—1917. Stanford, CA: Stanford university press. 351 p.
- Engelstein L. (1991). Abortion and the civic order: the legal and medical debates // Russian's women: accommodation, resistance, transformation / B.E. Clements, B.A. Engel, Ch. D. Worobec, eds. Berkeley, CA et al.: University of California press: 185-207.
- Engelstein L. (1992). The keys to happiness: sex and the search for modernity in fin-de-siècle Russia. Ithaca; London: Cornell university press. 480 p.
- Farnsworth B. (1992). Rural women and the law: divorce and property rights in the 1920's, beatrice // Russian peasant women / B. Farnsworth, L. Viola, eds. New York: Oxford university press: 167-188.
- Freeze G.L. (1990). Bringing order to the Russian family: marriage and divorce in Imperial Russia, 1760-1860 // The journal of modern history. 62 (4): 709-746.
- Freeze G.L. (2006). Matrimonial sacrament and profane stories: class, gender, confession, and the politics of divorce in late Imperial Russia // Sacred stories: religion and spirituality in modern Russia / M. Steinberg, H. Coleman, eds. Bloomington, Indiana: Indiana university press: 146-178.
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective // Population in history / D.D. Glass, D.E.C. Eversley, eds. London : Edward Arnold publishers: 101–143.
- McLaren A. (1990). A history of contraception from antiquity to the present. Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell. 275 p.
- Patterns of first marriage: timing and prevalence (1990). New York: United Nations. 327 p.
- Ransel D. (1982). Problems in measuring illegitimacy in prerevolutionary Russia // Journal of social history Carnegie-Mellon university. 16 (2): 11-27.
- Ransel D.L. (1988). Mothers of misery: child abandonment in Russia. Princeton, NJ: Princeton university press. 300 p.
- Ransel D.L. (2000). Village mothers: three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis: Indiana university press. 314 p.
- Riddle J.M. (1997). Eve's herbs: a history of contraception and abortion in the West. Cambridge, Mass.: Harvard university press. 352 p.
- Riddle J.M. (2001). Birth, contraception, and abortion // Encyclopedia of European social history from 1350 to 2000. In 6 vols. 2 / P. Stearns, ed. New York etc. : Charles Scribner's Sons: 181-191.

Stites R. (1991). The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and bolshevism, 1860-1930. Princeton: Princeton university press. 464 p.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 THROUGH THE PRISM OF DEMOGRAPHIC MODERNIZATION

BORIS MIRONOV

In late imperial Russia demographic indicators improved, the efficiency of population replacement increased somewhat, the familiar rationalization of demographic behavior occurred, and intra-familial relations were humanized. But arguably most important were the differentiation of sexual, matrimonial, and reproductive behavior among a significant portion of the population and the development of individual control over fertility, changes regarded in demography as criteria for the first demographic transition. The primary explanation of these observed positive changes lies in the participation in this demographic revolution of approximately 14 percent of Russian citizens, mainly from the educated and affluent population living in large cities, as well as residents of the western regions who were Jews, Catholics, and Protestants by confession. The predominant portion of the rural and urban population, of Orthodox, Muslim, pagan, and other non-Christian religious affiliations (approximately 86 percent of the entire population), was affected by the new trends superficially. People actively and consciously drawn into the demographic transition, having been transformed psychologically, mentally, and culturally, also displayed receptivity to innovations in the social, political, cultural, and economic spheres and were the most prepared for and desirous of the refashioning of social life on a bourgeois-democratic basis. Their numbers were sufficient for the slow, gradual, overall modernization of the country but inadequate for rapid and profound revolutionary bourgeois-democratic transformations. Consequently, the Revolution of 1917 proved premature. Political midwives hurriedly and artificially hastened the birth of a new Russia. The newborn was born preterm. As a result, the revolution could not meet the challenges set by its leaders and organizers.

Key words: nuptiality, fertility, mortality, efficiency of population replacement, birth control, illegitimate children, premarital sex, abortion, contraception, divorce, demographic transition.

BORIS N. MIRONOV (bmironov@mail.wplus.net), ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JULY 2017.

REFERENCES

- Adorno T. (2001). Issledovanie avtoritarnoy lichnosti [Research of an authoritarian personality]. Moscow: Serebryanye niti. 416 p.
- Afinogenov A.O. (1903). Zhizn' zhenskogo naseleniya Ryazanskogo uyezda v period detородной deyatel'nosti zhenshchiny [The life of the female population of the Ryazan uyezd during the fertility period]. Saint Petersburg. 136 p.
- Avdeev A. (2008). Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR [Infant mortality and the history of the protection of motherhood and childhood in Russia and the Soviet Union]. Demograficheskie issledovaniya [Demographic research]. 14. Istoricheskaya demografiya [Historical demography] / M.B. Denisenko, I.A. Troickaja, eds. Moscow: MAKS Press: 14-73.
- Bagalej D.I., D.P. Miller (1912). Istoriya goroda Khar'kova za 250 let ego sushchestvovaniya (s 1655 po 1905 g.) [The history of Kharkiv over 250 years of its existence (1655–905)]. T.2. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. 986 p.
- Balov A.V. (1898). Ocherki Poshekhon'ya [Essays of Poshekhonye]. Ottisk iz zhurnala "Etnograficheskoe obozrenie" [Reprint from the journal "Ethnographic review"]. Moscow: 1-20.

- Bechasnov P. (1893). Statisticheskie dannye o razvodakh i nedeystvitel'nykh brakakh za 1867—1886 gg. (po eparkhiyam Evropeyskoy Rossii) [Statistics on divorces and marriages void for 1867-1886. (dioceses of European Russia)]. Saint Petersburg: Tsentral'nyy statisticheskiy komitet Ministerstva vnutrennikh del. 33 p.
- Beljakova E. V. (2002). «Bab'i stony»: Kak razvodilis' v Rossiyskoy imperii ["Indian moaning": divorce in the Russian Empire] // Rodina [Homeland]. 7: 63-67.
- Bellin Je.F. (1889). Otravleniya azotnoy kislotoy v svyazi s sistematicheskim upotrebleniem ee dlya tseyey plodoizgnaniya [Poisoning nitric acid in connection with the systematic use of it for the purposes of ludojskaya] // Vestnik obshchestvennoy gigieny, sudebnoy i prakticheskoy meditsiny [Bulletin of public hygiene, forensic and practical medicine]. 1 (1): 20-36.
- Bezgin V.B. (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsiya kontsa XIX—nachala XX v.) [Peasant daily (the tradition of the late XIX—early XX century)]. Moscow; Tambov: Izdatel'stvo TGTU. 303 p.
- Bobrovsky P. (1863). Grodnenskaya guberniya: v 2 t. [Grodno province: in 2 vol.]. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta General'nogo shtaba. 138 p.
- Bocharov V.V. (2007). Irratsional'nost' i vlast' v politicheskoy kul'ture Rossii [Irrationality and power in the political culture of Russia] // Antropologiya vlasti [Anthropology of power]. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 t. [A reader in political anthropology: in 2 vol] / V.V. Bocharov, ed. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2: 203-217.
- Borjakovsky A.G. (1893). O vrede sredstv, prepyatstvuyushchikh zachatiyu [About the dangers of means to prevent conception] // Vrach [Doctor]. 32: 886-887.
- Boyarskiy A. I. (1975). Naselenie i metody ego izucheniya [Population and methods of its study]. Moscow: Statistika: 225-238.
- Bridger S. (1992). Soviet Rural Women: employment and family life // Russian peasant women / B. Farnsworth, L. Viola, eds. New York: Oxford university press: 271-293.
- Bruk S.I., V.M. Kabuzan (1980). Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Rossii v epokhu imperializma (konets XIX-1917 g.) [Dynamics of ethnic composition of the population of Russia in the age of imperialism (late XIX—1917)] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. 3: 74-93.
- Bulgakova L. A. (2008). Vnebrachnaya rozhdanost' v dorevolyutsionnoy Rossii (K voprosu ob odnoy demograficheskoy zagadke) [Extra-marital fertility in pre-revolutionary Russia (To the question about a demographic mystery)] // Stranitsy istorii [Pages of history]. Cb. nauch. statey, posvyashchennykh 65-letiyu prof. G.A. Tishkina [Volume of scientific articles, dedicated to the 65th anniversary of Professor G.A. Tishkin] / R.Sh. Ganelina, ed. Saint Petersburg: Izdatel'skiy Dom Sankt-Peterburgskogo universiteta: 367-380.
- Bulgakova L.A. (2009). Nevenchannye soldatki: bor'ba za priznanie [Unwed wives of soldiers: the struggle for recognition] // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX-nachale XX veka: issled., istoriografiya, istochnikovedenie [Government, society and reforms in Russia in XIX-early XX centuries: studies., historiography, source studies]. Antologiya [Anthology] / A.N. Camutali, ed. Saint Petersburg: Olearius Press: 183-214.
- Bushnell Dzh. (2011). Polovoe vozderzhanie i tselibat v prikhode Kuplya Gorokhovetskogo uезда Vladimirskoy gubernii v 1750-e—1830-e gg. [Sexual abstinence and celibacy in the parish Purchase, Gorokhovets district of the Vladimir province in 1750—1830] // Staroobryadchestvo: Istoriya; Kul'tura; Sovremennost' [Old Believers : History ; Culture].

- Materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Materials of the Xth Intern. scientific-practical conference]. V 2 t. [In 2 vol.]. 2. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=115 (accessed: 05.10.2017).
- Byt velikorusskikh krest'yan-zemlepahtsev [The life of the Great Russian peasants-tillers] (1993). Opisanie materialov Etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva (na primere Vladimirskoy gubernii) [Description of materials of Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenisheva (on the example of the Vladimir province)] / B.M. Firsov, I.G. Kiseleva, author-eds. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo Doma. 471 p.
- Caturova M.K. (2011). Tri veka russkogo razvoda (XVI-XVIII veka) [Three centuries of Russian divorce (XVI-XVIII century)]. Moscow: Logos. 285 p.
- Chlenov M.A. (1907). Polovaya perepis' moskovskogo studenchestva [Sex census of Moscow students] // *Russkiy vrach* [Russian doctor]. 31-32: 1072-1111.
- Chuhnin P.N. (1894). K statistike vykidyshey i prezhdevremennykh rodov sredi narodonaseleniya Rossii [The statistics of miscarriages and premature births among the population of Russia] // *Trudy pyatogo s'ezda Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N.I. Pirogova* [Proceedings of the fifth Congress of the Society of Russian physicians in memory of N.I. Pirogov]. V 2 t. [In 2 vol.]. 1. Saint Petersburg. XCIV, 712, 51 p.
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 599 p.
- Denisenko M.B., Zh.P. Dalla Zuanna (2001). Seksual'noe povedenie rossiyskoy molodezhi [Sexual behavior of Russian youth] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2: 83-87.
- D'jachkov V.L. (2003). Faktory brachno-semeynogo povedeniya zhenshchin v XX v. v zerkale ustnoy istorii [Factors of marriage and family behavior of women in the twentieth century in the mirror of oral history] // *Zhenskaya povsednevnost' v Rossii v XVIII-XX vv.* [Women's everyday life in Russia in XVIII-XX centuries]. Materialy mezhdunar. nauch. konf., 25 sentyabrya [Materials of the international scientific conference, September 25] / P.P. Shherbinin, ed. Tambov: Izd-vo TGU. 206–214.
- Dreksler K.I. (1929). Predokhranitel'nye sredstva v sovremennom brake ili kak predokhranit' sebya ot beremennosti, ne pribegaya k abortu [Safety tools in a modern marriage or how to protect themselves from pregnancy without resorting to abortion] (1929). Minsk: Avtor. 103 p.
- Dvenadtsaty s'ezd Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N.I. Pirogova [The twelfth Congress of the Society of Russian physicians in memory of N.I. Pirogov] (1913). Vyp. 2 [Vyp. 2]. Saint Petersburg. 109 p.
- Dvizhenie naseleniya v Evropeyskoy Rossii po gruppam guberniy [The movement of the population in European Russia by groups of provinces] (1865). 1861-1865. 5 p.
- Dvizhenie naseleniya v Rossiyskoy imperii za 1867 god [Population movement in the Russian Empire in 1867] (1872). Saint Petersburg: Tipografiya MVD. 461 p.
- Dvizhenie naseleniya v Rossiyskoy imperii za 1910 god [The movement of the population in European Russia in 1910] (1916). Petrograd: Tipografiya Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga. 251 p.
- Edmondson L.H. (1984). The feminist movement in Russia: 1900—1917. Stanford, CA: Stanford university press. 351 p.

- Engelstein L. (1991). *Abortion and the civic order: the legal and medical debates // Russian's women: accommodation, resistance, transformation* / B.E. Clements, B.A. Engel, Ch. D. Worobec, eds. Berkeley, CA et al.: University of California press: 185-207.
- Engelstein L. (1992). *The keys to happiness: sex and the search for modernity in fin-de-siècle Russia*. Ithaca; London: Cornell university press. 480 p.
- Ershov S. (1898). *Materialy dlya sanitarnoy statistiki Sviyazhskogo uezda: Opyt sravnitel'noy demografii russkoy i tatarskoy narodnostey* [Materials for sanitary statistics of Sviyazhsk uyezd : the comparative demography of the Russian and Tatar peoples]. Saint Petersburg: Tipografiya Yablonskogo i Perott. 197 p.
- Farnsworth B. (1992). *Rural women and the law: divorce and property rights in the 1920's, beatrice // Russian peasant women* / B. Farnsworth, L. Viola, eds. New York: Oxford university press: 167-188.
- Favr V.V. (1910). *K voprosu o polovykh snosheniyakh, o venericheskikh boleznyakh i onanizme uchashcheyasya molodezhi: rezul'taty khar'kovskoy ankety sredi studentov* [To the question about sexual intercourse, sexually transmitted diseases and masturbation students: results of questionnaire Kharkiv among students]. Kharkov: Tipografiya «Pechatnoe delo»: 1-19.
- Fedorov V.A. (1994). *Mat' i ditya v russkoy derevne (konets XIX-nachalo XX v.)* [Mother and child in the Russian village (the end of XIXth-beginning of XXth centuries)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald]. Seriy 8: Istoriya [Series 8: History]. 4: 3-21.
- Fenomenov M.Ja. (1925). *Sovremennaya derevnya: Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoy derevni (derevnya Gadyshi, Valdayskogo uezda, Novgorodskoy gubernii)* [The modern village: the experience of the regional survey of one village (village Hadisi, Valdai uyezd, Novgorod province)]. 2. [Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 211 p.
- Freeze G.L. (1990). *Bringing order to the Russian family: marriage and divorce in Imperial Russia, 1760-1860* // *The journal of modern history*. 62 (4): 709-746.
- Freeze G.L. (2006). *Matrimonial sacrament and profane stories: class, gender, confession, and the politics of divorce in late Imperial Russia* // *Sacred stories: religion and spirituality in modern Russia* / M. Steinberg, H. Coleman, eds. Bloomington, Indiana: Indiana university press: 146-178.
- Friz G. (2009). *Mirskie narrativy. o svyashchennom tainstve: brak i razvod v pozdneimperskoy Rossii* [Worldly narratives. about the Holy sacrament: marriage and divorce in late Imperial Russia] // *Pravoslavie: Konfessiya, instituty, religioznost' (XVII—XX vv.)* [Orthodox: Confession, institutions, religiosity (XVII—XX centuries)]. *Sbornik statey* [A collection of articles] / M. Dolbilov, P. Rogoznyy, eds. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 122-175.
- Gernet M.N. (1911). *Detoubiystvo: sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie* [Infanticide: a sociological and comparative legal research]. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. 318 p.
- Gernet M.N. (1916). *Istreblenie ploda s ugolovno-sotsiologicheskoy tochki zreniya* [The extermination of the fetus with the criminal-sociological point of view] // *Otchet X obshchego sobraniya Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov 13-16 fevralya 1914 g. v Peterburge* [Report X General meeting of the Russian group of the International Union of criminalists 13-16 Feb 1914 in St. Petersburg]. Petrograd: 233-277.

- Giljarovsky F.V. (1866). *Issledovanie o rozhdenii i smertnosti detey v Novgorodskoy gubernii* [A study on birth and mortality of children in the Novgorod province]. Saint Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa. 664 p.
- Golod S.I. (1996). *XX vek i tendentsii seksual'nykh otnosheniy v Rossii* [The twentieth century and trends in sexual relations in Russia]. Saint Petersburg: Aleteyya. 191 p.
- Goroda Rossii v 1910 godu [Cities of Russia in 1910] (1914). Saint Petersburg: Tipografiya N.L. Nurkina. 1200 p.
- Hajnal J. (1965). *European marriage patterns in perspective // Population in history / D.D. Glass, D.E.C. Eversley, eds. London: Edward Arnold publishers: 101–143.*
- Hanykov Ja.V. (1851). *Ocherk istorii meditsinskoy politsii v Rossii* [Essay on the history of medical care in Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 114 p.
- Hlopin G., I. Jerisman (1899). *Meditsina i narodnoe zdravie* [Medicine and people's health] // *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary] / F.A. Brokgauz, I.A. Efron, eds. 27-a: Rossiya [Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva «Izdatel'skoe delo»: 214–227.
- Istoriko-statisticheskie tablitsy po Yaroslavskoy gubernii za 1862–1898 gg.* [Historical and statistical tables on the Yaroslavl province for 1862–1898] (1901). Yaroslavl: Tipografiya Gubernskoy zemskoy upravy. 87 p.
- Ivanicky N. (1898). *Sol'vychegodskiy krest'yanin, obstanovka ego zhizni i deyatel'nost'* [Solvychegodsk peasant, the setting of his life and activities] // *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 1 (8): 3–74.
- Ivanilova E.P. (2002). *Problema sushchestvovaniya grazhdanskikh brakov v Tambovskoy gubernii, XIX v.* [The problem of the existence of civil marriages in the Tambov province, XIX century] // *Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVII–XX vv.* [Social history of the Russian province in the context of modernization of agrarian society in the XVII—XX centuries]. *Materialy mezhdunar. konf., may* [Materials of Intern. conf., may] / V.V. Kanishhev, ed. Tambov: Izdatel'stvo TGU: 127–129.
- Jakovlev Ja. (1923). *Derevnya kak ona est'* [The village as it is]. Moscow: Krasnaya nov'. 132 p.
- Jakovlev Ja. (1924). *Nasha derevnya: Novoe v starom i staroe v novom* [Our village : the New in the old and the old in the new]. Moscow: Krasnaya nov'. 180 p.
- Jukina I.I. (2007). *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of modernity]. Saint Petersburg: Aleteyya Istoricheskaya kniga. 539 p.
- Karahanov M.K. (1977). *Demograficheskie protsessy v Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX stoletiya* [Demographic processes in Central Asia in the second half of the nineteenth century] // *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriages, births and deaths in Russia and in the USSR] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Statistika: 191–213.
- Kechedzhi-Shapovalov M.V. (1902). *Zhenskoe dvizhenie v Rossii i za granitsey* [The women's movement in Russia and abroad]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Evdokimova. 210 p.
- Kon I.S. (1990). *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Meditsina. 336 p.
- Kon I.S. (1997). *Seksual'naya kul'tura v Rossii: Klubnichka na berezke* [Sexual culture in Russia: Strawberry on the birch]. Moscow: O.G.I. 460 p.
- Kotlova T.B. (2002). *Zamuzhestvo i razvod v zhizni gorozhanki na rubezhe XIX—XX vv. (po materialam tsentral'nykh guberniy Rossii)* [Marriage and divorce in the life of urban women

- at the turn of XIX—XX centuries (on materials of the Central provinces of Russia)] // Adam i Eva [Adam and Eve]. 3: 154-172.
- Krudeckaja S.V. (2012). Grazhdanskaya identichnost' feministok v Rossii v nachale XX v.: diss. ... kand. ist. nauk. [Civil identity of feminists in Russia in the early XX century: autoabstract Ph.D]. Moscow.
- Krjukova S.S. (1992). Brachnye traditsii yuzhnorusskikh guberniy vo II pol. XIX v. [Marriage customs of the southern Russian provinces in the second half of the XIXth century.] // Etnograficheskoe obozrenie [The ethnographic review]. 4: 41–50.
- Kulisher E.M. (1916). Nakazuemost' aborta [The punishment for abortion]. Otchet X obshchego sobraniya Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov 13-16 fevralya 1914 g. v Peterburge [Report X General meeting of the Russian group of the International Union of criminalists 13-16 Feb 1914 in St. Petersburg]. Petrograd: 245-255.
- Laptev M. (1861). Kazanskaya guberniya [Kazan province]. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. 616 p.
- Latkin V.N. (1909). Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii: (XVIII i XIX st.) [The textbook of history of Russian law of the period of the Empire: (XVIII and XIX centuries)]. Saint Petersburg: Tipografiya Montvida. 644 p.
- Lebina N. (2007). «Navstrechu mnogochislennym zayavleniyam trudyashchikhsya zhenshchin...»: Abortnaya politika kak zerkalo sovetskoy sotsial'noy zaboty // Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-kh—1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost' ["To meet the numerous allegations of women workers...": Abortion policy as a mirror of Soviet social care // Soviet social policy 1920s—1930s: ideology and everyday life] / P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova, eds. Moscow: Variant: 228-241.
- Leshhenko V.Ju. (2004). Russkaya sem'ya (XI-XIX vv.) [Russian family (XI-XIX c.). Saint Petersburg: SPGUTD. 607 p.
- Lipinsky A.I. (1868). Simbirskaya guberniya [Simbirsk governorate]. V 2 chastyakh [In 2 parts]. 2. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. 761 p.
- Livi Bachchi M. (2010). Demograficheskaya istoriya Evropy [The demographic history of Europe]. Saint Petersburg: Alexandria. 298 p.
- Lukanin A. (1878). Naselenie Okhanskogo uезда Permskoy gubernii po sosloviyam, vozrastam i semeynomu sostavu [The population of Okhansk district of the Perm province on the estates, ages, and family composition] // Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki [Note RGS, Department of statistics]. 5. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
- Maksimova T.O. (1998). Razvod po-russki [Divorce in Russian] // Rodina [Homeland]. 9: 55–60.
- Marchenko O.V. (1977). Indeksy rozhdaemosti po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii v kontse XIX v. [Indices of fertility for 50 provinces of European Russia in the late nineteenth century] // Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR [Marriages, births and deaths in Russia and in the USSR] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Statistika: 128-137.
- Mareeva E.P. (2001). Muzhchiny i zhenshchiny pri zaklyuchenii i rastorzhenii braka v XIX v. (po materialam Tambovskoy eparkhii) [Men and women in the conclusion and dissolution of marriage in the XIXth century (on materials of Tambov diocese)] // Ot muzhskikh i zhenskikh k gendernym issledovaniyam [From men's and women's gender studies]. Materialy

- mezhdunar. nauch. konf., 20 aprelya [Proceedings of the international. scientific. Conf., 20 Apr.] / P.P. Shherbinin, ed. Tambov: Izdatel'stvo TGU: 38-42.
- Mareeva E.P. (2003). Problema polucheniya zhenshchinami prava na otdel'noe ot supruga prozhivanie (na materialakh Tambovskoy gubernii, XIX -nachalo XX v.) [The problem of obtaining women's right to separate from a spouse stay (on the materials of Tambov province of XIX-beginning of XX century)] // Zhenskaya povsednevnost' v Rossii v XVIII-XX vv. [Women's everyday life in Russia in XVIII-XX centuries]. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 25 sentyabrya [Materials of the international scientific conference, 25 sept.] / P.P. Shherbinin, ed. Tambov: Izdatel'stvo TGU: 33-37.
- Materialy po izucheniyu detskoj smertnosti v Saratovskoy gubernii s 1902 po 1904 g. [Materials for the study of child mortality in Saratov province in 1902 - 1904] (1908). V 3 vyp. [In 3 parts]. 2 / N.I. Tezjakov, comp. Saratov: Saratovskoe gubernskoe zemstvo. 285 p.
- McLaren A. (1990). A history of contraception from antiquity to the present. Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell. 275 p.
- Mel'cin M. O. (1999). Sud'by starinnogo rossiyskogo dvoryanstva v kontse XVIII-nachale XX veka: Knyaz'ya Dolgorukovy v sisteme obshchestvennykh otnosheniy: diss. ... kand. ist. nauk [The fate of the old Russian nobility in the late XVIII-early XX century: Princes Dolgorukovs in the system of social relations: autoabstract Ph.D]. Saint Petersburg.
- Mihajlov V.M. (1895). Srednie russkie akusherskie itogi za pyat'desyat let po materialam pechatnykh otchetov rodovspomogatel'nykh uchrezhdeniy, 1840—1890 [The average Russian obstetric outcome in fifty years on materials printed reports of maternity services, 1840-1890]. Novgorod: Tipografiya I.I. Ignatovskogo. 448 p.
- Miljutin V. (1946). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 448 p.
- Minh A.H. (1890). Narodnye obychai, sueveriya, predrassudki i obryady krest'yan Saratovskoy gubernii [Folk customs, superstitions, prejudices and rituals of the peasants Saratov province]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K^o. 152 p.
- Mironov B.N. (1990). Russkiy gorod v 1740—1860-e gody: Demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie [Russian city in the 1740-1860 years: Demographic, social and economic development]. Leningrad: Nauka. 271 p.
- Mironov B.N. (1991). Istoriya v tsifrakh [History in numbers]. Leningrad: Nauka. 165 p.
- Mironov B.N. (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii, XVIII-nachalo XX veka [The welfare of the population and revolution in Imperial Russia XVIII-beginning of XX century]. Moscow: Ves' mir. 844 p.
- Mironov B.N. (2014). Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol]. 1. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. 896 p.
- Mironov B.N. (2015). Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol]. 3. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. 992 p.
- Moiseenko T.L. (1984). Metody izucheniya vnutrisemeynogo kontrolya nad rozhdaemost'yu : (obzor) [Methods of study of family control of fertility (review)] // Demografiya zapadnoevropeyskogo Srednevekov'ya v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii : K XVI Mezhdunar. kongressu ist. nauk (Shtutgart, 1985) [Demography of Western European middle Ages in modern foreign historiography: To the XVI International Congress East. Sciences (Stuttgart, 1985)]. Referativnyy sbornik [Abstract collection]. Moscow: INION: 73—86.

- Muhina Z.Z. (2012). Plodoizgnanie i kontratsepsiya v traditsionnoy krest'yanskoy kul'ture Evropeyskoy Rossii (vtoraya polovina XIX-30-e gg. XX v.) [Podozvanije and contraception in traditional peasant culture of European Russia (second half XIX-30th of XX century)] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 3: 147-160.
- Nikologorsky S.A. (2012). Semeynyy vopros v rossiyskoy publitsistike kontsa XIX—nachala XX veka: avtoref. ... kand. ist. nauk [Family question in the Russian journalism of the late XIX—early XX century: autoabstract Ph.D.]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova. 30 p.
- Novikova N. (2000). Liberal'nyy feminizm v Rossii i na Zapade: opyt sravnitel'nogo analiza [Liberal feminism in Russia and the West: a comparative analysis]. URL: www.kennan.yar.ru/seminars/novikova-24102000.html (accessed: 01.10.2017).
- Novosel'skiy S.A. (1916a). Obzor glavneyshikh dannykh po demografii i sanitarnoy statistike Rossii [Overview of the most important data on the demographic and health statistics in Russia] // Kalendar' dlya vrachey vsekh vedomstv na 1916 god: v 2 ch. [Calendar for physicians of all departments in 1916: in 2 vol]. 2. Saint Petersburg: K.L. Riker: 14-93.
- Novosel'skiy S.A. (1916b). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 208 p.
- Novosel'skiy S.A. (1978). Demografiya i statistika: izbrannye proizvedeniya [Demographics and statistics: Selected works]. Moscow: Statistika. 269 p.
- Novosel'skiy S.A. (1914). K voprosu o ponizhenii smertnosti i rozhdanosti v Rossii [The question of the reduction of mortality and fertility in Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya MVD. 16 p.
- O sostave i dvizhenii naseleniya po guberniyam Nizhegorodskoy i Yaroslavskoy [On the composition and movement of population in the provinces of Nizhny Novgorod and Yaroslavl] (1861). Saint Petersburg: Tipografiya S.N. Bekeneva. 105 p.
- Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 g. [General set on the Empire of the results of the development data of the First General census of the population produced 28 January 1897] (1905). V 2 t. [In 2 vol.] / N.A. Trojnickiy, ed. Saint Petersburg: N.L. Nyrkin.
- Otchet Ministerstva yustitsii za 1834—1840 god [The report of the Ministry of justice for [1834—1840] (1835—1841)]. Saint Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuiushchego Senata.
- Otchet X obshchego sobraniya Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov 13-16 fevralya 1914 g. v Peterburge [Report X General meeting of the Russian group of the International Union of criminalists 13-16 Feb 1914 in St. Petersburg] (1916). Petrograd. 400 p.
- Pamjatnaja knizhka Voronezhskoy gubernii na 1861 god [The memorable book of the Voronezh province in 1861] (1861). Voronezh: Tipografiya V. Gol'dshtejna. 358 p.
- Pamjatnaja knizhka Voronezhskoy gubernii na 1870—71 god [The memorable book of the Voronezh province in the year 1870-71] (1871). Voronezh: Tipografiya V. Gol'dshtejna. 346 p.
- Patterns of first marriage: timing and prevalence (1990). New York: United Nations. 327 p.
- Perepis' Moskvy 1902 goda [The census of Moscow 1902] (1904). V 4 vyp. [In 4 parts]. 1. Naselenie. [Population]. 1. Naselenie po polu, vozrastu, mestorozhdeniyu, prodolzhitel'nosti prebyvaniya v Moskve, semeynomu sostoyaniyu, sosloviyam, gramotnosti i stepeni obrazovaniya [Population by sex, age, field, duration of stay in Moscow, marital status, class,

- literacy and level of education]. Moscow: The statistical Department of the Moscow city Council. 155 p.
- Petrograd po perepisi naseleniya 15 dekabrya 1910 goda: naselenie [Petrograd census 15 Dec 1910: population] (1915). V 2 ch. [In 2 vol.] / Head of the Department Vladimir Stepanov, ed. 1. Petrograd: Izdanie Gorodskoy upravy po Statisticheskomu otdeleniyu. 339 p.
- Pilsudskij B. (1910). Rody, beremennost', vykidyshi, bliznetsy, urody, besplodie i plodovitost' u tuzemtsev ostrova Sakhalina [Childbirth, pregnancy, miscarriage, twins, ugly, infertility and fertility to the natives of the island of Sakhalin] // Zhivaya starina [Living antiquity]. 73-74. I-II: 22-48.
- Popov A.A. (1994). Kratkaya istoriya aborta i demograficheskoy politiki v Rossii [A brief history of abortion and population policy in Russia] // Planirovanie sem'i v Evrope [Family planning in Europe]. 1: 5-7.
- Popov G.I. (1903). Russkaya narodno-bytovaya meditsina: Po materialam etnograficheskogo byuro kn. V.N. Tenisheva [Russian folk-domestic medicine : On materials of the ethnographic Bureau book. V.N. Tenisheva]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina. 404 p.
- Poprocky M. (1864). Kaluzhskaya guberniya. V 2 t. [Kaluga province: in 2 vol.]. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Je. Vejmara. 706 p.
- Preobrazhensky I. (1901). Otechestvennaya tserkov' po statisticheskim dannym s 1840-41 po 1890-91 gg. [The domestic Church according to the statistics from 1840-41 and 1890-91]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Evdokimova. 236 p.
- Ptuha M. (1928). Smertnost' 11 narodnostey Evropeyskoy Rossii v kontse XIX veka [Mortality 11 Nations in European Russia in the late XIX century]. Kiev: TsSU Ukrainy. 56 p.
- Rabinovich M.G. (1978). Ocherki etnografii russkogo feodal'nogo goroda: Gorozhane, ikh obshchestvennyy i domashniy byt [Essays on the Ethnography of the Russian feudal city's Citizens, their public and home life]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Ransel D. (1982). Problems in measuring illegitimacy in prerevolutionary Russia // Journal of social history Carnegie-Mellon university. 16 (2): 11-27.
- Ransel D.L. (1988). Mothers of misery: child abandonment in Russia. Princeton, NJ: Princeton university press. 300 p.
- Ransel D.L. (2000). Village mothers: three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis: Indiana university press. 314 p.
- Rashin A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913 gg.) [The population of Russia for 100 years (1811-1913)]. Statisticheskie ocherki [Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat. 352 p.
- Riddle J.M. (1997). Eve's herbs: a history of contraception and abortion in the West. Cambridge, Mass.: Harvard university press. 352 p.
- Riddle J.M. (2001). Birth, contraception, and abortion // Encyclopedia of European social history from 1350 to 2000. In 6 vols. 2 / P. Stearns, ed. New York: Charles Scribner's Sons: 181-191.
- Roleder G. (1909). Kak predupredit' beremennost' [How to prevent pregnancy]. Moscow: Tipografiya S.P. Semenova. 87 p.
- Rozanov N.P. (2004). Vospominaniya starogo moskvicha [Memories of the old Muscovite]. Moscow: Russkiy mir". 429 p.

- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nruvy [The Russian peasants. Life. Gen. Customs] (2004-2017). Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Materials of «The Ethnographic Bureau» of the Prince V.N. Tenishev]. 1. Kostromskaya i Tverskaya gubernii [Kostroma and Tver provinces]. 2. Yaroslavskaya guberniya [Yaroslavl province]. 3. Kaluzhskaya guberniya [Kaluga province]. 4. Nizhegorodskaya guberniya [Nizhny Novgorod province]. 5. Vologodskaya guberniya [Vologda province]. 6. Kurskaya, Moskovskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya i Tul'skaya gubernii [Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula province]. 7. Novgorodskaya guberniya [Novgorod province]. 9. Kazanskaya guberniya. Spasskiy i Laishevskiy uezdy [Kazan province. Laishevsky and Spassky districts]. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya.
- Sadvokasova E.A. (1969). Sotsial'no-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov sem'i [Socio-hygienic aspects of family planning]. Moscow: Meditsina. 191 p.
- Sankt-Peterburg (1868). Sankt-Peterburg: issledniya po istorii, topografii i statistike stolitsy [Sankt-Peterburg: A study of the history, topography, and statistics of the capital]. V 3 t. [In 3 vol.]. 3. 1. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova. 207 p.
- Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv [Collection of statistical and economic information on agriculture of Russia and foreign States] (1917). God devyatyy [Ninth year]. Petrograd: Tipografiya I.F. Vaysberga. 649 p.
- Sbornik svedeniy po Rossii za 1884-1885 gg. [Collection of information on Russia in 1884-1885] (1887). Saint Petersburg: Tsentral'nyy statisticheskiy komitet Ministersva vnutrennikh del. 295 p.
- Semenov Ju.I. (1996). Perezhitki pervobytnykh form otnosheniya polov v obychnykh russkikh krest'yan XIX-nachala XX v. [Vestiges of the primitive forms of gender relations in the customs of the Russian peasants of XIX-beginning of XX century] // Etnograficheskoe obozrenie [The ethnographic review]. 1: 39-46.
- Semenova-Tjan-Shanskaja O.P. (1914). Zhizn' «Ivana»: ocherki iz byta krest'yan odnoy iz chernozemnykh guberniy [The life of "Ivan": essays from the life of the peasants of the black earth provinces]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 135 p.
- Shcherbinin P.P. (2002). Nezakonnorozhdennyye deti v sem'yakh soldatok v XVIII-XIX vv. [Illegitimate children in the families of the wives of soldiers in the XVIII-XIX centuries] // Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVII-XX vv. [Social history of the Russian province in the context of modernization of agrarian society in the XVII-XX centuries]. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (may 2002) [Materials of international conference (May 2002)] / V.V. Kanishev, ed. Tambov: Izdatel'stvo TGU: 142-146.
- Shcherbinin P.P. (2004). Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII-nachale XX v. [The military factor in the daily life of Russian women in the XVIII-early XX century]. Tambov: Yulis. 507 p.
- Sifman R.I. (1977). Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897-1914 gg. [Dynamics of population of Russia in 1897-1914] // Brachnost', rozhdaemost', sem'ya v Rossii i v SSSR [Marriages, births and deaths in Russia and in the USSR] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Statistika: 62-82.
- Sinkevich G.P. (1929). Vologodskaya krest'yanka i ee rebenok [The Vologda peasant and her child]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvenoe meditsinskoe izdatel'stvo. 90 p.

- Stajts R. (2004). *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and Bolshevism, 1860-1930]. Moscow: Rosspen. 616 p.
- Stal' N.E (1867). *Penzenskaya guberniya* [Penza province]. V 2 ch. [In 2 vol.]. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Burgelya. 469 p.
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1914 g. [Statistical Yearbook of Russia 1914] (1915). II. Petrograd: Tipografiya Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga. 119 p.
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1915 g. [Statistical Yearbook of Russia 1915] (1916). II. Petrograd: CSK. 58 p.
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1916 g. [Statistical Yearbook of Russia 1916] (1918). 1. Moscow: Tipografiya Moskovskogo Soveta rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 90 p.
- Statisticheskii ezhegodnik S.-Peterburga za 1901—1902 gg. [Statistical Yearbook of St. Petersburg for 1901-1902] (1905). Saint Petersburg: S.-Peterburgskaya gorodskaya tipografiya. 761 p.
- Stites R. (1991). *The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and bolshevism, 1860-1930*. Princeton: Princeton university press. 464 p.
- Svod statisticheskikh svedeniy po delam ugovolnym proizvedennym v 1873, 1892, 1913 godu [A set of statistical information on criminal cases made in 1873, 1892, 1913 year] (1875, 1896, 1916). Saint Petersburg: Ministerstvo yustitsii.
- Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The laws of the Russian Empire] (1857). X. 1. *Zakony grazhdanskie* [The civil laws]. Saint Petersburg: Vtoroe otdelenie sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii. 491, 104 p.
- Tihonov V.P. (1891). *Materialy dlya izucheniya obychnogo prava sredi krest'yan Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii* [Materials for the study of customary law among the peasants Sarapul district of the Vyatka province] // *Sbornik svedeniy dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii* [Collection of information for the study of life of the peasant population of Russia]. 3. / N. Haruzin, ed. Moscow: Tipografiya A. Levenson i K. 146 p.
- Tishkin G.A. (1995). *Zhenskiy vopros v istorii Rossii* [The question of women in the history of Russia] // *Feminizm i rossiyskaya kul'tura* [Russian Feminism and culture] / G.A. Tishkin, ed. Saint Petersburg: SPbGAK: 138–167.
- Tolts M.S. (1977). *Brachnost' naseleniya Rossii v kontse XIX-nachale XX v.* [Marriages of the population of Russia in the late XIX-early XX century] // *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriages, births and deaths in Russia and in the USSR] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Statistika: 138–153.
- Tomilin S.A. (1987). *K voprosu o plodovitosti krest'yanki i vliyanii ee na detskuyu smertnost'* [To the question of peasant fertility and its effect on child mortality] // *Sovetskaya demografiya za 70 let* [Soviet demography in 70 years] / T.V. Rjabushkin, ed. Moscow: Nauka: 107-109.
- Tretiy s"ezd Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N.I. Pirogova v S.-Peterburge (3-10 yanvarya 1889 g.): *polnyy otchet* [The third Congress of the Society of Russian physicians in memory of N.I. Pirogov, St. Petersburg (3-10 January 1889): full report] (1889). Saint Petersburg. 441 p.

- Trubnikov V.V. (1858). Rezul'taty narodnykh perepisey v Ardatovskom uезде Simbirskoy gubernii [The results of the national census in the Ardatov district of the Simbirsk province] // Sbornik statisticheskikh svedeniy o Rossii, izdavaemyy RGO [Collection of statistical information on Russia, published by RGS]. 3. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva: 343-427.
- Uspensky G.I. (1954). Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. V 14 t. [In 14 vol.]. 8. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 647 p.
- Van-der-Born R. (1909). Izbezhanie materinstva v svyazi s gigenoy braka, s tochki zreniya sovremennoy meditsiny [The avoidance of maternity in connection with the hygiene of marriage, from the point of view of modern medicine]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Gramotnost'». 144 p.
- Veremenko V.A. (2007). Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX—XX v.) [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX—XX century)]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom. 622 p.
- Vigdorchik N.A. (1914). Detskaya smertnost' sredi peterburgskikh rabochikh [The infant mortality rate among the St. Petersburg workers] // Obshchestvennyy vrach [Public doctor]. 2: 212-253.
- Vishnevsky A.G. (1977). Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaemosti v Rossii [Early stages of formation of a new type of fertility in Russia] // Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR [Marriages, births and deaths in Russia and in the USSR] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Statistika: 105-135.
- Vishnevsky A.G. (2005). Demograficheskaya revolyutsiya [The demographic revolution] // Vishnevskiy A.G. Izbrannye demograficheskie trudy [Selected demographic works]. Moscow: Nauka. 1: 5-216.
- Vishnevsky A.G., M.S. Tolts (1988). Evolyutsiya brachnosti i rozhdaemosti v sovetskiy period [The evolution of nuptiality and fertility in the Soviet period] // Naselenie SSSR za 70 let [The population of the USSR for 70 years] / L.L. Rybakovsky, ed. Moscow: Nauka: 75-114.
- Vladimirsky-Budanov M. F. (1900). Obzor is-torii russkogo prava [An overview of the history of Russian law]. Kiev; Saint Petersburg: N.Ya. Golobin. 674 p.
- Voенно-statisticheskiy sbornik [Military statistical compilation] (1871). 4. Rossiya [Russia]. 1. / N.N. Obruchev, ed. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. 922 p.
- Vojcehovskiy A.I. (1888). Ob odnom narodnom abortivnom sredstve [About one people's abortive means] // Protokoly i trudy obshchestva elisavetgradskikh vrachey za 1886-1887 gg. [Minutes and papers of the society Elisavetgrad doctors for 1886-1887.] Saint Petersburg: 37-41.
- Vosproizvodstvo naseleniya SSSR [The reproduction of the population of the USSR] (1983) / A.G. Vishnevsky, A.G. Volkov, eds. Moscow: Finansy i statistika. 303 p.
- Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1842-1914 god [Report of the chief Procurator of the Holy Synod on Department of Orthodox confession for 1842-1914] (1842-1914). Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
- Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913, 1914 god [Report, Procurator of the Holy Synod on Department of Orthodox confession for 1913, 1914] (1915). Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. 142 p.

- Zabolotnaja L.P. (2010). Imeli li zhenshchiny pravo na razvod v Moldove XVI-XVII vv.? [Whether women have had the right to divorce in Moldova of XVI-XVIIth centuries?] // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik 2009 [Social history. Yearbook 2009]. Moscow: Aleteyya: 9-22.
- Zakharov S.V. (2002). Rozhdaemost' v Rossii: pervyy i vtoroy demograficheskiy perekhod [The birth rate in Russia: first and second demographic transition] // Demograficheskaja modernizacija, chastnaja zhizn' i identichnost' v Rossii [Demographic modernization, private life and identity in Russia]. Tezisy dokladov [Abstracts]. Nauchnaya konferentsiya [A scientific conference]. Moskva, 27–28 fevralya [Moscow, February 27-28]. Moscow: TsDECh INP RAN, Institut etnologii i antropologii RAN: 19-26.
- Zakharov S.V. (2003). Demograficheskiy perekhod i vosproizvodstvo pokoleniy v Rossii [Demographic transition and the replacement of generations in Russia] // Voprosy statistiki [Questions of statistics]. 11: 3-12.
- Zhbankov D.N. (1922). O polovoy zhizni uchashchikhsya zhenshchin [On the sexual life of female students] // Vrachebnoe delo [Medical Practice]. 10/12.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ: ВЫРАЖЕННОСТЬ БУФЕРНОГО ЭФФЕКТА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

НИНА РУСИНОВА, ВЯЧЕСЛАВ САФРОНОВ

Статья посвящена проблеме влияния персональных психологических ресурсов на социальные неравенства в здоровье. В развитых странах, согласно выявленным ранее фактам, такое влияние описывается в терминах буферного эффекта: психологические ресурсы в большей мере способствуют поддержанию здоровья людей, принадлежащих к нижним социальным слоям, чем тех, кто располагается выше в общественной стратификации, вследствие чего неравенства могут сокращаться. В то же время неясно, является ли буферный эффект универсальным механизмом сглаживания неравенств в здоровье или же он действует только в специфических общественных условиях, характерных для этих стран. В настоящей работе анализируются данные Европейского социального исследования 2012 г. (репрезентативных опросов, проведенных в 27 странах, включая Россию), а также статистика Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения, Международной организации труда и другие аналитические сведения о развитии экономики, социального государства и особенностях культуры этих стран. Применение статистических методов двухуровневого иерархического моделирования (линейного и логистического) позволило показать, что состояние здоровья людей (оценки самочувствия и наличия проблем в повседневной жизни, вызванных хроническим заболеванием) во всех странах социально стратифицировано – оно отчетливо ухудшается по мере снижения социального статуса. В любой из стран психологические ресурсы (контроль над жизнью, автономия и оптимизм) играют важную роль в поддержании здоровья, способствуя его улучшению во всех социальных слоях. Результаты подтверждают существование буферного эффекта, выраженность которого зависит, однако, от общественного контекста. Сокращение статусных неравенств благодаря резервному психологическому потенциалу имеет место, как правило, в благополучных обществах – странах Европы, в которых многие люди не испытывают материальных затруднений. В этих странах психологические резервы оказывают особенно сильное благотворное воздействие на здоровье людей с низким статусом, помогая им преодолевать негативные эмоции и стрессы, вызванные относительной депривацией.

Ключевые слова: здоровье, социальные неравенства, психологические ресурсы, буферный эффект, Европейское социальное исследование, двухуровневое моделирование.

НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Социально-экономический статус, как свидетельствуют исследования, оказывает существенное влияние на физическое и психическое здоровье. Оно заметно ухудшается по мере снижения доходов человека, его образования или социально-профессионального положения. Такой градиент прослеживается практически для любых проявлений нездоровья, начиная от обычных недомоганий и заканчивая серьезными, угрожающими жизни заболеваниями, ведущими к преждевременной смертности.

НИНА ЛЬВОВНА РУСИНОВА (nrusinova@gmail.com), ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, РОССИЯ.

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ САФРОНОВ (vsafonov@list.ru), ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, РОССИЯ.

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА ПО ТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ «СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И СОЦИЕТАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НЕРАВЕНСТВ В ЗДОРОВЬЕ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ», № 0169-2015-0007.

Статья поступила в редакцию в июне 2017 г.

Статусные различия объясняются неравным доступом людей к важным для здоровья ресурсам, включая комфортные условия жизни и труда, качественное питание, возможности рекреации, услуги здравоохранения, поддерживающую культуру [Adler et al. 1994; Mackenbach 2012; Mackenbach et al. 2008; Marmot et al. 1997; Marmot, Wilkinson 2006]. Кроме того, с понижением социально-экономического статуса нарастают неблагоприятные стрессовые воздействия, тогда как возможности справиться с ними, используя социальные связи и поддержку других людей или личностный психологический потенциал, одновременно сокращаются [Matthews, Gallo 2011]. Основные теоретические подходы, в которых предпринимались попытки объяснения социальных неравенств в здоровье, связывали их с материальной депривацией и психосоциальными реакциями (обзор современного состояния исследований неравенств в здоровье см. [Arcaya et al. 2015]). Проблемам социальных неравенств в здоровье уделяют внимание и отечественные исследователи [Вишневский, Школьников 1997; Кислицына 2015; Кислицына, Ферландер 2015; Неравенство и смертность... 2000; Римашевская, Кислицына 2004; Тапилина 2002].

Существенное воздействие на здоровье, наряду с социально-экономическим статусом, оказывают и другие факторы, благодаря которым социальные неравенства могут сокращаться. При определенных условиях люди, даже из неблагополучных слоев, способны поддерживать здоровье, защищаясь от негативных последствий своего уязвимого социально-экономического положения. Одно из направлений, изучающих такие условия, связано с анализом психосоциальных ресурсов – социальных отношений и психологических характеристик личности, позволяющих сохранять здоровье [Gallo, Matthews 2003; Matthews, Gallo 2011]. Вхождение в сети социальных взаимодействий, помощь и поддержка со стороны других людей, объединяемых в современной теории понятием социального капитала, имеют важное значение для сохранения здоровья [Berkman, Glass 2000; Kawachi, Berkman 2000; Kawachi et al. 2008; Rostila 2013; Szreter, Woolcock 2004], а в некоторых странах еще и служат средством сокращения неравенств, оказывая более сильное позитивное влияние на здоровье в низкостатусных группах [Русинова, Сафронов 2015].

Персональные психологические ресурсы, как показывает ряд работ, – также важный фактор здоровья, смягчающий неблагоприятные физиологические последствия стресса и способствующий здоровому поведению [Morozink et al. 2010; Schöllgen et al. 2011]. Кроме того, согласно теоретической «модели резервного потенциала» (reserve capacity model), психологические ресурсы выступают «посредником» во взаимосвязи социального статуса и здоровья [Gallo, Matthews 2003]. Неравномерное распределение этих ресурсов по социальной структуре, их дефицит у людей с низким общественным положением проявляется в статусных неравенствах в здоровье [Boehm et al. 2015; Taylor, Seeman 1999]. Резервный потенциал образуют такие устойчивые психологические характеристики, как высокая самооценка, способность человека контролировать свою жизнь, оптимизм [Boehm, Kubzansky 2012; Gallo, Matthews 2003; Rasmussen et al. 2009; Taylor, Seeman 1999]. Их посредническая роль подтверждается результатами эмпирических исследований, остающихся, правда, немногочисленными [Matthews et al. 2010; Gallo et al. 2009].

Психологические факторы, согласно теоретическим представлениям, могут не только опосредовать отношения социального статуса со здоровьем, но и выступать «модератором» этих отношений (о важности разграничения понятий «медиатор» и «модератор» см. [Baron, Kenny 1986]). Предполагается, что их позитивное влияние на здоровье в большей мере проявляется в нижних социальных слоях, поскольку психологические резервы приобретают особую значимость в условиях ограниченности прочих ресурсов. Еще в конце 1990-х годов было показано [Lachman, Weaver 1998], что наличие психологических резервов (способность контролировать обстоятельства жизни) благотворно сказывается на здоровье представителей любой из доходных категорий, однако в уязвимых слоях влияние было выражено с большей отчетливостью, чем в вышележащих стратах. Психологические ресурсы, отмечается в выводах этого исследования, служат буфером, уменьшая негативные последствия для здоровья низкого статуса. До недавнего времени, однако, существование модулирующего (буферного) эффекта оставалось (из-за недостаточности эмпирических обоснований) под вопросом [Matthews et al. 2010].

В последние годы были получены результаты, все больше устранивающие такие сомнения. Преобладающая их часть выявлена в исследованиях, проводившихся в США (проект MIDUS - Midlife Development in the United States). Важность способности к контролю жизненных обстоятельств в качестве защитного механизма против социально-экономического неблагополучия подтвердилась при лонгитюдном анализе долговременных разрушительных последствий низкого статуса для физического и психического самочувствия [O'Brien 2012]. Уверенность человека в способности контролировать жизнь, согласно еще одному исследованию, снижает риски смертности при низком, но не при высоком социально-экономическом положении [Turiano et al. 2014]. В другой работе, также использовавшей лонгитюдные данные проекта MIDUS, было показано, что «психологическое благополучие» (самопринятие, позитивные отношения с другими, автономность, компетентность, цели в жизни, личностный рост) способствует улучшению самочувствия людей в течение десятилетнего периода, причем особенно заметным такой эффект был у малообразованных респондентов по сравнению с теми, кто получил хорошее образование [Ryff et al. 2015]. Заслуживает упоминания и исследование, выполненное в Германии (данные DEAS - German Ageing Survey). Оно показывает, что высокая самооценка, контроль жизни и оптимизм положительно отражаются на здоровье во всех образовательных и доходных группах, кроме того, они сильнее воздействовали на функциональное и субъективное здоровье малообразованных, по сравнению с теми, кто имеет более высокий уровень образования [Schöllgen et al. 2011]. В определенной мере можно говорить о психологическом буферном эффекте и при рассмотрении таких характеристик человека, как «гибкость в преодолении стресса» (coping flexibility), выявленная при анализе небольшой группы индийцев [Atal, Cheng 2016], а также «адаптации к жизненным обстоятельствам с сохранением надежды на перемены к лучшему» («shift and persist» model) [Chen, Miller 2012].

Высказывались также соображения, что психологические ресурсы могут улучшать здоровье у представителей высокостатусных групп, способствуя (при несильном внешнем давлении) проявлению индивидуальных различий, тогда как при низком общественном

положении эти различия остаются стертыми вследствие преобладающей роли неблагоприятных внешних обстоятельств, но эмпирический анализ это предположение не поддерживает, подкрепляя изложенную ранее трактовку буферного воздействия [Turiano et al. 2014].

Еще одно направление в изучении буферного воздействия психологических ресурсов, также получившее развитие в США, было связано с анализом биологических маркеров, свидетельствующих об угрозах здоровому функционированию физиологических систем организма. Так, установлено, что защитные эффекты психологических ресурсов для здоровья в условиях социально-экономического неблагополучия опосредуются активностью нейроэндокринной системы, отвечающей за координацию физиологических реакций организма на стресс (измеренной суточным ритмом кортизола) [Zilioli et al. 2015; 2017]. Подобные защитные реакции обнаруживаются и при анализе маркера воспалительных процессов (интерлейкин-6): буферное влияние проявлялось при изучении удовлетворенности жизнью [Mogozink et al. 2010], а также интегрального показателя психологических ресурсов, включающего оптимизм, воспринимаемый контроль и самооценку [Elliot, Charman 2016].

Таким образом, обзор исследований свидетельствует, что психологические ресурсы являются важным фактором улучшения здоровья. Они отчасти объясняют неодинаковое его состояние на разных уровнях социальной стратификации, выступая посредником между социально-экономическим статусом и здоровьем. Кроме того, есть убедительные, хотя и немногочисленные, подтверждения предположения о буферном воздействии этих ресурсов, согласно которому резервный психологический потенциал особенно важен для поддержания здоровья в низкостатусных слоях. Правда, эти подтверждения были получены главным образом в США и некоторых странах Европы, так что открытым остается вопрос, можно ли считать буферную закономерность универсальной или же она проявляется только в специфических условиях, связанных с контекстуальными особенностями наиболее развитых стран мира. Изучение таких особенностей практически не проводилось.

Отдельные работы указывают на возможные направления поиска контекстуальных различий, способных повлиять на выраженность интересующих нас эффектов. Сопоставление США и Японии, которое выявило, что переменная «значимости своего я» выступает посредником между социально-классовым структурированием и состоянием здоровья только в Соединенных штатах, где культивируется эта личностная черта, говорит о важности учета культуры [Kan et al. 2014]. Результаты, свидетельствующие о зависимостях между депрессивными состояниями, доходными неравенствами и психологическими ресурсами в 23 странах, изучавшихся в Европейском социальном исследовании, обращают внимание на экономический контекст [van Deurzen et al. 2015]. Контекстуальные различия, согласно сравнению состояния здоровья пожилых людей в США и Англии, могут быть связаны с режимами обеспечения социальных гарантий, как было показано при анализе модулирующего эффекта, возникающего под воздействием переменной контроля жизненных обстоятельств [Clarke, Smith 2011]. О необходимости учета различий между странами по развитию экономики и социального государства говорит и наша работа (по данным Европейского социального исследования), показавшая,

что буферный эффект (правда, с другой составляющей психосоциальных ресурсов – социальным капиталом) проявляется, как правило, только в наиболее развитых странах [Русинова, Сафронов 2015].

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование посвящено проблеме социально-структурных неравенств в здоровье, сохраняющихся даже в наиболее развитых странах мира, и влиянию на них персональных психологических ресурсов. Изучение этой проблемы, проводившееся, как правило, в отдельных странах, главным образом – в США и Западной Европе, продемонстрировало, что такие психологические характеристики, как высокая самооценка, оптимизм, автономия, контроль над жизнью и ряд других могут способствовать снижению социальных неравенств, оказывая наиболее отчетливое позитивное влияние на состояние здоровья уязвимых слоев. Психологические ресурсы играют роль «модератора», опосредуя взаимосвязь между социальными позициями, которые занимают люди, и их здоровьем: наблюдается так называемый «буферный эффект» (или «moderating effect»). В то же время остается неясным, является ли такая зависимость универсальной или же проявляется только при определенных условиях, характерных для наиболее развитых западных обществ.

В предпринятом нами анализе этой проблемы предполагается, во-первых, выяснить, действительно ли в большинстве стран Европы, включая наиболее развитые Скандинавские социальные демократии и государства Западной Европы, менее успешные страны Южной Европы, а также бывшего коммунистического блока, можно обнаружить сглаживание социально-статусных неравенств в здоровье, обусловленное более отчетливым улучшением самочувствия представителей нижних слоев, обладающих резервным психологическим потенциалом. Во-вторых, установить, проявляется ли такой эффект повсеместно с примерно одинаковой силой или же он варьируется по странам, так что в одних частях Европы социальные неравенства снижаются более заметно, чем в других. Наконец, в-третьих, убедившись, что буферный эффект действительно неодинаков в европейских странах, предпринять попытку поиска контекстуальных факторов, характеризующих различия между этими странами, которые могли бы объяснить, при каких именно социетальных условиях буферный эффект становится отчетливо выраженным и когда психологический резервный потенциал слабо сказывается на неравенствах.

Основные трудности исследования связаны с третьим аналитическим направлением, поскольку, как показывает обзор научной литературы, остаются неразвитыми теоретические подходы, которые позволили бы сформулировать предположения о социетальных условиях, способствующих буферному эффекту, и практически полностью отсутствуют сравнительные эмпирические исследования данного феномена, реализованные на достаточно многочисленных (для статистического анализа) выборках стран. Тем не менее, ориентируясь на результаты, полученные при изучении роли социальных ресурсов для здоровья (социального капитала – сетей взаимодействия между людьми, доверия между ними и их взаимной поддержки), и единичные работы, в которых проводились парные сопоставления стран и высказывались соображения о значении

контекста для срабатывания буферного механизма, можно выделить три группы потенциальных факторов, способных повлиять на интересующие нас эффекты. Эти факторы свидетельствуют об:

1. экономическом благополучии стран и выраженности в них доходных неравенств;
2. развитости государства социальных гарантий;
3. особенностях культуры, таких как распространенность в обществе приверженности индивидуалистическим ориентациям или ценностям постмодерна.

Вследствие ограниченности знаний о проблеме при формулировке предположений о возможном влиянии общественного контекста на проявления буферного эффекта остается признать, что благоприятные обстоятельства для его развития могут быть связаны как с высокими, так и с низкими значениями факторов экономического благополучия и государственной социальной защиты. Так, поскольку при низком уровне экономического благосостояния или высоких доходных неравенствах представители нижних социальных слоев не обладают достаточными ресурсами для поддержания здоровья (качественного питания, рекреации, медицинских услуг), именно для них, возможно, особенно важен психологический потенциал сопротивления невзгодам жизни. Не лишено основания и обратное предположение – о более вероятном проявлении буфера в благополучных обществах. Относительная депривация, вызывающая здесь негативные последствия для здоровья уязвимых слоев (благодаря негативным эмоциям и стрессам, порождаемым социальными сравнениями, чувствами отчужденности и несправедливости), может в определенной мере преодолеваться теми представителями этих слоев, у которых есть личностные резервы. Сходным образом, когда отсутствует надежная социальная защита со стороны государства, для сохранения здоровья людей с низким общественным положением может оказаться особенно важной актуализация остающихся в распоряжении некоторых из них резервов: помощи и поддержки близкого окружения и других людей, а также психологических ресурсов. Обратное предположение, согласно которому эти резервы могут оказаться важнее для людей с низким статусом в обществах с сильным социальным государством, также вполне вероятно. При обеспечении государством для неблагополучных людей достойного уровня жизни и доступа к медицинской помощи актуализируется проблема относительной депривации и начинает действовать описанный выше механизм компенсаторного влияния психологического потенциала. Наконец, есть основания ожидать, что буферный эффект обусловлен культурой. Влияние личностных резервов на здоровье людей, не имеющих необходимого доступа к иным ресурсам, обеспечивающим его поддержание, может с большей силой проявляться в культурных контекстах, в которых важное место отводится индивидуалистическим, а не коллективистским, ориентациям, где многие уверены, что контролируют свою жизнь, и ожидают перемен к лучшему, где для все большего круга людей становятся значимыми ценности, характерные для постиндустриального общества.

Решение задач исследования и проверка предположений осуществлялись в ходе совместного анализа эмпирических данных индивидуального и контекстуального уровней: первые характеризуют различия в здоровье людей с разными демографическими, социальными и психологическими характеристиками, проживающих в большинстве стран

Европы, а вторые – социетальные особенности самих этих стран, зафиксированные с помощью указанных выше трех групп факторов.

Индивидуальный уровень в нашей работе представлен массивами данных репрезентативных национальных опросов (население в возрасте старше 14 лет) для 27 стран, собранных в Европейском социальном исследовании (European Social Survey) 2012-2013 гг. [ESS... 2012]. В состав отобранных для анализа стран были включены Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция и Эстония (общее число респондентов, которые учитывались в процессе анализа, составляет около 50 000 человек, средний размер выборочной совокупности – 1870 человек).

Состояние здоровья участников исследования фиксировалось в материалах ESS 6-го раунда с помощью двух показателей. Один из них позволяет судить об общем самочувствии человека по стандартному, широко используемому в социологических исследованиях вопросу о самооценке здоровья: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По Вашему мнению, оно ... 1. Очень хорошее, 2. Хорошее, 3. Среднее, 4. Плохое, 5. Очень плохое». В нашем анализе наряду с пятибалльной шкалой использовался и дихотомический признак «хорошее здоровье», отделяющий респондентов, указавших две первые градации ответов (=1), от тех, кто отметил варианты оценок 3, 4 или 5 (=0). Второй показатель свидетельствует о наличии у человека достаточно серьезных проблем со здоровьем. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Испытываете ли Вы какие-нибудь ограничения, трудности в своей повседневной жизни из-за хронического заболевания или инвалидности, физического недостатка или общей физической немощи, психического расстройства? Насколько серьезные ограничения, трудности Вы испытываете?... 1. Да, очень серьезные, 2. Да, испытываю некоторые ограничения, 3. Нет, не испытываю». В нашей работе применяется индекс ограничений повседневной активности, одна из градаций которого говорит об их отсутствии (=0), а другая – о «серьезных» или «некоторых» ограничениях (=1). В своем исследовании социальный статус мы измеряли с помощью оценок респондентами своего положения в общественной структуре: «В нашем обществе есть люди, которые находятся ближе к верхушке общества, а есть люди, которые ближе к его низам. На этой карточке Вы видите шкалу, которая идет сверху вниз. Где Вы расположили бы себя на этой шкале в настоящее время? ... 10 – На самом верху, 0 – В самом низу». Использование субъективного показателя социального положения вместо объективных переменных (образования, дохода и др.) связано с тем, что, согласно психосоциальной теории, на самочувствие человека серьезно влияют не только материальные лишения, но и относительная депривация, в том числе и то, как он оценивает свое положение в соотнесении с другими людьми. Различия в здоровье, обусловленные социальным статусом, анализировались при контроле демографических переменных: пола (0=Ж, 1=М) и возраста (полных лет), – а также переменной «социального капитала». Анализ социального капитала – самостоятельное направление в исследованиях влияющих на здоровье факторов. Вхождение в социальные сети и позитивные аттитюды к другим людям способствуют хорошему самочувствию, позволяя человеку преодолевать стрессы и получать поддержку в трудных жизненных ситуациях. Подробнее о роли социального

капитала для здоровья, операционализации этого понятия и его измерения, а также результатах моделирования с использованием данных ESS говорится в наших предшествующих работах [Русинова, Сафронов 2015; 2016].

Европейское социальное исследование включало в 6-ом раунде аналитический модуль, посвященный «личному и социальному благополучию» [European social... 2013]. Он содержит ряд интересующих нас показателей резервного психологического потенциала. В настоящей работе рассматриваются три характеристики этого потенциала, которые часто встречаются в релевантной научной литературе. Первая – «автономия», свидетельствующая о том, что человек в своей жизни или при осуществлении определенной деятельности свободен от контроля со стороны других людей. О ее выраженности говорит степень согласия респондента с суждением: «Полагаю, что я свободен решать для себя, как мне жить» (по пятибалльной шкале от полного согласия до полного несогласия). Вторая характеристика – «контроль», способность человека контролировать происходящее в своей жизни и свою деятельность, выраженная в шкальных оценках при ответе на вопрос: «В какой мере Вам удастся находить время, чтобы заняться тем, чем хочется?» (от 0 – вовсе не удастся до 10 – полностью удастся). Третья характеристика психологических ресурсов связана с «оптимизмом» в его личной и социальной формах – положительном оценивании человеком своего и общего будущего. Способы измерения – степень согласия с утверждениями: «Я всегда смотрю на свое будущее с оптимизмом» и «Судя по тому, что происходит в мире, трудно возлагать надежды на его будущее» (пятибалльные шкалы от полного согласия до полного несогласия). Представленные ниже результаты получены при рассмотрении общего индекса персональных психологических резервов, представляющего собой среднее арифметическое всех четырех описанных показателей (преобразованных в шкалы, изменяющиеся от 0 до 1). Анализ этих показателей по отдельности, предпринимавшийся на предварительной стадии работы (не приводится), позволяет получить сходные, с содержательной точки зрения, выводы, однако интересующие нас зависимости в этом случае оказываются менее отчетливо выраженными.

Эмпирическим свидетельством буферного эффекта является сокращение различий в состоянии здоровья респондентов с низким и высоким общественным положением (за счет более выраженного улучшения самочувствия первых), возникающее при учете совместного влияния переменных социального статуса и психологических ресурсов. В связи с этим еще одна переменная индивидуального уровня в нашем анализе – это интеракция между этим статусом и ресурсами.

На контекстуальном уровне, согласно нашим предположениям, заслуживают проверки факторы, различающие страны по: 1) экономическому благосостоянию; 2) развитию социального государства; 3) культуре.

1) Показатели экономического благосостояния:

а) ВВП - валовой внутренний продукт на душу, среднее значение за 2006-2012 гг.¹

¹ World Bank, World Development Indicators, GDP per capita, PPP, constant 2011 international \$. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.KD&country=> (дата обращения: 10.05.2017).

- b) Распространенность высокого уровня жизни – агрегированный показатель, доля респондентов ESS-2012, которые, отвечая на вопрос: «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время? ... А. Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений. Б. Этого дохода нам в принципе хватает. В. Жить на такой доход довольно трудно. Г. Жить на такой доход очень трудно», – выбрали вариант А.
 - c) Доходные неравенства – значения коэффициента Джини².
- 2) Признаки социального государства:
- a) Расходы государства на здоровье в душевом исчислении³.
 - b) Общие расходы на социальную защиту (на душу, рассчитаны в долларах США по паритету покупательной способности (\$, PPP) по данным: International Labor Organization, ILO, Total social protection expenditure, % GDP, 2009-2011; см. [World Social... 2014: Table B.13]).
 - c) Расходы на социальную помощь (на душу, \$, PPP, по данным Public social protection expenditure for persons of active age: general social assistance, % GDP, 2009-2011; см. [World Social... 2014: Table B.13]).
- 3) Индикаторы различий в культуре:
- a) Открытость изменению – агрегированный показатель, рассчитанный по ESS-2012, среднее для страны значение индивидуального индекса ценностных предпочтений «открытость изменению/сохранение» Ш. Шварца, полученного нами при факторном (главных компонент) анализе основных десяти типов ценностей, выделяемых в теории ценностных универсалий [Schwarz 1992; 2012]. Респондентам предлагалась краткая версия «портретного ценностного вопросника» (21-item version of the Portrait values questionnaire, PVQ) [Schwarz 2001].
 - b) Психологические ресурсы – агрегированный индекс, среднее значение для страны описанного ранее индивидуального показателя психологических ресурсов, свидетельствующее о распространенности в обществе личностей, которых характеризуют автономия, контроль над жизнью и оптимизм.
 - c) Индивидуализм – значение индекса, разделяющего, согласно концепции Хофстеде, страны по культурной предрасположенности к индивидуализму/коллективизму (Individualism index, IDV, имеются данные только для 24 из наших стран) [Hofstede et al. 2010: Table 4.1].

Дескриптивные статистики для всех переменных, участвующих в анализе, приведены в таблице 1.

² World Bank, World Development Indicators, GINI index. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=SI.POV.GINI&country=> (дата обращения: 10.05.2017).

³ World Health Organization, WHO, General government health expenditure per capita, \$, PPP, 2012. URL: <http://apps.who.int/nha/database/ViewData/Indicators/en> (дата обращения: 10.05.2017).

Таблица 1. Дескриптивные статистики для переменных индивидуального и контекстуального уровней (шкалы [0; 1])

ПЕРЕМЕННЫЕ, УРОВЕНЬ 1	Среднее значение	Стандартное отклонение
Оценка состояния здоровья [1; 5]	2,24	0,93
Ограничения по здоровью	0,26	0,44
Пол (M=1)	0,46	0,50
Возраст	0,38	0,21
Социальный статус (самооценка)	0,54	0,18
Психологические ресурсы	0,63	0,15
ФАКТОРЫ, УРОВЕНЬ 2		
ВВП на душу	0,41	0,21
Высокий уровень жизни	0,37	0,29
Неравенства: Джини	0,35	0,24
Госрасходы на здоровье	0,41	0,26
Социальные расходы	0,51	0,27
Социальная помощь	0,36	0,28
Сохранение / Открытость изменению	0,53	0,29
Психологические ресурсы	0,47	0,28
Индивидуализм	0,55	0,27

Иерархическая структура эмпирических данных, в которой индивиды со своими показателями здоровья, демографическими, социальными и психологическими особенностями (первый, индивидуальный уровень) соотнесены со странами, описанными в терминах экономического благосостояния, обеспечения государством социальных гарантий и культурных отличий (второй, контекстуальный уровень), анализировалась с помощью специально разработанного для данных такого рода статистического аппарата, относящегося к методам многоуровневого моделирования. В своей работе двухуровневое моделирование мы осуществляли с помощью специализированного пакета программ HLM (*Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling* [Raudenbush, Bryk 2002]). Рассматривались иерархические линейные и логистические модели со «случайными коэффициентами» для переменных первого уровня (индивидуальных различий) и интеракциями между этими переменными и факторами второго уровня (контекстуальных отличий между странами). При этом все эти переменные и факторы преобразовывали в шкалы, изменяющиеся от 0 до 1, что позволило сопоставлять в первом приближении силу их влияния на состояние здоровья. Кроме того, как и рекомендуется при многоуровневом моделировании, переменные 1-го уровня центрировались относительно средних значений в каждой из стран, а 2-го уровня – относительно общего среднего значения. Для устранения искажений в национальных выборках (возникающих вследствие неодинаковых вероятностей включения индивидов в выборочную совокупность, отображения в ней только части населения, ошибок из-за систематической склонности определенных людей к уклонению от ответов) в ходе анализа опросные данные взвешивались с помощью переменной «постстратификационные веса» (*post-stratification weights*)⁴.

⁴ См.: URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

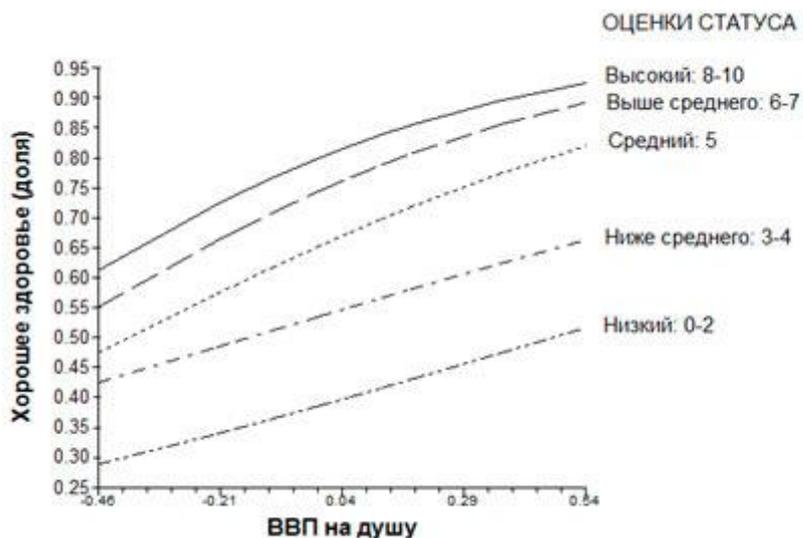
СТАТУСНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

В европейских обществах с полной определенностью проявляются относительные неравенства в здоровье между людьми с низким и высоким общественным положением. В развитых странах эти неравенства не только не сокращаются, но, напротив, заметно усиливаются. Об этом свидетельствуют результаты двухуровневого логистического моделирования, приведенные на рисунке 1. В одной из моделей, которая использовалась для его построения (рисунок 1а), зависимая переменная – это дихотомический индекс, отделяющий тех, кто оценил свое здоровье как «хорошее» или «очень хорошее», от указавших, что оно «среднее», «плохое» или «очень плохое», а в другой – признак, свидетельствующий о наличии у респондента ограничений в повседневной активности, вызванных состоянием здоровья, или об их отсутствии (рисунок 1б). Независимые переменные в обеих моделях были представлены показателями укрупненных статусных оценок (пять категорий), а также контрольных переменных пола и возраста (первый уровень), и душевого ВВП (второй уровень).

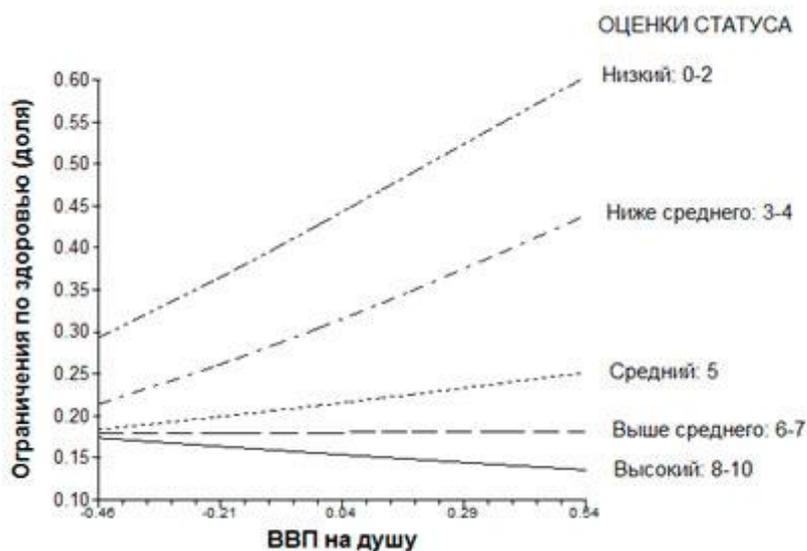
С дифференциацией статусных позиций, как видно на рисунке 1а, связан градиент постепенного улучшения состояния здоровья: с продвижением от низкого к высокому статусу все большая доля опрошенных в любой части Европы оценивает свое самочувствие как хорошее или очень хорошее. В странах с низким, по европейским меркам, уровнем развития экономики, к числу которых относятся многие посткоммунистические государства, в том числе и Россия, только 29% представителей низкостатусного слоя сообщают о хорошем состоянии своего здоровья. Этот показатель, постепенно повышаясь с подъемом по статусной лестнице, достигает у тех, кто обладает высоким общественным положением, значения в 61%. Между полярными социальными категориями – разрыв в оценках здоровья, превышающий 30 процентных пунктов.

С ростом экономического благополучия страны наблюдается заметное улучшение самочувствия в любой из статусных категорий, однако описанная картина с неравенствами становится еще более отчетливо выраженной (межуровневые интеракции между категориями невысокого статуса и душевого ВВП статистически значимы): отмеченный разрыв при самом большом ВВП достигает уже 40%.

Описанные зависимости подтверждаются и при рассмотрении другого показателя здоровья – ограничений повседневной активности. На рисунке 1б видно, что такого рода проблемы чаще встречаются у людей с невысоким статусом, чем у тех, кто занимает высокое общественное положение. Отчасти это связано с тем, что людям, которым здоровье не позволяет полноценно действовать, труднее добиться общественного успеха. Однако не менее важно и то, что немало представителей нижних социальных слоев не обладают крепким здоровьем вследствие ограниченного доступа к важным ресурсам, необходимым для его поддержания (качественное питание, рекреация, медицинская помощь, комфортная психологическая атмосфера), что повышает вероятность хронических заболеваний, в том числе и связанных с ограничениями активности.

а) Различия в оценках самочувствия

б) Ограничения повседневной активности по здоровью

Рисунок 1. Статусные неравенства в здоровье и уровень экономического развития

Примечания: Рисунки построены по уравнениям двухуровневых логистических моделей (Full PQL), фиксирующих расхождения между респондентами в признании а) хорошего состояния здоровья и б) ограничений в активности, обусловленных состоянием здоровья, в зависимости от воспринимаемого социального статуса (при контроле пола и возраста) и различий между странами по показателю душевого ВВП (шкала [0; 1], центрирована относительно среднего значения). N1 (уровень 1, индивиды) = 50526(а), 50407(б); N2 (уровень 2, страны) = 27.

Наращение статусных неравенств в наиболее экономически развитых странах по сравнению с государствами, для которых характерны невысокие значения душевого ВВП, проявляется при анализе показателя «ограничений» даже с большей выразительностью, чем это видно при рассмотрении оценок самочувствия. Так, расхождение между крайними статусными категориями при самых низких значениях развития экономики составляет 12%

(в слое с низким статусом 29% сообщали о наличии ограничений, а с высоким – лишь 17%). Оно постепенно возрастает при повышении уровня экономического развития страны, достигая при его наибольших значениях разрыва в 47 процентных пунктов (проблема ограничений активности затрагивает 60% тех, кто занимает низкие позиции в обществе, тогда как при высоком статусе – только 13%).

Хотя относительные неравенства в здоровье в развитых странах Европы выражены заметно сильнее, чем в странах, отстающих по уровню экономического развития, следует помнить, что в первых эти неравенства характеризуют различия между весьма узким слоем с невысоким статусом (в пяти странах с самым высоким ВВП к двум нижним статусным категориям вместе относятся только около 10% опрошенных) и большинством, которое считает, что занимает позиции в обществе выше средней (около двух третей респондентов). В наименее развитых странах, напротив, большинство составляют те, у кого статус ниже среднего (в пяти странах с невысоким ВВП их около 43%), а в меньшинстве – люди со статусом выше среднего (27%).

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ

Влияние психологических ресурсов на здоровье и на статусные неравенства в здоровье анализировалось с помощью построения двухуровневых моделей со «случайными коэффициентами», что позволило не только проверить предположения о том, что такое влияние действительно имеет место, но и выяснить, отличается ли оно в изучавшихся нами странах. При объяснении различий в оценках людьми своего самочувствия (по пятибалльной шкале) строились линейные модели, а отличий в ограничениях повседневной активности из-за проблем со здоровьем (дихотомический показатель) – логистические модели. И те, и другие в качестве независимых переменных включали: а) основные демографические признаки, определяющие состояние здоровья человека (пол и возраст); б) показатели социального статуса; в) социального капитала (интегрального показателя, свидетельствующего о вовлеченности индивида в сети социальных взаимодействий и отношения с другими людьми, отличающиеся доверием и взаимной поддержкой); г) психологических ресурсов; д) интеракций между показателями социального статуса и психологических ресурсов. Результаты моделирования приведены в таблице 2. Индекс психологических ресурсов в приведенных моделях объединяет показатели «автономия», «контроль» и «оптимизм» (среднее значение для преобразованных шкальных значений, изменяющихся в диапазоне от 0 до 1).

Модели 1 и 2 подтверждают хорошо известные факты о демографических и социальных различиях в здоровье: у женщин оно несколько хуже, чем у мужчин (когда речь идет об общем его состоянии, а не о подверженности серьезным заболеваниям), с возрастом здоровье, естественно, ухудшается, хуже оно становится и по мере снижения социального статуса. Все такие зависимости проявляются с большей определенностью в одних из изучавшихся стран, чем в других (дисперсии 2-го уровня, характеризующие размах влияния социальной демографии на здоровье, были статистически значимыми; не приводятся). Подтверждаются также теоретические представления о важности для здоровья социальных

отношений, получивших обоснование и в наших предшествующих работах [Русинова, Сафронов 2015; 2016]. Социальный капитал, согласно отрицательным, статистически значимым на высоком уровне и заметным по величине (в соотношении с влиянием возраста) гамма-коэффициентам, действительно играет важную роль, способствуя поддержанию самочувствия и смягчению воспринимаемого влияния на повседневную жизнь хронических заболеваний.

Таблица 2. Социальные неравенства в здоровье: влияние психологических ресурсов (двухуровневые модели со случайными коэффициентами)

ПЕРЕМЕННЫЕ, УРОВЕНЬ 1	Модель 1			Модель 2		
	Оценки состояния здоровья			Ограничения по здоровью		
	γ	t-ratio	sig.	γ	t-ratio	sig.
Intercept	2,21	41,5	0,000	-1,35	-18,9	0,000
Пол (М)	-0,06	-4,9	0,000	-0,14	-3,1	0,005
Возраст (лет)	1,63	14,2	0,000	3,83	15,4	0,000
Социальный капитал	-0,79	-13,8	0,000	-0,96	-5,7	0,000
Социальный статус	-0,62	-16,3	0,000	-1,23	-11,2	0,000
Психологические ресурсы	-1,05	-20,3	0,000	-2,15	-16,5	0,000
Статус x Психологические ресурсы	0,97	4,5	0,000	1,15	2,0	0,061
ДИСПЕРСИИ, УРОВЕНЬ 2	u		sig.	u		sig.
γ Статус x Психологические ресурсы	0,840		0,000	4,201		0,003
N1 (индивиды) / N2 (страны)	49196 / 27			49047 / 27		

Примечания: Модель 1: линейная (Full ML), зависимая переменная – оценки состояния здоровья (от 1 – «очень хорошее» к 5 – «очень плохое»). Модель 2: логистическая (Full PQL), зависимая переменная – ограничение повседневной активности из-за проблем со здоровьем (нет = 0, да = 1). Оценивание с использованием робастных стандартных ошибок.

Еще более выраженное позитивное воздействие на здоровье оказывают, как свидетельствуют наши модели, психологические ресурсы. Чем больше запасы таких ресурсов у человека (чем выше его убежденность в том, что он может сам решать, как ему жить, что ему удастся найти время, чтобы заняться тем, чем хочется, а также чем сильнее его уверенность, что у него, как и в мире вообще, все будет хорошо), тем больше вероятность того, что у него выше оценка своего здоровья (по обоим показателям: самочувствия и ограничений активности). Отметим, что влияние психологических ресурсов оказывается одним из самых сильных среди контролировавшихся переменных, уступая только возрасту. Так, значение регрессионного бета-коэффициента для переменной ресурсов в четырех странах с относительно невысоким уровнем жизни (Болгария, Венгрия, Россия и Украина), как и в странах с самым высоким уровнем (Дания, Норвегия, Швейцария, Швеция), равно соответственно 0,19 и 0,20.

Отметим также, что такая связь с переменной резервного психологического потенциала проявляется с разной степенью отчетливости в социальных слоях с низким и высоким общественным положением. Согласно статистически значимой положительной гамме для интеракции переменных статуса и психологических ресурсов в 1-ой модели, статусные неравенства в здоровье сокращаются по мере повышения этого потенциала. Наблюдается так называемый буферный эффект (или «moderating effect»: психологические ресурсы - «модератор», опосредующий воздействие статуса на здоровье). Этот эффект заключается в большем благоприятном влиянии психологических резервов на

самочувствие индивидов, обладающих низким общественным положением, по сравнению с теми, кто занимает более высокие статусные позиции.

Сокращение статусных неравенств под воздействием психологических ресурсов, как показывает представленная в нижней части таблицы 2 дисперсия для гамм, свидетельствующая о выраженности этого сокращения на 2-ом уровне ($p < 0,000$), заметно варьируется в изучавшихся европейских странах: в одних из них оно проявляется с гораздо большей определенностью, чем в других.

В модели 2, которая описывает различия в здоровье по признаку ограничений активности, также обнаруживается описанный эффект сокращения неравенств, и, хотя уровень значимости для интеракции соответствующих переменных не соответствует общепризнанному пятипроцентному критерию, он также, согласно значению дисперсии ($p < 0,003$), может оказаться достаточно заметным в одних странах, а в других, напротив, проявляться слабо или вовсе не проявляться.

Таким образом, результаты моделирования показывают, что психологические резервы, описываемые в терминах «автономии» человека от влияния других на его жизнь, его способности осуществлять «контроль» над ее ходом и «оптимистического» видения своего и всеобщего будущего, оказывают очень сильное положительное влияние на здоровье индивидов, которое проявляется даже при учете основных демографических и социальных переменных, определяющих его состояние. Эти резервы воздействуют и на статусные неравенства в здоровье, способствуя их сокращению. Наиболее вероятную форму такого сокращения можно описать, используя представление о буферном эффекте, согласно которому психологические ресурсы особенно важны для представителей нижних общественных страт, помогая им справляться с трудностями жизни и сохранять здоровье. Сила этого эффекта неодинакова в странах, охваченных Европейским социальным исследованием. Все эти закономерности достаточно отчетливо проявляются при моделировании с использованием обоих показателей здоровья: оценок респондентами своего самочувствия и наличия у них ограничений повседневной деятельности, обусловленных неважным его состоянием.

БУФЕРНЫЙ ЭФФЕКТ: РОЛЬ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

В одних странах, как было нами установлено, психологические резервы выполняют функцию модератора, сглаживая статусные неравенства в здоровье, тогда как в других этого не происходит: неравенства сокращаются незначительно или вовсе не сокращаются. Нам предстоит теперь выяснить, с чем это может быть связано – найти контекстуальные факторы, различающие включенные в исследование страны, которые помогут объяснить, при каких общественных условиях начинает проявляться интересующий нас буферный эффект. Для этого в описанные в предшествующем разделе модели со случайными коэффициентами для переменных первого уровня включались по отдельности факторы второго уровня, характеризующие экономическое благосостояние, социальное государство и культуру, а также межуровневые интеракции этих переменных и факторов.

Результаты анализа, сведенные в таблицу 3, представлены моделями 3-20 (нечетные номера для уравнений, где зависимая переменная – оценки состояния здоровья, а четные – для уравнений, объясняющих ограничения жизнедеятельности по здоровью). В таблице приводятся гамма-коэффициенты (и уровень их статистической значимости) для межуровневых интеракций каждого из контекстуальных факторов с переменной первого уровня, фиксирующей эффект сокращения статусных неравенств под влиянием резервного психологического потенциала.

Таблица 3. Выраженность буферного эффекта психологических ресурсов: роль контекстуальных факторов (двухуровневые модели с интеракциями между переменными 1-го и 2-го уровней)

Модели	Уровень 2: факторы контекста	Межуровневые интеракции					
		Уровень 1: Статус x Психологические ресурсы					
		оценки состояния здоровья			ограничения по здоровью		
		γ	sig.	дисперсия γ , % explained	γ	sig.	дисперсия γ , % explained
<i>Экономическое благосостояние:</i>							
3; 4	ВВП на душу	2,34	0,016	26	6,36	0,031	33
5; 6	Высокий уровень жизни	2,49	0,000	63	5,90	0,020	53
7; 8	Неравенства: Джини	-0,91	0,259		0,58	0,722	
<i>Социальное государство:</i>							
9; 10	Госрасходы на здоровье	2,18	0,003	36	6,24	0,007	45
11; 12	Социальные расходы	1,01	0,159		3,52	0,096	
13; 14	Социальная помощь	1,89	0,011	32	4,30	0,036	33
<i>Культура:</i>							
15; 16	Открытость изменению	2,04	0,006	35	4,21	0,076	
17; 18	Психологические ресурсы	2,60	0,001	53	5,00	0,043	35
19; 20	Индивидуализм	1,48	0,015	18	0,31	0,885	

Примечания: Характеристики зависимых переменных, метод оценивания, N1 и N2 – как в моделях 1 и 2 (в моделях 19; 20 N1 = 45547, N2 = 24). В каждой из моделей 3-20 осуществляли контроль переменных 1-го уровня, приведенных в таблице 1, а также их интеракции с соответствующим фактором 2-го уровня.

Каждая модель характеризуется также процентной долей объясненной на 2-ом уровне дисперсии – вариации в изучавшихся странах влияния на здоровье интеракции «статус на психологические ресурсы». Она рассчитывалась по формуле: *Дисперсия γ , % Explained = (Дисперсия γ для модели со случайными коэффициентами – Дисперсия γ для модели с межуровневыми интеракциями) x 100 / Дисперсия γ для модели со случайными коэффициентами* (подробнее: [Raudenbush, Bryk 2002: 128]). Чем больше такая доля, тем лучше контекстуальный фактор объясняет различия между странами по выраженности в них интересующего нас эффекта.

Среди контекстуальных факторов экономического благосостояния (модели 3-8) статистически значимыми оказались показатели душевого ВВП и высокого уровня жизни (по доле людей в стране, живущих без материальных затруднений), тогда как доходные неравенства с выраженностью буферного эффекта оказались несвязанными. Развитие социального государства (модели 9-14), если судить о нем по государственным расходам на здоровье или на социальную помощь людям в активном возрасте с низкими доходами, но не по общему индексу социальных расходов, также позволяет в какой-то мере различать страны с большим и меньшим проявлением этого эффекта. Позволяют это сделать и все три

характеристики культуры (модели 15-20): распространения в обществе ценностей открытости изменениям за счет меньшего значения, придаваемого консервативному традиционализму; уверенности многих людей в способности контролировать обстоятельства жизни и оптимистическом видении ими будущего; индивидуалистического, а не коллективистского типа сознания. Все значимые гамма-коэффициенты для межуровневых интеракций отличаются положительным знаком, и это значит, что с большей выразительностью буферные эффекты проявляются в наиболее развитых странах с высоким уровнем экономического благополучия и сильной социальной политикой, а также в странах, культура которых несет на себе признаки западной цивилизации и все больше меняется сегодня в направлении укоренения ценностей постмодерна. Все наши предположения о возможных связях буферного эффекта с экономическим неблагополучием и слабой государственной социальной защитой, таким образом, оказываются несостоятельными.

Факторы, соотнесенные с одним из трех наших блоков (экономика, социальное государство, культура), как правило, довольно тесно взаимосвязаны (высокий уровень экономического развития предполагает более щедрые социальные расходы государства, а то и другое в свою очередь – большую приверженность культуре постмодерна). В целом они фиксируют градации различий между наиболее продвинутыми странами Северной и Западной Европы, с одной стороны, и отстающими (по европейским меркам) государствами, располагающимися в Южной части континента или принадлежащими посткоммунистическому миру, с другой. В связи с этим затруднительно вычленив наиболее важные контекстуальные обстоятельства, способствующие актуализации буферного психологического воздействия (при статистическом анализе этому препятствует проблема мультиколлинеарности (*multicollinearity*)). Тем не менее согласно сведениям о доле объясненной дисперсии, указанным в таблице 3, ключевым фактором выступает реальный уровень жизни в стране. Для него эта доля является наибольшей и составляет 63%, когда речь идет об оценках самочувствия, и 53% в случае ограничений, вызванных хроническими заболеваниями. Объяснительные возможности всех прочих факторов оказались гораздо более скромными. Кроме того, можно показать, рассматривая изменения статистики, характеризующей соответствие моделей анализируемым данным («deviance statistics»), что буферный эффект связан, в первую очередь, именно с фактором уровня жизни (при добавлении в уравнение, содержащее этот показатель, любого иного фактора улучшения модели не происходит).

БУФЕРНЫЙ ЭФФЕКТ В КОНТЕКСТЕ: ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Показатель национального уровня жизни, свидетельствующий, напомним, о доле респондентов в стране, сообщивших, что на свои доходы они могут жить без материальных затруднений, очень сильно варьируется для изучавшихся нами стран. Это хорошо видно на рисунке 2.

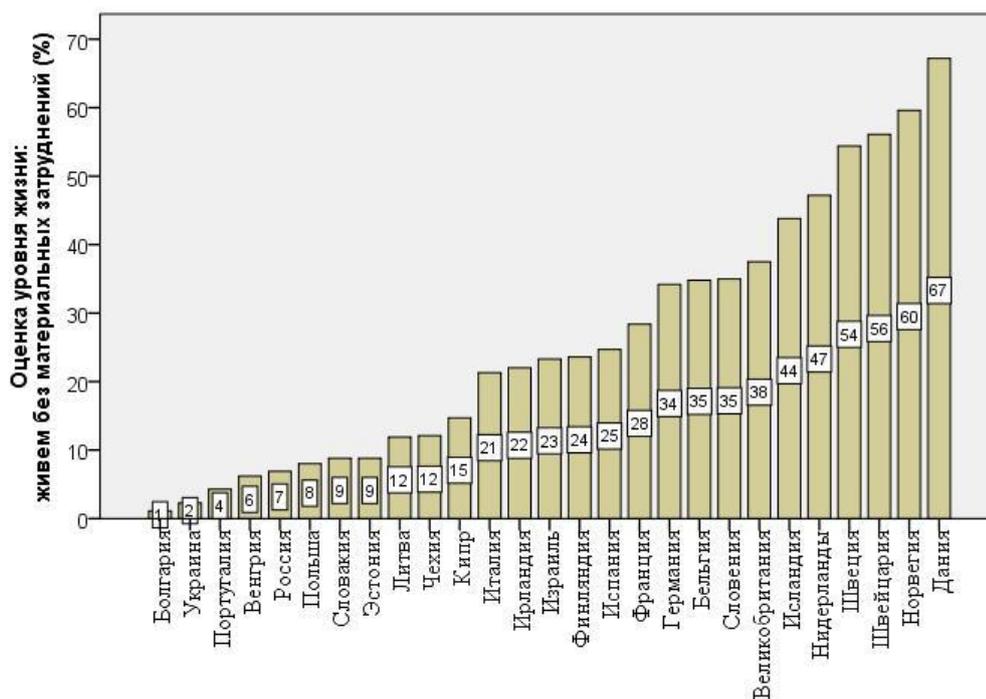

Рисунок 2. Представительство страт с высоким уровнем жизни в ESS-странах

Примечание: Оценка уровня жизни - агрегированный показатель, доля респондентов ESS-2012, которые, отвечая на вопрос: «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время? ... А. Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений. Б. Этого дохода нам в принципе хватает. В. Жить на такой доход довольно трудно. Г. Жить на такой доход очень трудно», – указали вариант А.

Во многих посткоммунистических странах, включая Россию, лишь считанные единицы процентов живут, не испытывая материальных трудностей. На противоположном полюсе, где этот показатель превышает пятидесятипроцентное значение, располагаются Швеция, Швейцария, Норвегия и Дания, чуть ниже – Нидерланды, Исландия и Великобритания.

Влияние национального уровня жизни на буферный эффект оценивалось в моделях 5 и 6 (таблица 2). С целью иллюстрации зависимостей, описываемых этими моделями, их уравнения использовали для построения рисунков 3а и 3б, на которых один и другой показатели здоровья представлены в зависимости от взаимодействия переменных статуса и психологических ресурсов для двух типов стран – с низким и высоким уровнем жизни.

Как видно на рисунке 3а, оценки людьми своего самочувствия существенно улучшаются с повышением резервного психологического потенциала, и такое улучшение затрагивает представителей социальных слоев с низким и более высоким общественным положением. Это улучшение происходит как в странах, где уровень жизни оставляет желать лучшего, так и в тех, где он достаточно высок. Однако если при низких показателях национального уровня жизни психологические ресурсы способствуют переменам самочувствия к лучшему у людей с низким и высоким статусом в примерно равной мере, то при высоких значениях этого контекстуального фактора для первых благотворное влияние проявляется с гораздо большей отчетливостью, чем для вторых. Другими словами, в странах, в которых доходы позволяют многим людям жить без материальных проблем,

наблюдается четко выраженный буферный эффект. Этот эффект оказывается обусловленным контекстом – в тех частях Европы, где уровень жизни населения остается относительно невысоким, сокращения статусных неравенств под воздействием психологических резервов не происходит.

а) Шкала самооценок состояния здоровья

б) Наличие ограничений в повседневной деятельности по здоровью

Рисунок 3. Буферный эффект: значение фактора национального уровня жизни

Примечания: Рисунки а) и б) построены по уравнениям двухуровневых моделей 5 и 6 соответственно. Персональные психологические ресурсы представлены переменной, разбитой (по распределению) на пятипроцентные интервалы. Низкий/высокий уровень жизни в стране – усредненные значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого уровня жизни (процента опрошенных в изучавшихся странах, которым доходы позволяют «жить без материальных затруднений»). Низкий/высокий статус – усредненные значения нижнего и верхнего квартилей переменной воспринимаемого положения в обществе.

Самое отчетливое улучшение самочувствия у представителей уязвимых слоев в странах с высоким уровнем жизни может наблюдаться, однако, и в силу того, что шкала самооценок не позволяла получить более дифференцированные данные о здоровье большей части населения благополучных стран, ограничивая их вариативность. Однако похожие зависимости можно видеть и на рисунке 3б, свидетельствующем о проявлении сходных закономерностей при использовании дихотомического показателя ограничений активности по здоровью (доля людей с такими ограничениями в разных странах слабо связана с уровнем их благосостояния). Психологические ресурсы помогают людям преодолевать чувство неполноценности, порождаемое хроническими заболеваниями, в любом статусном слое во всех странах. Но, как и при анализе самооценок здоровья, в странах с невысоким уровнем жизни это не влечет за собой сокращения социально-структурных неравенств, тогда как в более благополучных в этом отношении обществах неравенства заметно сглаживаются благодаря буферному эффекту, позитивным сдвигам в восприятии человеком проблем со здоровьем, большим при низком, чем при высоком статусе.

Обсуждая полученные результаты, отметим, что ни данные (относящиеся к одному временному срезу, cross-section), ни метод анализа (многоуровневые модели) не дают возможности напрямую интерпретировать полученные зависимости как причинно-следственные связи. Однако, как показывает обширная литература, посвященная проблеме социальных неравенств в здоровье, именно социально-экономический статус – «фундаментальная причина» различий в самочувствии, заболеваемости и смертности, а не наоборот, как можно было бы предположить, не учитывая всего комплекса накопленных в этой области знаний. То же самое можно сказать и о роли психологических ресурсов; об этом говорит целый ряд работ (в том числе упоминаемых в нашем обзоре состояния дел), проведенных в наиболее развитых странах, прежде всего в США, с использованием лонгитюда, специальных экспериментов и выборок. Поэтому наши результаты следует, скорее всего, рассматривать как подтверждение предположения о благоприятном воздействии психологических ресурсов на состояние здоровья людей.

Психологические ресурсы, согласно полученным результатам, важны для поддержания здоровья людей в любом социальном слое и во всех европейских странах, однако значимость этих ресурсов для уязвимых слоев зависит от общественного контекста. Буферный эффект обнаруживается, как правило, в странах Европы, отличающихся особенно высоким уровнем жизни. Согласно нашим предположениям, это может быть связано с тем, что на здоровье представителей нижних слоев здесь заметное воздействие оказывает относительная депривация. Преодолению негативных эмоций и стрессов, возникающих у них при социальных сравнениях, помогает резервный психологический потенциал. Действие такого механизма становится неотчетливым, когда здоровье больше зависит от недостатка материальных ресурсов, как это имеет место в странах с невысоким уровнем жизни.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В представленном исследовании обсуждается проблема влияния персональных психологических ресурсов на социальные неравенства в здоровье. Согласно установленным ранее фактам такое влияние можно описать в терминах буферного эффекта: психологические ресурсы в большей мере способствуют поддержанию здоровья людей, принадлежащих к нижним социальным слоям, чем тех, кто располагает выше в общественной стратификации, вследствие чего неравенства могут сокращаться. Работы, в которых были выявлены эти факты, проводились преимущественно в развитых западных странах, и остается неясным, является ли буферный эффект универсальным механизмом сглаживания неравенств в здоровье или же он действует только в специфических общественных условиях, характерных для этих стран.

Полученные нами результаты подтверждают предположение о том, что буферное сокращение статусных неравенств под воздействием психологических ресурсов зависит от общественного контекста. Такое сокращение имеет место, как правило, в благополучных обществах – в тех странах Европы, которые отличаются высоким уровнем жизни. В этих обществах негативные последствия для здоровья сравнительно немногочисленных уязвимых слоев связаны не столько с материальными лишениями, сколько с относительной депривацией – негативными эмоциями, стрессами, острым переживанием отчужденности, маргинальности и несправедливости, которые порождаются социальными сравнениями с благополучным большинством. Психологические резервы позволяют смягчать отрицательные эффекты для здоровья, вызываемые действием этого механизма.

В таких странах, как Россия, где уровень жизни большей части населения остается невысоким, состояние здоровья людей с низким общественным положением, составляющих относительное большинство, в меньшей степени обусловлено депривацией, порождаемой социальными сравнениями. Оно остается связанным главным образом с ограниченным доступом к качественному питанию, рекреации и медицинской помощи, так что психологический потенциал, помогая преодолевать трудности жизни, позитивно сказывается на самочувствии уязвимых страт, но не сильнее, чем других социальных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А., В. Школьников (1997). Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. М.: Московский Центр Карнеги. 84 с.
- Кислицына О.А. (2015). Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2: 289-302.
- Кислицына О.А., С. Ферландер (2015). Роль социальных отношений в объяснении социально-экономических различий в состоянии здоровья россиян // Социальные аспекты здоровья населения. 4: URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang.ru/> (дата обращения: 05.10.2017).

- Неравенство и смертность в России (2000) / Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Сигналь. 107 с.
- Римашевская Н., О. Кислицина (2004). Неравенство доходов и здоровье // Народонаселение. 2: 5-17.
- Русинова Н.Л., В.В. Сафронов (2015). Здоровье в странах Европы: статусные неравенства и влияние социального капитала // Социологический журнал. 4: 34-60.
- Русинова Н.Л., В.В. Сафронов (2016). Социальные риски депрессии в Европе и России: значение демографии, образования и социального капитала // Социологический журнал. 3: 82-106.
- Тапилина В.С. (2002). Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // ЭКО. 2: 114-125.
- Adler N.E., T. Boyce, M.A. Chesney, S. Cohen, S. Folkman, R.L. Kahn, S.L. Syme (1994). Socioeconomic status and health. The challenge of the gradient // American Psychologist. 49(1): 15-24.
- Arcaya M.C., A.L. Arcaya, S.V. Subramanian (2015). Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Glob health action. 8. URL: <http://dx.doi.org/10.3402/gha.v8.27106> (дата обращения: 05.10.2017).
- Atal S., C. Cheng (2016). Socioeconomic health disparities revisited: coping flexibility enhances health-related quality of life for individuals low in socioeconomic status // Health and quality of life outcomes. 14:7. DOI: 10.1186/s12955-016-0410-1.
- Baron R.M., D.A. Kenny (1986). The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical consideration // Journal of personality and psychology. 51(6): 1173-1182.
- Berkman L.F., T. Glass (2000). Social integration, social networks, social support, and health // Social epidemiology / L.F. Berkman, I. Kawachi, eds. Cambridge: Oxford university press: 137-173.
- Boehm J.K., L.D. Kubzansky (2012). The heart's content: the association between positive psychological well-being and cardiovascular health // Psychological bulletin. 138(4): 655-691.
- Boehm J.K., Y. Chen, D.R. Williams, C. Ryff, L.D. Kubzansky (2015). Unequally distributed psychological assets: are there social disparities in optimism, life satisfaction, and positive affect? // PLoS ONE. 10(2): e0118066. DOI:10.1371/journal.pone.0118066.
- Chen E., G.E. Miller (2012). «Shift-and-persist» strategies: why being low in socioeconomic status isn't always bad for your health. // Perspectives on psychological science. 7(2): 135-158.
- Clarke P., J. Smith (2011). Aging in a cultural context: cross-national differences in disability and the moderating role of personal control among older adults in the United States and England // The journals of gerontology. Series B: Psychological sciences and social sciences. 66(4): 457-467.
- Elliot A.J., B.P. Chapman (2016). Socioeconomic status, psychological resources, and inflammatory markers: results from the MIDUS study // Health psychology. 35(11): 1205-1213.
- ESS Round 6: European social survey round 6 data (2012). Data file edition 2.2. NSD - Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for

- ESS ERIC. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (дата обращения: 17.05.2017).
- European social survey (2013). Round 6 Module on personal and social wellbeing – final module in template. London: Centre for comparative social surveys, City university London.
- Gallo L.C., K.E. de los Monteros, S. Shivpuri (2009). Socioeconomic status and health: what is the role of reserve capacity? // *Current directions in psychological science*. 18(5): 269–274.
- Gallo L.C., A.K. Matthews (2003). Understanding the association between socioeconomic status and physical health: do negative emotions play a role? // *Psychological bulletin*. 129 (1): 10–51.
- Hofstede G., G.J. Hofstede, M. Minkov (2010). *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill.
- Kan C., N. Kawakami, M. Karasawa, G.D. Love, C.L. Coe, Y. Miyamoto, C.D. Ryff, S. Kitayama, K.B. Curhan, H.R. Markus (2014). Psychological resources as mediators of the association between social class and health: comparative findings from Japan and the USA // *International journal of behavioral medicine*. 21(1): 53–65.
- Kawachi I., L.F. Berkman (2000). Social cohesion, social capital, and health // *Social epidemiology* / L.F. Berkman, I. Kawachi, eds. New York: Oxford university press: 174–190.
- Kawachi I., S.V. Subramanian, D. Kim, eds. (2008). *Social capital and health*. New York: Springer.
- Lachman M.E., S.L. Weaver (1998). The sense of control as a moderator of social class differences in health and well-being // *Journal of personality and social psychology*. 74: 763–773.
- Mackenbach J.P. (2012). The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox // *Social science and medicine*. 75(4): 761–769.
- Mackenbach J.P., I. Stirbu, A.-J.R. Roskam, M.M. Schaap, G. Menvielle, M. Leinsalu, A.E. Kunst (2008). Socioeconomic inequalities in health in 22 European countries // *New England journal of medicine*. 358: 2468–2481.
- Marmot M., C.D. Ryff, L.L. Bumpass, M. Shipley, N.F. Marks (1997). Social inequalities in health: next questions and converging evidence // *Social science & medicine*. 44(6): 901–910.
- Marmot M., R.G. Wilkinson, eds. (2006). *Social determinants of health*. Oxford: Oxford university press.
- Matthews K.A., L.C. Gallo (2011). Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health // *Annual review of psychology*. 62: 501–530.
- Matthews K.A., L.C. Gallo, S.E. Taylor (2010). Are psychosocial factors mediators of socioeconomic status and health connections? A progress report and blueprint for the future // *Annals of the New York Academy of sciences*. 1186: 146–173.
- Morozink J.A., E.M. Friedman, C.L. Coe, C.D. Ryff (2010). Socioeconomic and psychosocial predictors of interleukin-6 in the MIDUS national sample // *Health psychology*. 29(6): 626–635.
- O'Brien K.M. (2012). Healthy, wealthy, wise? Psychosocial factors influencing the socioeconomic status–health gradient // *Journal of health psychology*. 17(8): 1142–1151.

- Rasmussen H.N., M.F. Scheier, J.B. Greenhouse (2009). Optimism and physical health: a meta-analytic review // *Annals of behavioral medicine*. 37(3): 239-256.
- Raudenbush S.W., A.S. Bryk (2002). *Hierarchical linear models: applications and data analysis methods*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Rostila M. (2013). *Social capital and health inequality in European Welfare States*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ryff C.D., B.T. Radler, E.M. Friedman (2015). Persistent psychological well-being predicts improved self-rated health over 9–10 years: longitudinal evidence from MIDUS // *Health psychology open*. 2(2). URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2055102915601582> (дата обращения: 05.10.2017).
- Schöllgen I., O. Huxhold, B. Schüz, C. Tesch-Römer (2011). Resources for health: differential effects of optimistic self-beliefs and social support according to socioeconomic status // *Health psychology*. 30(3): 326–335.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 25: 1–65.
- Schwartz S.H. (2001). A proposal for measuring value orientations across nations // *European social survey core questionnaire development*. London: European Social Survey, City university London: 259-319. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
- Schwartz S.H. (2012). An overview of the schwartz theory of basic values // *Online readings in psychology and culture*. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (дата обращения: 10.05.2017).
- Szreter S., M. Woolcock (2004). Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // *International journal of epidemiology*. 33(4): 650–667.
- Taylor S.E., T.E. Seeman (1999). Psychosocial resources and the SES-health relationship // *Annals of the New York Academy of sciences*. 896: 210-225.
- Turiano N., B.P. Chapman, S. Agrigoroaei, F.J. Infurna, M. Lachman et al. (2014). Perceived control reduces mortality risk at low, not high, education levels // *Health psychology*. 33(8): 883-890.
- van Deurzen I., E. van Ingen, W.J.H.van Oorschot (2015). Income inequality and depression: the role of social comparisons and coping resources // *European sociological review*. 31 (4): 477-489.
- World Social Protection Report 2014/15: Building economic recovery, inclusive development and social justice (2014). Geneva: ILO.
- Zilioli S., L. Imami, R.B. Slatcher (2015). Life satisfaction moderates the impact of socioeconomic status on diurnal cortisol slope // *Psychoneuroendocrinology*. 60: 91–95.
- Zilioli S., L. Imami, R.B. Slatcher (2017). Socioeconomic status, perceived control, diurnal cortisol, and physical symptoms: a moderated mediation model // *Psychoneuroendocrinology*. 75: 36–43.

PERSONAL PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND SOCIAL INEQUALITIES OF HEALTH: THE STRENGTH OF THE BUFFER EFFECT IN EUROPEAN COUNTRIES

NINA RUSINOVA, VIACHESLAV SAFRONOV

The article is devoted to the problem of the impact of personal psychological resources on social inequality in health. In developed countries, according to previous studies, such an impact is described in terms of the buffer effect: psychological resources are more conducive to maintaining good health in lower social strata, so that inequalities become less pronounced. At the same time, it is unclear whether the buffering effect is a universal mechanism for smoothing out health inequalities or is valid only in specific societal contexts of these countries. This paper analyzes the ESS 2012 data - representative surveys conducted in 27 countries, including Russia, as well as World Bank, WHO and ILO statistics and other analytical information about the economy, social welfare and culture of these countries. The application of statistical methods of two-level hierarchical modeling (linear and logistic) has shown that the state of people's health (of their assessment of it and of the everyday problems caused by chronic disease) in all countries is socially stratified - it clearly deteriorates with decreasing social status. And in all of them psychological resources (control over life, autonomy and optimism) play an important role in maintaining health, contributing to its improvement in all social layers. The results confirm the existence of a buffer effect, the strength of which, however, depends upon societal context. The reduction of status inequalities thanks to psychological reserve capacity usually takes place in affluent societies – European countries, in which many people live without financial difficulties. In these countries, psychological reserves have particularly strong beneficial effects on the health of individuals with low status, helping them to overcome the negative emotions and stress caused by relative deprivation.

Key words: health, social inequalities, psychological resources, buffer effect, European Social Survey, two-level modeling.

NINA L. RUSINOVA (nrusinova@gmail.com), FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

VIACHESLAV V. SAFRONOV (vsafonov@list.ru), FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

THE STUDY WAS DONE WITH RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES FUNDING, THE PROJECT "COMPARATIVE STUDY OF INDIVIDUAL AND SOCIETAL FACTORS OF INEQUALITIES IN HEALTH IN RUSSIA AND EUROPEAN COUNTRIES" No. 0169-2015-0007.

DATE RECEIVED: JUNE 2017.

REFERENCES

- Adler N.E., T. Boyce, M.A. Chesney, S. Cohen, S. Folkman, R.L. Kahn, S.L. Syme (1994). Socioeconomic status and health. The challenge of the gradient // *American Psychologist*. 49(1): 15-24.
- Arcaya M.C., A.L. Arcaya, S.V. Subramanian (2015). Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // *Glob health action*. 8. URL: <http://dx.doi.org/10.3402/gha.v8.27106> (accessed: 05.10.2017).
- Atal S., C. Cheng (2016). Socioeconomic health disparities revisited: coping flexibility enhances health-related quality of life for individuals low in socioeconomic status // *Health and quality of life outcomes*. 14:7. DOI: 10.1186/s12955-016-0410-1.

- Baron R.M., D.A. Kenny (1986). The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical consideration // *Journal of personality and psychology*. 51(6): 1173-1182.
- Berkman L.F., T. Glass (2000). Social integration, social networks, social support, and health // *Social epidemiology* / L.F. Berkman, I. Kawachi, eds. Cambridge: Oxford university press: 137-173.
- Boehm J.K., L.D. Kubzansky (2012). The heart's content: the association between positive psychological well-being and cardiovascular health // *Psychological bulletin*. 138(4): 655-691.
- Boehm J.K., Y. Chen, D.R. Williams, C. Ryff, L.D. Kubzansky (2015). Unequally distributed psychological assets: are there social disparities in optimism, life satisfaction, and positive affect? // *PLoS ONE*. 10(2): e0118066. DOI:10.1371/journal.pone.0118066.
- Chen E., G.E. Miller (2012). «Shift-and-persist» strategies: why being low in socioeconomic status isn't always bad for your health. // *Perspectives on psychological science*. 7(2): 135-158.
- Clarke P., J. Smith (2011). Aging in a cultural context: cross-national differences in disability and the moderating role of personal control among older adults in the United States and England // *The journals of gerontology. Series B: Psychological sciences and social sciences*. 66(4): 457-467.
- Elliot A.J., B.P. Chapman (2016). Socioeconomic status, psychological resources, and inflammatory markers: results from the MIDUS study // *Health psychology*. 35(11): 1205-1213.
- ESS Round 6: European social survey round 6 data (2012). Data file edition 2.2. NSD - Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (accessed: 17.05.2017).
- European social survey (2013). Round 6 Module on personal and social wellbeing – final module in template. London: Centre for comparative social surveys, City university London.
- Gallo L.C., A.K. Matthews (2003). Understanding the association between socioeconomic status and physical health: do negative emotions play a role? // *Psychological bulletin*. 129 (1): 10-51.
- Gallo L.C., K.E. de los Monteros, S. Shivpuri (2009). Socioeconomic status and health: what is the role of reserve capacity? // *Current directions in psychological science*. 18(5): 269-274.
- Hofstede G., G.J. Hofstede, M. Minkov (2010). *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill.
- Kan C., N. Kawakami, M. Karasawa, G.D. Love, C.L. Coe, Y. Miyamoto, C.D. Ryff, S. Kitayama, K.B. Curhan, H.R. Markus (2014). Psychological resources as mediators of the association between social class and health: comparative findings from Japan and the USA // *International journal of behavioral medicine*. 21(1): 53-65.
- Kawachi I., L.F. Berkman (2000). Social cohesion, social capital, and health // *Social epidemiology* / L.F. Berkman, I. Kawachi, eds. New York: Oxford university press: 174-190.
- Kawachi I., S.V. Subramanian, D. Kim, eds. (2008). *Social capital and health*. New York: Springer.

- Kislitsyna O.A. (2015). Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na sostoyanie zdorov'ya: rol' absolyutnykh ili otnositel'nykh lisheniy [The impact of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation] // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The journal of social policy studies]. 2: 289-302.
- Kislitsyna O.A., S. Ferlander (2015). Rol' sotsial'nykh otnosheniy v ob'yasnenii sotsial'no-ekonomicheskikh razlichiy v sostoyanii zdorov'ya rossiyan [Role of social relations in explaining socio-economic health disparities among the Russians] // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social aspects of population health]. 4: URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang,ru/> (accessed: 05.10.2017).
- Lachman M.E., S.L. Weaver (1998). The sense of control as a moderator of social class differences in health and well-being // Journal of personality and social psychology. 74: 763–773.
- Mackenbach J.P. (2012). The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox // Social science and medicine. 75(4): 761–769.
- Mackenbach J.P., I. Stirbu, A.-J.R. Roskam, M.M. Schaap, G. Menvielle, M. Leinsalu, A.E. Kunst (2008). Socioeconomic inequalities in health in 22 European countries // New England journal of medicine. 358: 2468–2481.
- Marmot M., C.D. Ryff, L.L. Bumpass, M. Shipley, N.F. Marks (1997). Social inequalities in health: next questions and converging evidence // Social science & medicine. 44(6): 901–910.
- Marmot M., R.G. Wilkinson, eds. (2006). Social determinants of health. Oxford: Oxford university press.
- Matthews K.A., L.C. Gallo (2011). Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health // Annual review of psychology. 62: 501-530.
- Matthews K.A., L.C. Gallo, S.E. Taylor (2010). Are psychosocial factors mediators of socioeconomic status and health connections? A progress report and blueprint for the future // Annals of the New York Academy of sciences. 1186: 146-173.
- Morozink J.A., E.M. Friedman, C.L. Coe, C.D. Ryff (2010). Socioeconomic and psychosocial predictors of interleukin-6 in the MIDUS national sample // Health psychology. 29(6): 626–635.
- Neravenstvo i smertnost' v Rossii [Inequality and mortality in Russia] (2000) / V. Shkolnikov, E. Andreeva, T. Maleva, eds. Moscow: Signal. 107 p.
- O'Brien K.M. (2012). Healthy, wealthy, wise? Psychosocial factors influencing the socioeconomic status–health gradient // Journal of health psychology. 17(8): 1142–1151.
- Rasmussen H.N., M.F. Scheier, J.B. Greenhouse (2009). Optimism and physical health: a meta-analytic review // Annals of behavioral medicine. 37(3): 239-256.
- Raudenbush S.W., A.S. Bryk (2002). Hierarchical linear models: applications and data analysis methods. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Rimashevskaya N., O. Kislitsyna (2004). Neravenstvo dokhodov i zdorov'e [Income inequality and health] // Narodonaselenie [Population]. 2: 5-17.
- Rostila M. (2013). Social capital and health inequality in European Welfare States. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Rusinova N.L., V.V. Safronov (2015). Zdorov'e v stranakh Evropy: statusnye neravenstva i vliyanie sotsial'nogo kapitala [Health in the European States: ses inequalities and social capital] // *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. 4: 34-60.
- Rusinova N.L., V.V. Safronov (2016). Sotsial'nye riski depressii v Evrope i Rossii: znachenie demografii, obrazovaniya i sotsial'nogo kapitala [Social risks of depression in Europe and Russia: the role of demographics, education and social capital] // *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. 3: 82-106.
- Ryff C.D., B.T. Radler, E.M. Friedman (2015). Persistent psychological well-being predicts improved self-rated health over 9–10 years: longitudinal evidence from MIDUS // *Health psychology open*. 2(2). URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2055102915601582> (accessed: 05.10.2017).
- Schöllgen I., O. Huxhold, B. Schüz, C. Tesch-Römer (2011). Resources for health: differential effects of optimistic self-beliefs and social support according to socioeconomic status // *Health psychology*. 30(3): 326–335.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 25: 1–65.
- Schwartz S.H. (2001). A proposal for measuring value orientations across nations // *European social survey core questionnaire development*. London: European Social Survey, City university London: 259-319. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (accessed: 10.05.2017).
- Schwartz S.H. (2012). An overview of the schwartz theory of basic values // *Online readings in psychology and culture*. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed: 10.05.2017).
- Szreter S., M. Woolcock (2004). Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // *International journal of epidemiology*. 33(4): 650–667.
- Tapilina V.S. (2002). Sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya i zdorov'e naseleniya Rossii [Socio-economic differentiation and health of the population of Russia] // *EKO* [ECO]. 2: 114-125.
- Taylor S.E., T.E. Seeman (1999). Psychosocial resources and the SES-health relationship // *Annals of the New York Academy of sciences*. 896: 210-225.
- Turiano N., B.P. Chapman, S. Agrigoroaei, F.J. Infurna, M. Lachman et al. (2014). Perceived control reduces mortality risk at low, not high, education levels // *Health psychology*. 33(8): 883-890.
- van Deurzen I., E. van Ingen, W.J.H.van Oorschot (2015). Income inequality and depression: the role of social comparisons and coping resources // *European sociological review*. 31 (4): 477-489.
- Vishnevsky A., V. Shkolnikov (1997). Smertnost' v Rossii: glavnye gruppy riska i priority deystviya [Mortality in Russia: the main risk groups and priorities of action]. Moscow: Moskovskiy Tsentr Karnegi. 84 p.
- World Social Protection Report 2014/15: Building economic recovery, inclusive development and social justice (2014). Geneva: ILO.
- Zilioli S., L. Imami, R.B. Slatcher (2015). Life satisfaction moderates the impact of socioeconomic status on diurnal cortisol slope // *Psychoneuroendocrinology*. 60: 91–95.

Zilioli S., L. Imami, R.B. Slatcher (2017). Socioeconomic status, perceived control, diurnal cortisol, and physical symptoms: a moderated mediation model // *Psychoneuroendocrinology*. 75: 36–43.

ДЕТСКОЕ НЕДОЕДАНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ

Лилия Родионова, Анна Лубнина

Одной из Целей тысячелетия является устойчивое развитие общества, что невозможно без прогресса в сфере искоренения голода. Согласно оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в 2015 г. около 800 млн человек страдали от хронического голода, а подавляющее большинство голодающих проживало в развивающихся странах. 60% детских смертей в развивающихся странах происходило по причине пониженной массы тела. Уровень детского недоедания во многих странах Африки продолжает расти.

В работе исследуются проблемы детского недоедания в странах Африки и моделируются факторы детского недоедания по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН за 1991-2014 гг. Использование подхода на основе моделей панельной коинтеграции позволило получить оценки долгосрочных взаимосвязей, что особенно важно при анализе и мониторинге долгосрочных инвестиционных программ по борьбе с голодом в странах Африки.

Первоначально все страны были разделены на три кластера, различающиеся по социально-экономическому развитию. В странах первого кластера оказалась самая неблагоприятная обстановка: самый низкий уровень ВВП на душу населения, уровень распространенности детской анемии (как показателя скрытого голода) составил 68,9%. Дальнейшее моделирование долгосрочных тенденций проводилось именно для стран первого кластера. Анализ показал, что долгосрочная взаимосвязь существует между показателями распространенности анемии среди детей (как показателя скрытого голода), доступа к улучшенным источникам питьевой воды, глубины продовольственного дефицита, численности населения и стоимостью импорта продовольствия в общем экспорте товаров.

Ключевые слова: *детское недоедание, страны Африки, скрытый голод, статистический анализ, долгосрочные взаимосвязи, модели панельной коинтеграции.*

ВВЕДЕНИЕ

Каждый третий ребенок дошкольного возраста в развивающихся странах страдает от недоедания [Smith, Haddad 2000], что говорит о серьезном ущемлении прав человека. Около 12% смертей по всему миру вызваны недоеданием, в то время как в развивающихся странах 60% детских смертей обусловлены пониженной массой тела [FAO... 2012].

Лилия Анатольевна Родионова (lrوديонova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Анна Андреевна Лубнина (ann_lubnina@mail.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья поступила в редакцию в августе 2017 г.

После проведения Всемирного саммита в интересах детей (1990)¹, Международной конференции по питанию (1992) и Всемирного продовольственного саммита (1996) были достигнуты определенные успехи в области повышения интереса к проблемам питания, а правительства стран взяли на себя обязательства по проведению политики, направленной на улучшение ситуации, связанной с пищевым статусом населения. Однако состояние дел во многих странах Африки все еще не удовлетворительно: уровень детского недоедания продолжает расти в некоторых странах, в других он хотя и снижается, но незначительными темпами [Fotso, Kuate-Defo 2006].

Африка – один из регионов, который не достиг первой Цели развития тысячелетия (далее ЦРТ1) к 2015 г., заключающейся в снижении распространенности недоедания в два раза². Несмотря на то, что в Северной Африке распространенность недоедания находится на приемлемом уровне ниже 5%, остальные регионы существенно отстают по своему развитию. В странах Африки к югу от Сахары сохраняется самый высокий уровень распространенности недоедания у детей, не достигших пятилетнего возраста: в 1990 г. – 33,2%, в 2015 г. – 23,2%. Развитие данного региона сдерживается ухудшением рассматриваемого индикатора в Центральной Африке, где распространенность недоедания увеличилась с 33,5 до 41,3% к 2015 г. [FAO... 2015].

Ликвидация голода в мире – одна из 17 Целей устойчивого развития, сформулированных ООН в 2015 г. и которые необходимо достичь к 2030 г.³. Оценка и анализ долгосрочных эффектов проводимой политики, выявление наиболее уязвимых зон в Африке и разработка новых методов борьбы с голодом весьма актуальны.

ДЕТСКОЕ НЕДОЕДАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО)⁴, ведущая мониторинг реализации ЦРТ1, под *недоеданием* понимает состояние, характеризующееся невозможностью получать достаточное количество пищи, определяемое как уровень потребления продуктов питания, недостаточный для удовлетворения потребностей в пищевой энергии и длящегося не менее одного года. Отметим, что голод и хроническое недоедание используются как синонимы⁵. Недоедание измеряется долей населения, у которого энергетическая ценность пищевого рациона ниже предопределенного порогового значения. Пороговое значение варьируется в зависимости от страны и измеряется объемом калорий, необходимых для ведения сидячего или малоподвижного образа жизни.

¹ Итоги Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей. URL:

<http://www.un.org/ru/events/pastevents/worldchild2002.shtml> (дата обращения: 16.08.2017).

² Цели развития тысячелетия (ЦРТ) до 2015 г. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millenium-development-goals> (дата обращения: 16.08.2017).

³ Цели в области устойчивого развития. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/#> (дата обращения: 16.08.2017).

⁴ Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 16.08.2017).

⁵ FAOstat. URL: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/FS> (дата обращения: 16.08.2017).

Детское недоедание может быть вызвано эндогенными и экзогенными причинами. К внешним причинам относят неполноценный состав пищи или недостаточное для данного возраста ее количество. К внутренним причинам – особенности функционирования организма или заболевания, приводящие к неполному усвоению пищи. По оценкам ФАО, в 2016 г. в мире от истощения страдали 7,7% детей в возрасте до пяти лет. Около 17 млн детей были подвержены тяжелым формам истощения⁶. Согласно данным ВОЗ, в 2013 г. каждый третий ребенок страдал от недостатка витамина А⁷. Это приводит к повышенному риску появления хронических болезней и инфекционных заболеваний, к усугублению последствий болезней и потере когнитивных и физических способностей, особенно среди детей в возрасте от 9 до 24 месяцев [Barrett 2010]. В результате детское недоедание становится причиной негативных явлений, таких как ослабленная иммунная система, замедленное развитие когнитивных способностей, более низкая производительность труда в старших возрастах и повышенная чувствительность к хроническим болезням [Smith, Haddad 2000]. Кроме того, девочки, получавшие недостаточное количество питательных веществ в детстве, с большой вероятностью станут матерями детей со схожими проблемами. Это может привести к тому, что от поколения к поколению дети будут лишены необходимых веществ для полноценного развития еще до рождения.

Наиболее распространенными показателями для описания уровня детского развития служат *антропометрические индикаторы* отношения *массы тела* (далее МТ) *к росту*, *роста к возрасту* и *МТ к возрасту* [WHO 2006]. Низкое значение отношения *МТ к росту* говорит о том, что присутствует атрофия или исхудание («wasting» или «thinness»). Данное нарушение детского развития свидетельствует о серьезной потере МТ, как правило, вызванной острым голоданием, тяжелой болезнью или неблагоприятными внешними условиями [Onis, Blössner 2003]. Значение данного показателя на уровне ниже 5% свидетельствует об отсутствии в стране недоедания, связанного с серьезным дефицитом продовольствия, на уровне 10-14% может быть рассмотрено как серьезная проблема, выше 15% говорит о критическом положении. Преимуществом данного индикатора является то, что для его расчета не используются значения возраста. В результате показатель *МТ к росту* может быть полезен в тех странах, где не ведется учет дат рождения или данная информация является ненадежной или недоступной [Gorgstein et al. 1994]. Другим показателем детского недоедания является низкое отношение *роста к возрасту* или задержка роста («stunting»), отражающая неспособность достичь равномерного развития потенциала в результате проблем со здоровьем или неблагоприятных условий питания. На макроуровне высокая распространенность задержки роста свидетельствует о социально-экономическом отставании и повышенном риске частого воздействия таких явлений, как болезни или несбалансированное питание. *МТ к возрасту* показывает отношение МТ к фактическому возрасту. Отметим, что данный индикатор не способен отличить ребенка с низким ростом и приемлемой МТ от высокого, но худого индивида, поэтому его использование ограничивает возможности для предсказания или выявления детей с атрофией [Onis,

⁶ Положение дел в области продовольственной безопасности, 2017 (ФАО). URL: <http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition/ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

⁷ Vitamin A Supplementation: A Statistical Snapshot. URL: <https://data.unicef.org/topic/nutrition/vitamin-a-deficiency/> (дата обращения: 16.08.2017).

Blössner 2003]. Однако показатель отношения *МТ к возрасту* может быть полезен для выявления отрицательного тренда и диагностики у ребенка проблем, связанных с истощением. Антропометрическая оценка может содействовать выявлению групп риска населения с высокими значениями таких показателей, как заболеваемость и смертность, для последующей оценки или вмешательства. Например, высокий показатель распространенности атрофии среди детей свидетельствует о необходимости повышения продовольственной обеспеченности населения, а также проведения профилактических мероприятий и лечения таких болезней, как диарея и корь. Высокая распространенность задержки роста требует обеспечения доступа населения к продовольствию и питьевой воде, улучшения качества питания и гигиенических условий, профилактики и лечения инфекционных болезней [Gorgstein et al. 1994]. Кроме того, стоит отметить, что при наличии информации о распространенности недоедания среди детского населения, но при отсутствии значений показателей атрофии и задержки роста, характер проблем с питанием неясен и нуждается в анализе дополнительных показателей здоровья. Для стран с одинаковой распространенностью недоедания, но разными значениями распространенности атрофии и задержки роста, применяются различные меры борьбы с этими проблемами.

Для сравнения отдельного ребенка или группы детей с референтной группой населения могут использоваться несколько подходов: расчет z-оценок, перцентилей или процент от медианы. Шкала *z-оценок* линейна, следовательно, фиксированные интервалы z-оценок характеризуются одинаковой разницей МТ и роста для всех детей одного возраста. Это позволяет сопоставлять результаты для разных возрастных групп и индикаторов, так как z-оценки имеют одинаковое статистическое отношение к распределению референтной группы. Половой признак также не оказывает влияния на значения z-оценок, что позволяет оценивать уровень развития детей, объединяя половые и возрастные группы. Перечисленные выше особенности z-оценок позволяют рассчитывать сводные статистики, такие как средние значения, стандартные отклонения и стандартные ошибки для классификации уровня развития населения [Onis, Blössner 2003].

Z-оценка рассчитывается по формуле:

$$z - \text{оценка} = \frac{X_i - Me}{SD}, \quad (1)$$

где X_i – наблюдаемое значение признака; Me – значение медианы для данной возрастной группы; SD – стандартное отклонение данной возрастной группы. Рассматриваемый индивид определенного возраста находится в группе недоедающих детей, если значение полученной для него оценки отклоняется от медианного значения более чем на 2 или 3 стандартных отклонения.

Расчет *процентилей* основан на нормировании кривой распределения. Процентили референтной группы равномерно распределены, что облегчает их интерпретацию, однако в отличие от z-оценок они не обладают нормальным распределением. В результате процентили не могут быть описаны в терминах средних значений и стандартных отклонений, а также менее применимы для описания экстремальных значений

распределения. Индексы, выраженные как *доля медианы*, могут быть полезны, если распределение около медианного значения неизвестно или распределение референтной генеральной совокупности не было нормировано. Данный показатель является самым простым в расчетах, однако интерпретация фиксированных значений доли медианы варьируется среди групп с различным возрастом и ростом [Gorgstein et al. 1994].

ФАКТОРЫ ДЕТСКОГО НЕДОЕДАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Голод и его неполная форма (недоедание) во многом зависят от продовольственной безопасности в стране. В ранних публикациях голод рассматривался как явление, вызванное экзогенными причинами, такими как природные катастрофы, войны и др. Однако многочисленными исследованиями было доказано, что это долгосрочный социально-экономический процесс, приводящий к укоренению нищеты в наиболее уязвимых социальных слоях общества [Walker 2013]. В работах выделяют три концепции голода: мальтузианская теория, эффективный подход Сена и голод как результат политических процессов в обществе [Baro, Deubel 2006]. Мальтус утверждал, что голод появляется в результате избыточного роста населения, превосходящего производство продовольствия. Поэтому главным фактором устранения голода он называл снижение численности населения до уровня, соответствующего производству продовольствия. Сен назвал главным источником голода наличие неравенства в доступе к еде среди населения [Sen 1981]. Таким образом, подверженность домохозяйства голоду напрямую зависит от того, насколько оно наделено правами на доступ к еде. Правовые отношения основаны на четырех типах собственности: торговле, производстве, рабочей силе и передаче имущества. Подход Сена стал основным в изучении голода, сместив фокус с причин природного и демографического характера на экономические условия в стране. Однако главной критикой данной теории стало то, что она не учитывает политические и исторические процессы, а также социальные разрушения, приводящие к голоду.

Доступ к продовольствию является ключевым элементом устойчивого и всестороннего развития страны, так как качество детского питания существенно влияет на формирование человеческого капитала нации [Alderman et al. 2006]. Гипотеза, проверяемая авторами, состояла в том, что пищевой статус детей дошкольного возраста влияет на некоторые индивидуальные характеристики, такие как уровень образования и физические показатели. С помощью метода инструментальных переменных и модели с фиксированными эффектами было обнаружено, что недостаточное питание детей может отрицательно повлиять на рост взрослого индивида, количество лет завершеного образования, вызвать задержку в начале обучения и, как следствие, привести к потере жизненного заработка на 14%.

Изучая детерминанты детского недоедания как одной из составляющих продовольственной безопасности, ряд авторов выделили основные факторы. С помощью метода панельного анализа с лаговыми переменными было выявлено, что продовольственная обеспеченность оказывает незначительный эффект на уровень детского голода, в то время как экономический рост, уровень домашнего насилия и политической демократизации играют более существенную роль [Jenkins, Scanlan 2001]. Проблема

детского голода коренится не в наличии продовольствия, а в способах его распределения в конкретной стране. Некоторые авторы анализировали, насколько сильно детское недоедание чувствительно к росту доходов и какие факторы необходимы для достижения ЦРТ1 [Haddad et al. 2003]. В качестве ключевых индикаторов были выбраны логарифм расходов домохозяйства и инфраструктура вне и внутри домохозяйства. Результаты подтвердили, что увеличение доходов домохозяйства действительно приводит к сокращению недоедания, однако достижение ЦРТ1 невозможно без внедрения сбалансированной стратегии роста доходов и инвестиций.

На основе данных по домохозяйствам на микро- и макроуровне в Эфиопии было выявлено, что ресурсы домохозяйства, образование родителей и цены на продовольствие являются ключевыми факторами детского недоедания в этой стране [Christiaensen, Alderman 2004]. В некоторых работах делается акцент на изучении стран Африки к югу от Сахары, которые выделяются особенно низкими темпами снижения детского недоедания на фоне остальных стран [Harttgen et al. 2013]. Авторы подчеркивают, что инвестиции в детское здоровье необходимы, так как в долгосрочной перспективе их отсутствие может привести к негативным экономическим последствиям. В работе проверялась гипотеза о влиянии таких переменных, как ВВП на душу населения и социально-экономический статус, на детское недоедание. Анализ проводился на двух уровнях: на агрегированном уровне использовался регрессионный анализ, а на микроуровне – модель бинарного выбора. В результате было выявлено, что влияние ВВП на душу населения на уровень недоедания среди детей несущественно, в то время как относительный социально-экономический статус индивида оказывает большее воздействие. В некоторых работах делается акцент на исследовании влияния особенностей домохозяйства и условий местности, в которой проживает семья [Fotso, Kuate-Defo 2006]. Для анализа были использованы результаты Исследования демографического положения и здоровья пяти стран Африки в 1990-е годы. В качестве зависимой переменной был выбран антропометрический показатель отношения МТ к возрасту. С помощью метода главных компонент выделили три взаимодополняющих социально-экономических индекса: благосостояние домохозяйства, его социальное положение и уровень развития населенного пункта. Далее рассчитали индекс концентрации для определения неравенства в состоянии здоровья среди домохозяйств и построили двухуровневую логит-модель для оценки взаимосвязи изучаемых показателей. Результаты подтвердили гипотезу о влиянии социально-экономического статуса домохозяйства и населенного пункта на вероятность того, что ребенок будет недоедать. Более того, было обнаружено влияние типа населенного пункта на вероятность детского недоедания: вероятность того, что ребенок будет недоедать, в сельской местности выше, чем в городах. Существенным фактором детского недоедания является ВИЧ- и СПИД-заболеваемость в странах Африки [Magadi 2011]. Заболевание ребенка ВИЧ или СПИДом может напрямую влиять на уровень недоедания среди детей. Также может присутствовать косвенное влияние, когда родители ребенка ВИЧ-инфицированы, что приводит к ухудшению социально-экономического положения домохозяйства и негативно сказывается на способах воспитания детей. Для анализа использовались данные Обследования здоровья и демографии по 18 странам Африки к югу от Сахары в период 2003-2008 гг. На основе многоуровневой логит-регрессии было установлено, что заболеваемость матерей ВИЧ/СПИДом оказывает значительное влияние

на пищевой статус их детей, однако данное влияние варьировалось в зависимости от страны. В то же время заболеваемость других членов семьи не оказывала какого-либо существенного влияния.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Одной из главных проблем стран Африки является чрезвычайная бедность. Согласно Gallup World⁸, в 2013 г. 10 стран с самой высокой долей населения, живущей за чертой бедности (менее 1,25 долл. США/день), были расположены в регионе к югу от Сахары. Существует значительное отставание Африки по показателю ВВП на душу населения от мира и развивающихся стран, при этом два региона – Северная и Южная Африка – находятся на более высоком уровне развития (таблица 1). Наиболее отстающими регионами с самым низким ВВП на душу населения являются Восточная и Центральная Африка.

Таблица 1. ВВП на душу населения по миру и регионам Африки, 2014 г., долл. США (в ценах 2011 г.)

Регион	ВВП на душу населения
Мир	14463,1
Развивающиеся страны	9504,3
Африка	4551,1
Северная Африка	10518,1
Страны Африки к югу от Сахары	3402,3
Восточная Африка	1881,8
Центральная Африка	1956,9
Южная Африка	11993,7
Западная Африка	3999,6

Источник: Food security indicators. URL: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.WeT9iFu0PIU> (дата обращения: 16.10.2017).

В целом в Африке относительно низкая ожидаемая продолжительность жизни – около 60,3 года. В странах высокий уровень заболеваемости ВИЧ/СПИДом (таблица 2), малярией, холерой и другими инфекционными заболеваниями. Чаще всего причиной заболеваний служит отсутствие надлежащих санитарно-технических условий и доступа к питьевой воде. Если в Северной Африке доступ к питьевой воде составляет 93% и различия в доступе между городским и сельским населением незначительны, то в странах Африки к югу от Сахары только у 56% сельского населения есть доступ к источникам питьевой воды (по сравнению с 87% для городского населения). В странах Африки низкий уровень образования: в 2014 г. доля детей без начального образования в странах к югу от Сахары составила 21,1%, тогда как по всему миру – 8,9%. Уровень грамотности среди взрослого населения также существенно ниже среднемирового, отстает от него на 14 п.п. и составляет всего 60,9%.

⁸ Gallup world poll. URL: <http://www.gallup.com/services/170945/world-poll.aspx> (дата обращения: 16.08.2017).

Таблица 2. Мир и регионы Африки: некоторые социальные показатели, %

Регион	Распространенность ВИЧ (2014)	Использование улучшенных источников питьевой воды (2015)			Доля детей, не получающих начальное образование (2014)	Доля грамотных среди населения старше 15 лет (2015)
		городская местность	сельская местность	всего		
Мир	0,8	96	84	91	8,9	85,3
Северная Африка	0,1	95	90	93	5,4	80,8
Страны Африки к югу от Сахары	4,8	87	56	68	21,2	60,9

Источник: Расчеты авторов по данным ЮНИСЕФ.

Африка страдает от высокого уровня коррумпированности, постоянных военных конфликтов и политической нестабильности. Согласно исследованию Gallup World⁹, проведенному за период 2008-2015 гг., 75% отметили распространенность коррупции в правительстве и 72% – коррумпированность бизнеса. Несмотря на то, что ситуация, связанная с коррумпированностью властей, немного улучшилась по сравнению с 2008 г., данный фактор по-прежнему является одним из главных препятствий для повышения эффективности иностранных инвестиций в развитие региона, увеличивает издержки производства и создает неопределенность относительно уровня будущих доходов.

Детское недоедание и распространенность недоедания среди населения в целом – это одни из составляющих продовольственной безопасности страны. На рисунке 1 представлено общее изменение доли недоедающих к 2015 г. по сравнению с 1990 г.

Рисунок 1. Распространенность недоедания в мире и в Африке в 1990 и 2015 г., %

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

⁹ Gallup world poll. URL: <http://www.gallup.com/services/170945/world-poll.aspx> (дата обращения: 16.08.2017).

В целом Африке удалось снизить долю людей, страдающих от недоедания, и большинство регионов, таких как Восточная, Западная и Южная Африка, показали положительную динамику, однако только Западной Африке удалось вдвое снизить рассматриваемый показатель в соответствии с ЦРТ1. В Северной и Центральной Африке доля недоедающего населения увеличилась.

Помимо социально-экономических и политических факторов, препятствующих успешной борьбе с недоеданием в странах Африки, дополнительную трудность создает быстрый рост населения континента. С 1990 по 2015 г. население Африки выросло в 1,8 раза – с 646,9 до 1166,4 млн человек (рисунок 2), основная доля прироста пришлась на страны к югу от Сахары.

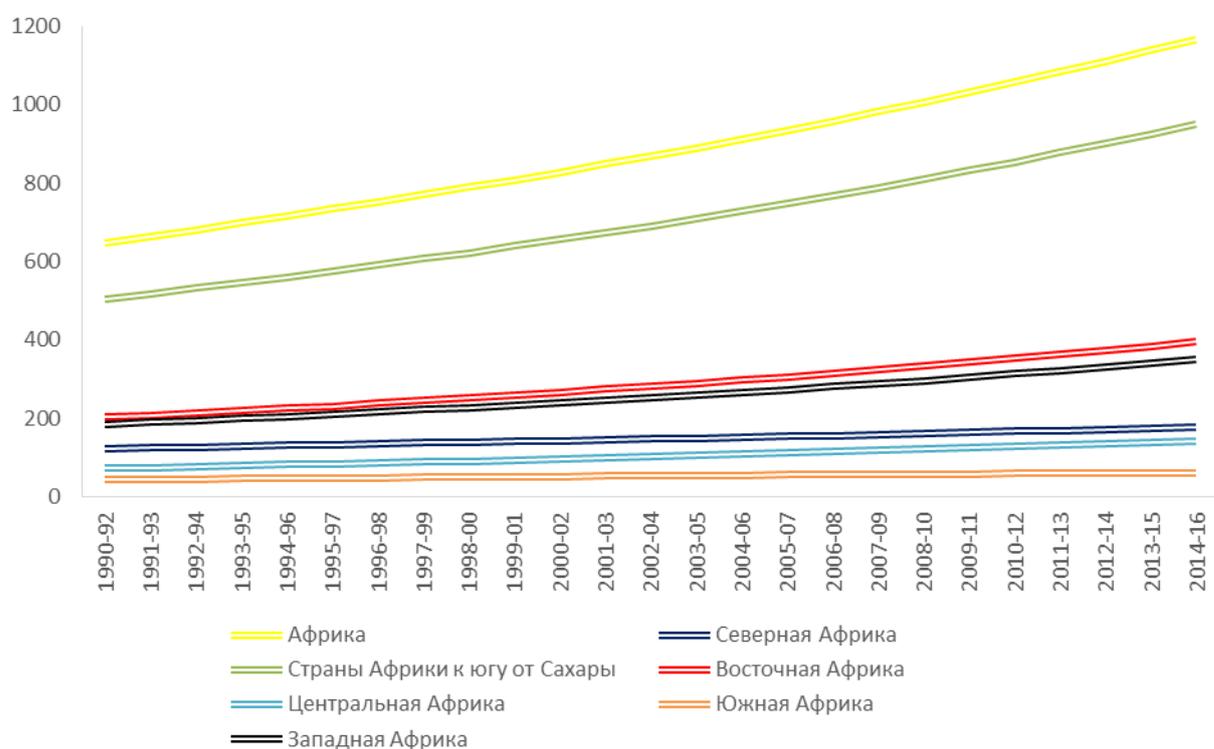

Рисунок 2. Численность населения в регионах Африки, 1990 - 2015, тыс.

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

В результате существенного прироста населения абсолютное число людей, страдающих от недоедания, увеличилось во всех регионах континента, за исключением Западной Африки, где оно снизилось (рисунок 3). В целом общий прирост недоедающего населения составил 42,1 млн человек, хотя доля его во всем населении снизилась.

Из-за недостаточной обеспеченности качественными продуктами, содержащими достаточное количество питательных веществ, население стран Африки страдает от явления, которое можно охарактеризовать как *скрытый голод*. Он является результатом низкокачественного и малодиверсифицированного рациона питания и проявляется в недостаточном получении необходимых микроэлементов, витаминов и минералов, что вызывает появление железодефицитной анемии и дефицита витамина А [FAO... 2015]. Средний уровень распространенности анемии среди детей в африканских странах

составляет приблизительно 60%, а среди беременных женщин – около 43,1%. Для сравнения: аналогичные показатели в развитых странах 24,9% и 19,2% соответственно.

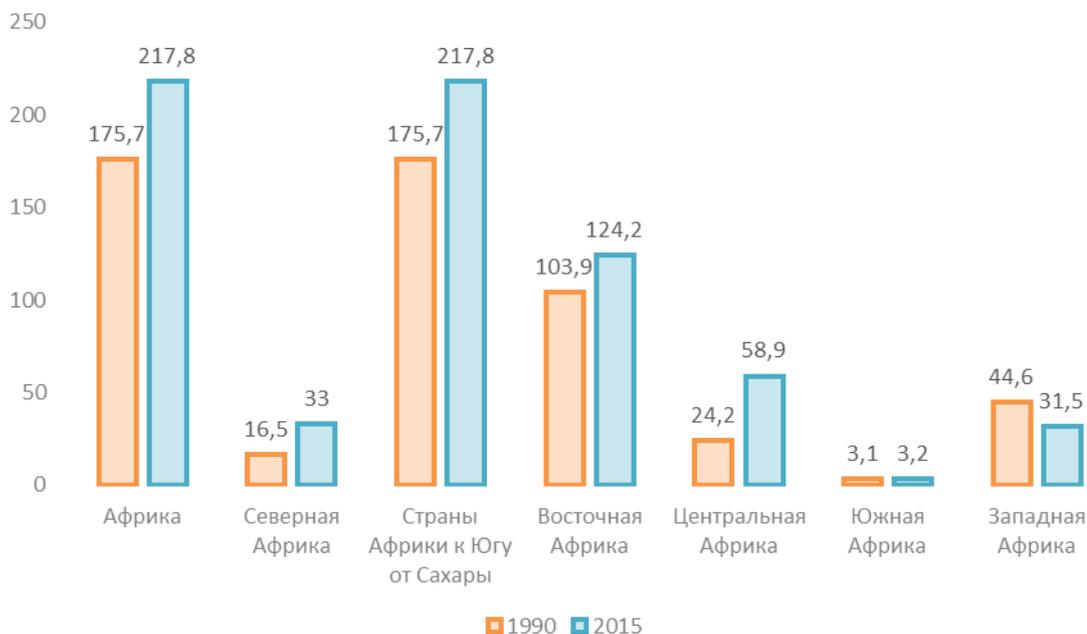

Рисунок 3. Численность населения, страдающего от недоедания в 1990 и 2015 г. в Африке и ее регионах, млн

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

Еще одним показателем продовольственной безопасности служит глубина продовольственного дефицита, которая показывает количество калорий, необходимых для полноценного питания при условии, что все остальные факторы остаются неизменными. Все регионы Африки испытывали дефицит калорий в ежедневном рационе питания в 2015 г.: наименьший дефицит наблюдался в Северной Африке и составлял 14 калорий, наибольший дефицит – в Центральной (380 калорий) и Восточной (230 калорий) Африке. Отметим, что в среднем по миру население испытывает дефицит в 81 калорию¹⁰.

Для мониторинга исполнения ЦРТ1 используются также показатели распространенности недоедания и пониженной массы тела (далее ПМТ) среди детей. Их синхронное изменение свидетельствует о недостаточном питании, а расхождения в тенденциях говорят о наличии низкокачественных продуктов в рационе. Во всех регионах Африки, кроме Центрального, распространенность недоедания среди детей в период 1990–2015 гг. снизилась, однако только в странах Западной Африки удалось достичь ЦРТ1 и сократить распространенность детского недоедания в 2,5 раза. Схожие тенденции наблюдаются и по показателю ПМТ среди детей: всем регионам, за исключением Южной Африки, удалось добиться его снижения, в том числе и Центральной Африке (таблица 3). Однако, несмотря на снижение распространенности недоедания и ПМТ среди детей, в Западной и Северной Африке остается актуальной проблема низкокачественных

¹⁰ FAOstat. URL: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/FS> (дата обращения: 16.08.2017).

потребляемых продуктов и избыточной калорийности рациона за счет поступающих углеводов из круп и сахара [FAO... 2015].

Таблица 3. Показатели распространенности детского недоедания в Африке и ее регионах, 1990 – 2015 гг., %

Регион	Показатель	Распространенность недоедания среди детей		Пониженная масса тела среди детей	
		1990	2015	1990	2015
Африка		27,6	20,0	22,8	17,0
Северная Африка		< 5	< 5	9,5	4,8
Страны Африки к югу от Сахары		33,2	23,2	28,5	21,1
Восточная Африка		47,2	31,5	26,9	18,7
Центральная Африка		33,5	41,3	25,0	15,5
Южная Африка		7,2	5,2	11,9	12,1
Западная Африка		24,2	9,6	26,1	20,5

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТРАН АФРИКИ ПО ДЕТСКОМУ НЕДОЕДАНИЮ

Страны Африки очень сильно дифференцированы по основным социально-экономическим показателям, в том числе и по показателю детского недоедания. Наиболее развитые страны на севере и юге континента обладают более развитой индустриальной экономикой, что позволяет им наращивать и сохранять высокие темпы экономического роста. Экономика остальных регионов, как правило, зависит от сельского хозяйства, чаще всего ориентированного на монопроизводство. Основными причинами, препятствующими развитию, являются высокий уровень политической нестабильности, коррупция, природные катаклизмы, высокая степень зависимости от иностранной помощи и др. В Африке в целом наблюдается снижение детского недоедания и распространенности пониженной массы тела у детей [FAO... 2015]. Северной Африке удалось достичь ЦРТ1 и снизить распространенность недоедания в два раза, в то время как страны Африки к югу от Сахары сохраняют высокий уровень детского недоедания и показывают медленные темпы снижения. На рисунке 4 представлена динамика распространенности анемии среди детей младше 5 лет как проявление скрытого голода в регионах Африки, показывающая существенные различия в зависимости от региона Африки. Лидируют по распространенности анемии среди детей страны Западной Африки.

Одна из основных причин медленного снижения распространенности недоедания – отсутствие стабильного экономического роста. В период 1990-2015 гг. ВВП на душу населения рос незначительными темпами (рисунок 5), а в некоторых регионах показывал отрицательную динамику в наиболее неблагоприятные для экономики периоды. В среднем по Африке ВВП на душу населения рос на 1,42% ежегодно, наибольший прирост в 2,25% наблюдался в Западной Африке, а наиболее отстающим регионом оказалась Центральная Африка со средним приростом в 0,55%.

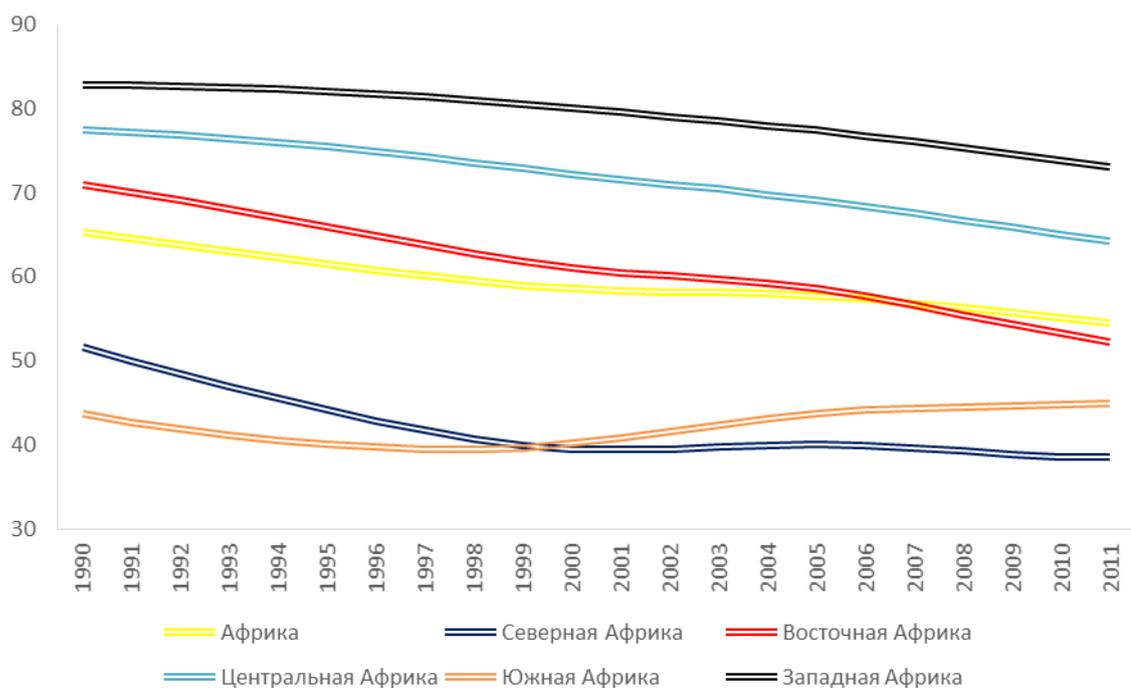

Рисунок 4. Распространенность анемии среди детей в возрасте младше 5 лет, %

Источник: Расчеты авторов по данным FAO.

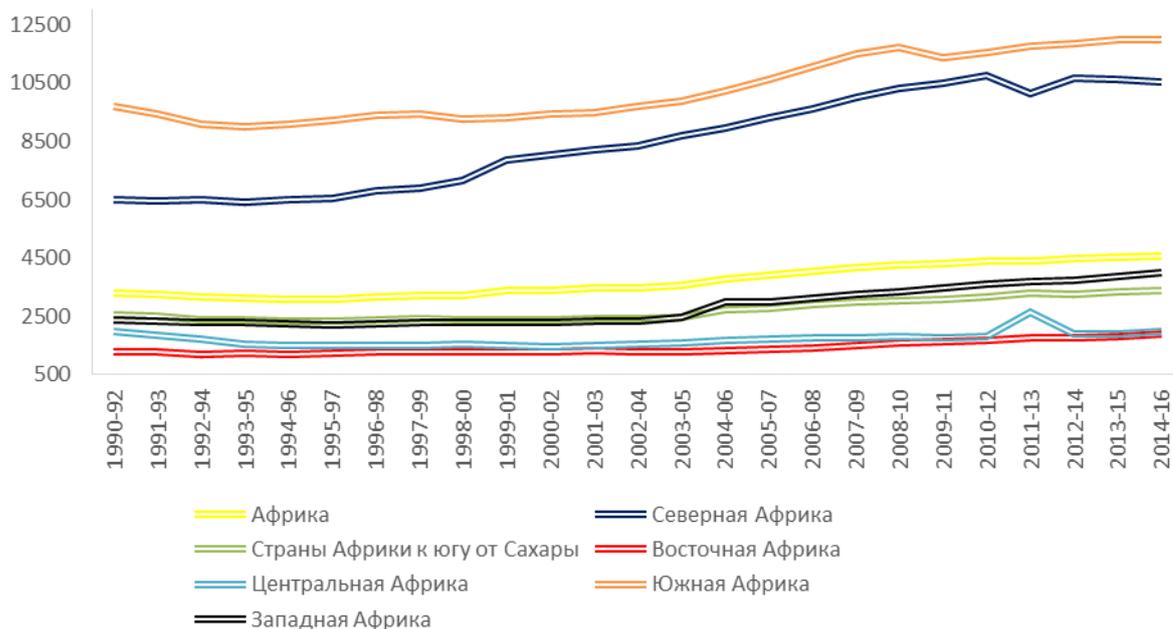

Рисунок 5. ВВП на душу населения по регионам Африки, долл. США

Источник: Расчеты авторов по данным FAO.

В среднем во всех регионах повысился доступ к улучшенным источникам водоснабжения, во всех регионах, кроме Западной Африки, – к улучшенным санитарно-техническим условиям. Снижение распространенности анемии среди беременных женщин также могло стать одним из основных факторов, влияющих на распространенность анемии

среди детей, так как здоровье детей напрямую зависит от здоровья их родителей. Стоит отметить, что по темпам улучшений Восточная Африка опережает остальные регионы, однако по абсолютным значениям остается одним из самых отстающих (таблица 4).

Таблица 4. Характеристики продовольственной безопасности в Африке, %

Регион	Показатель	Доступ к источникам водоснабжения			Доступ к улучшенным санитарно-техническим условиям			Распространенность анемии среди беременных женщин		
		1990	2011	прирост, % в год	1990	2011	прирост, % в год	1990	2011	прирост, % в год
Африка		54,8	68,2	1,0	33,2	37,9	0,63	46,1	37,1	-1,03
Северная Африка		87,2	92,4	0,3	71,4	88,8	1,04	41,3	30,9	-1,37
Страны Африки к югу от Сахары		46,1	64,2	1,6	23,8	28,6	0,88	51,0	43,3	-0,77
Восточная Африка		39,4	58,8	1,9	16,2	24,6	2,01	45,6	34,5	-1,31
Центральная Африка		45,7	56,0	1,0	22,2	31,7	1,71	59,3	52,0	-0,63
Южная Африка		81,6	90,9	0,5	50,0	61,5	0,99	38,2	31,4	-0,94
Западная Африка		44,9	68,7	2,0	26,3	25,5	-0,15	60,8	55,5	-0,42

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

Показателем количества потребляемых продуктов питания может служить средняя достаточность энергетической ценности питания (таблица 5). За 20 лет она выросла во всех регионах, за исключением Центральной Африки. По такому качественному показателю, как среднее потребление белка (в том числе животного происхождения), улучшали свое положение все регионы континента, кроме Восточной Африки.

Таблица 5. Характеристики продовольственной безопасности по регионам Африки

Регион	Показатель	Средняя достаточность энергетической ценности питания, %			Среднее потребление белка, г/чел/день			Среднее потребление белка животного происхождения, г/чел/день		
		1990-1992	2009-2011	прирост, % в год	1990-1992	2009-2011	прирост, % в год	1990-1992	2009-2011	прирост, % в год
Африка		107	115	0,37	59	65	0,52	13	14	0,44
Северная Африка		138	144	0,29	82	96	0,83	16	24	2,19
Страны Африки к югу от Сахары		100	110	0,44	52	59	0,67	12	13	0,53
Восточная Африка		89	99	0,53	51	55	0,42	12	10	-0,82
Центральная Африка		101	95	-0,25	41	43	0,26	9	10	0,66
Южная Африка		119	122	0,27	72	80	0,56	25	32	1,34
Западная Африка		107	124	0,65	53	64	1,00	10	12	1,00

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

Несмотря на то, что многие страны приняли на себя обязательства по достижению ЦРТ1, немногим из них удалось снизить долю недоедающего взрослого и детского населения. В то же время актуальной остается проблема абсолютного увеличения недоедающего населения, она сохраняется на фоне роста ВВП на душу населения, улучшения санитарно-гигиенических условий и других показателей продовольственной безопасности.

Для дальнейшего описания проблем детского недоедания и анализа факторов была проведена классификация стран. Из 59 африканских стран 19 стран¹¹ были исключены из анализа из-за отсутствия достаточной информации по социально-экономическим показателям и индикаторам продовольственной безопасности.

Для анализа детского недоедания в оставшихся странах были проведены иерархическая классификация с целью определения количества кластеров и классификация методом *k*-средних. Для классификации стран были выбраны показатели за 2011 г., характеризующие экономическое развитие стран и их продовольственную безопасность: распространенность анемии среди детей (АС); численность населения (ТР); доступ к улучшенным источникам водоснабжения (WF); глубина продовольственного дефицита (DFD); ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных ценах 2011 г. (GDP). Показатель распространенности анемии среди детей использовался как характеристика скрытого голода; ВВП на душу населения, являясь основным экономическим показателем страны, может служить одним из главных факторов, определяющих детское недоедание. Рост численности населения ранее был рассмотрен как одна из основных причин наличия голода. Остальные характеристики также показывают общее состояние продовольственной безопасности в регионе.

Анализ результатов иерархической кластеризации методом внутригрупповой и межгрупповой классификации, методом дальнего соседа и методом Варда позволил сделать предположение об устойчивом разделении стран на три кластера. Нигерия и Эфиопия не попали ни в один из кластеров, поэтому были исключены из анализа. Нигерия является одной из относительно развитых стран Западной Африки благодаря наличию нефтедобывающей отрасли. Она характеризуется относительно низким уровнем продовольственного дефицита, однако уровень распространенности детской анемии сохраняется на высоком уровне (71%). В Эфиопии одно из самых низких значений ВВП на душу населения и существует серьезный продовольственный дефицит. Далее была выполнена классификация методом *k*-средних. Центры полученных кластеров представлены в таблице 6. Условно все страны можно разделить на три группы с высоким, средним и низким уровнем социально-экономического развития.

Таблица 6. Центры кластеров стран Африки (метод *k*-средних)

Показатель	Номер кластера		
	1	2	3
Распространенность анемии среди детей, %	68,85	55,51	42,17
Численность населения, млн человек	10,98	32,43	21,98
ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, долл. США, в пост. ценах 2011 г.	1964,39	2567,08	10211,77
Доступ к улучшенным источникам водоснабжения, %	74,34	56,09	89,36
Глубина продовольственного дефицита, калории	138,05	135,5	151,3

Источник: Расчеты авторов.

¹¹ Ливия, Судан, Южный Судан, Коморы, Майотта, Демократическая республика Конго, Сейшелы, Эритрея, Реюньон, Экваториальная Гвинея, Мадагаскар, Святая Елена, остров Вознесения, Тристан-да-Кунья, Западная Сахара, Мали, Маврикий, Кабо-Верде, Бурунди.

В странах первого кластера, в среднем, самая неблагоприятная обстановка, связанная с детским недоеданием: уровень распространенности детской анемии 68,85%, в то время как по численности населения данные страны одни из самых малонаселенных. Страны первого кластера в среднем самые отстающие по уровню ВВП на душу населения. Однако по показателю доступа к улучшенным источникам водоснабжения второй кластер характеризуется наименьшим средним значением, а в наиболее благоприятном с экономической точки зрения третьем кластере наблюдается наибольшая глубины продовольственного дефицита.

В первом кластере находится 21 страна, второй кластер включает 8, а третий – 10 стран (таблица 7).

Таблица 7. Распределение стран Африки по кластерам

1 кластер	2 кластер	3 кластер
Бенин, Буркина-Фасо, Камерун, ЦАР, Конго, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Лесото, Либерия, Малави, Мавритания, Нигер, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда, Зимбабве	Ангола, Чад, Эфиопия, Кения, Мозамбик, Руанда, Танзания, Замбия	Алжир, Ботсвана, Джибути, Египет, Габон, Марокко, Намибия, ЮАР, Свазиленд, Тунис

Источник: Расчеты авторов.

Географическое расположение стран по кластерам (рисунок 6), показывает, что в первый кластер вошли страны Западной и, частично, Центральной Африки. Во втором кластере находятся в основном страны Восточной и Центральной Африки, а в третьем – страны Северной и Южной Африки.

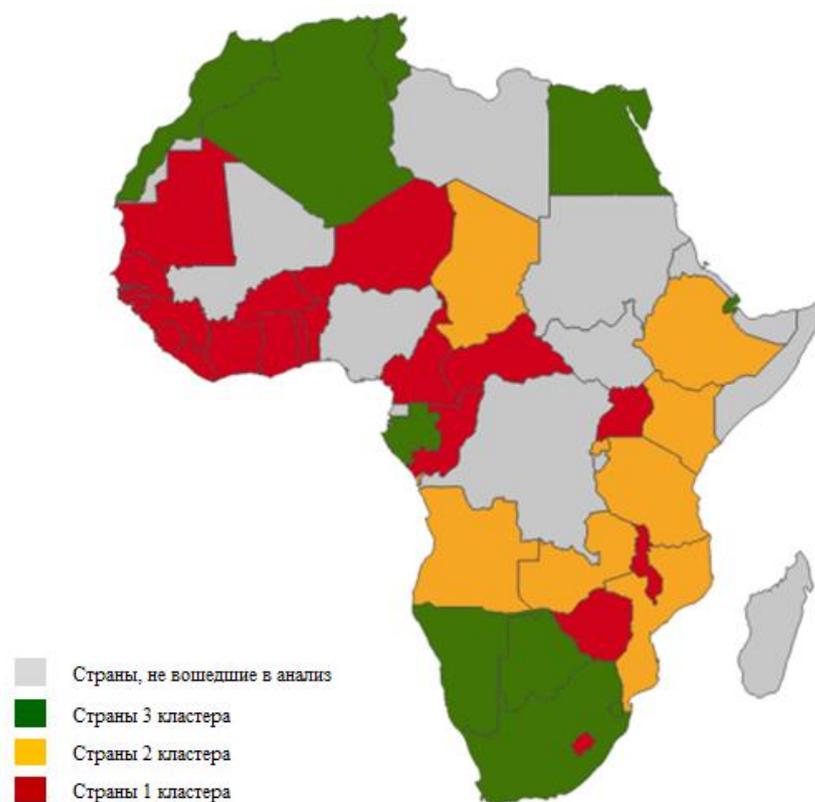

Рисунок 6. Географическое распределение стран Африки по кластерам

Проанализируем основные антропометрические показатели детей (истощение, отставание в росте, ПМТ), полученные из микроисследований по странам Африки в период 2008-2015 гг.¹² На рисунке 7 представлены значения по трем антропометрическим показателям для всех стран первого кластера. В среднем, уровень истощения среди детей в первом кластере составляет 7,23%. Самая отстающая по уровню истощения страна – Нигер. Среднее значение отставания в росте существенно выше и равно 29,94%, в таких странах, как Нигер, Центральная Африканская Республика и Малави от него страдают более 40% детей. ПМТ, в среднем, наблюдается у 16,69% населения, а наибольшее значение, весомо превышающее средний уровень, наблюдаются в Нигере. Существенная положительная взаимосвязь наблюдается между истощением и ПМТ, отставанием в росте и ПМТ (коэффициенты корреляции соответственно 0,83 и 0,61). Менее существенная зависимость – между истощением и отставанием в росте.

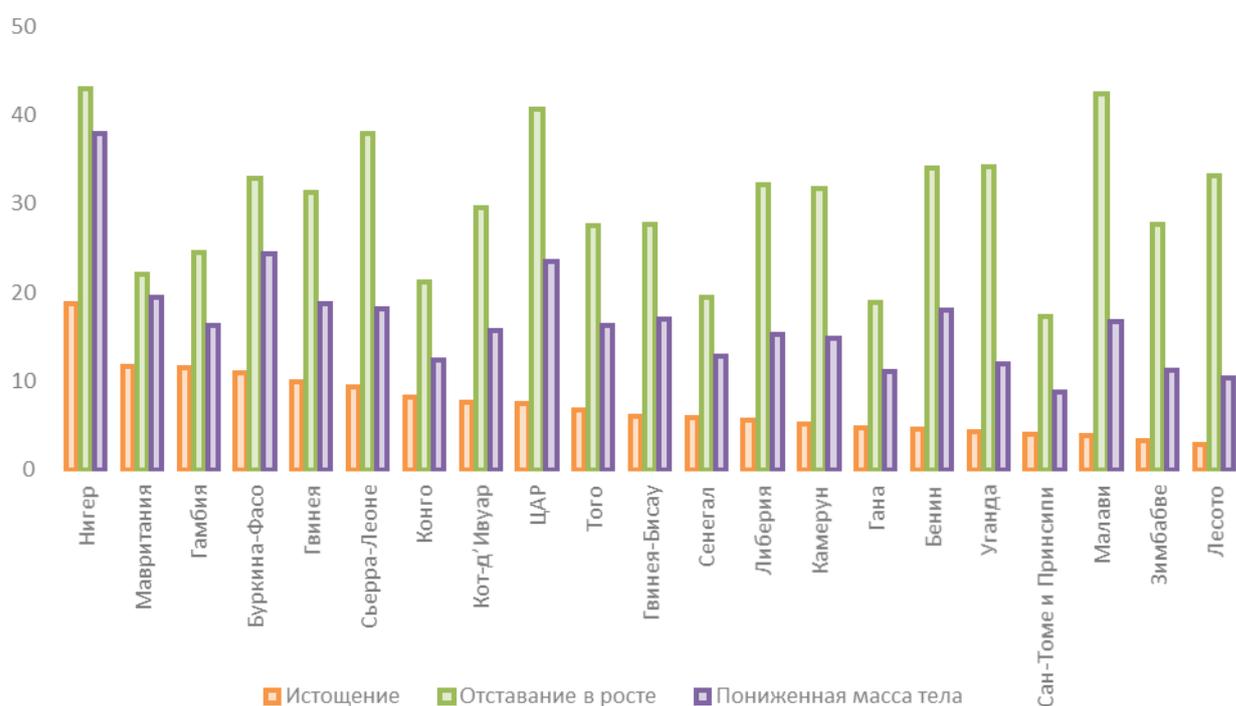

Рисунок 7. Основные антропометрические показатели детского недоедания (кластер 1), 2008-2015 гг., %

Источник: Расчеты авторов по данным ЮНИСЕФ.

Средний уровень истощения во втором кластере незначительно ниже и составляет 6,54%, однако отставание в росте наблюдается более чем у трети детей (36,4%), и оно самое большое по трем кластерам. Распространенность ПМТ незначительно выше, чем в первом кластере, и составляет 16,7%. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Чаде и Мозамбике.

¹² Объединенные данные ЮНИСЕФ, ВОЗ и Всемирного банка.

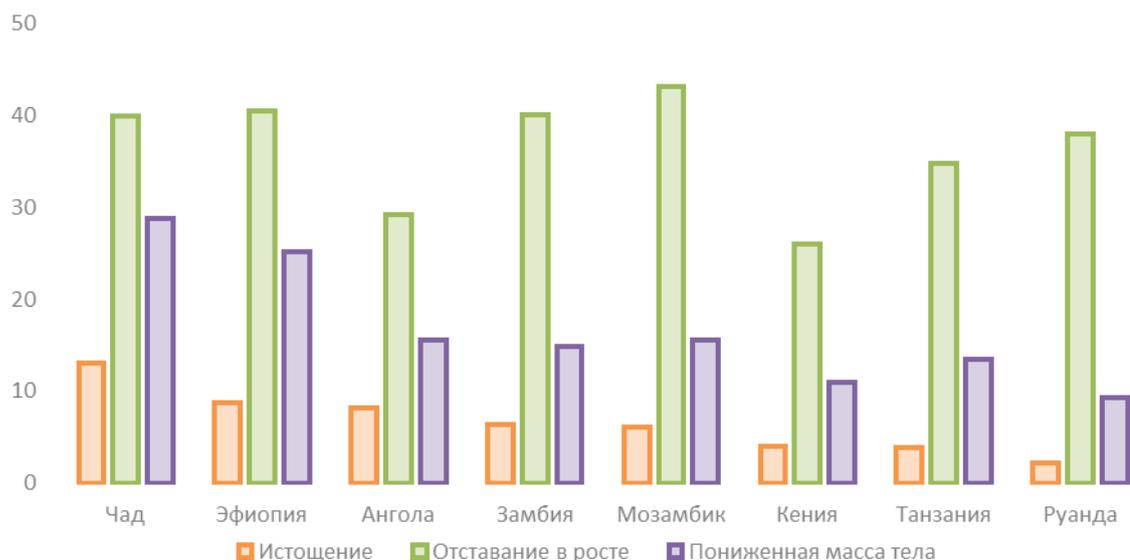

Рисунок 8. Основные антропометрические показатели детского недоедания (кластер 2), 2008-2015 гг., %

Источник: Расчеты авторов по данным ЮНИСЕФ.

Третий кластер характеризуется самыми низкими значениями по всем трем показателям. Уровень истощения составляет 6,46%, отставание в росте наблюдается в среднем у 21,39% детей, а ПМТ – у 9,06% (рисунок 7). Самыми отстающими странами являются Джибути, Ботсвана, Свазиленд и ЮАР. Данные страны располагаются преимущественно в Южной Африке, где уровень развития относительно ниже, чем в странах Северной Африки. Джибути (лидер неблагополучия по всем трем показателям) обладает слаборазвитой промышленностью и малопродуктивным сельским хозяйством.

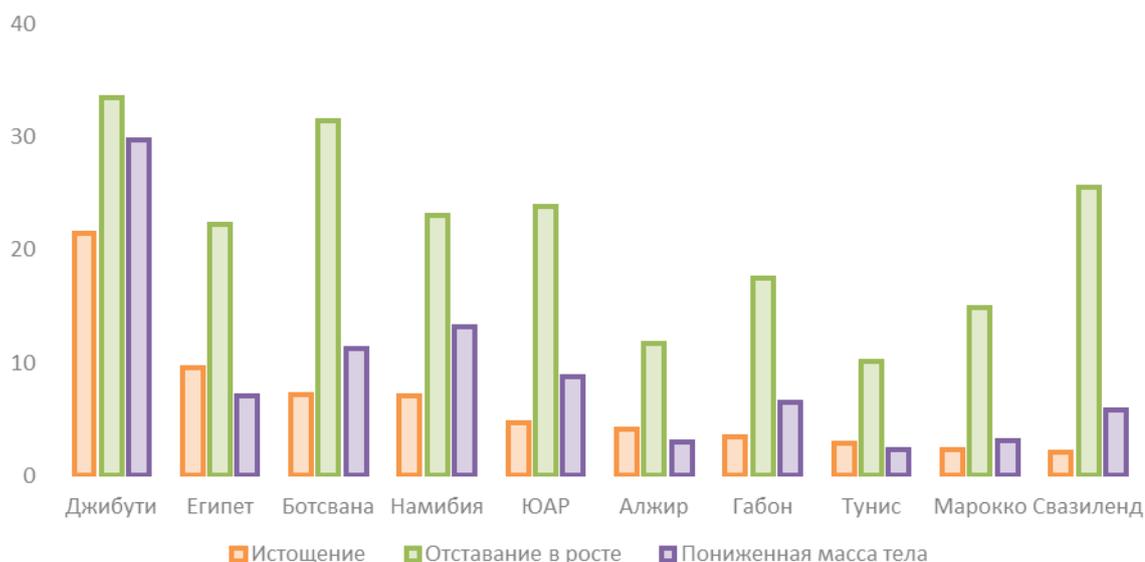

Рисунок 9. Основные антропометрические показатели детского недоедания (кластер 3), 2008-2015 гг., %

Источник: Расчеты авторов по данным ЮНИСЕФ.

В целом, чем хуже положение страны по значениям показателей, использовавшихся при кластеризации, тем выше уровень детской смертности. Население стран с худшим положением имеет и меньший доступ к улучшенным санитарно-техническим условиям. Однако страны второго кластера обладают наихудшими средними значениями по уровню использования улучшенных источников питьевой воды и уровню политической нестабильности (таблица 8).

Таблица 8. Средние значения показателей для стран по кластерам, 2015

Показатель	Кластер		
	1	2	3
Уровень детской смертности, промилле	80,16	79,64	39,74
Уровень политической стабильности и отсутствие терроризма*, индекс ¹³	-0,58	-0,64	-0,36
Доступ к улучшенным санитарно-техническим условиям, %	26,73	32,93	66,16
Использование улучшенных источников питьевой воды, %	77,1	58,5	90,3

Примечание: * – Данные за 2014 г.

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО, ЮНИСЕФ.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕТЕРМИНАНТ ДЕТСКОГО НЕДОЕДАНИЯ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Для моделирования факторов детского недоедания в долгосрочной перспективе в работе использовали *модели панельной коинтеграции*, применяемые, когда исследуемые переменные рассматриваются за определенный промежуток времени по нескольким странам, регионам или домохозяйствам в условиях ограниченной выборки и нестационарности исследуемых показателей [Hamilton 1994]. Наличие единичного корня в исследуемых временных рядах делает невозможным применение стандартных методов анализа панельных данных – моделей с фиксированными и случайными эффектами [Phillips, Moon 2000; Im et al. 2003]. Подход панельной коинтеграции позволяет учитывать проблемы нестационарности при моделировании детерминант детского недоедания по панельным временным рядам, изучать динамические характеристики показателей и анализировать их долгосрочные зависимости. В анализе использованы данные по 21 африканской стране первого кластера за 20 лет по 17 показателям, характеризующим социально-экономическое положение и продовольственную безопасность в странах Африки. Перечень исследуемых факторов представлен в таблице 9. Основной характеристикой экономического развития стран является ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, выраженный в постоянных ценах 2011 г. Выбранные показатели отражают 4 группы характеристик продовольственной безопасности, также было учтено наличие информации за рассматриваемый промежуток времени. Значительная распространенность детской анемии в рассматриваемых странах свидетельствует о высоком уровне скрытого голода среди детей, что является следствием недоедания. В связи с этим переменная распространенности анемии среди детей рассматривается как

¹³ Более подробное описание показателя и методология расчета доступны на сайте ФАО.

URL: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.Wec-Pvm0Pcs> (дата обращения: 16.08.2017).

характеристика детского недоедания. Страны первого кластера характеризуются наибольшим уровнем распространенности детской анемии и представляют ввиду этого особый интерес.

Отметим, что тестирование временных панельных данных вместо индивидуальных временных рядов требует модификации стандартных тестов единичного корня с учетом панельной структуры данных [Breitung, Pesaran 2008]. Для построения моделей панельной коинтеграции необходимо, чтобы временные ряды были реализацией нестационарных случайных процессов $I(1)$ с порядком интегрируемости 1. Для второго и третьего кластеров ряды распространенности анемии среди детей являлись стационарными.

Таблица 9. Описательные статистики основных показателей исследования

Показатель	Обозначение	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Количество наблюдений
ВВП на душу населения, долл. США	<i>GDP</i>	1339,45	1142,83	12,0	5595,3	411
Распространенность анемии среди детей, %	<i>AC</i>	73,95	12,17	26,4	89,5	420
Распространенность анемии среди беременных женщин, %	<i>AW</i>	55,54	9,31	31,1	68,9	420
Доступ к улучшенным источникам водоснабжения, %	<i>WF</i>	57,47	22,30	3,5	95,3	408
Доступ к улучшенным санитарно-техническим условиям, %	<i>SF</i>	19,52	13,57	1,0	59,8	401
Уровень зависимости от импорта зерновых, %	<i>CID</i>	33,04	25,86	-28,1	95,5	420
Доля пахотных земель, оборудованных для орошения, %	<i>ALI</i>	6,88	21,02	0,0	100,0	420
Стоимость импорта продовольствия в общем экспорте товаров, %	<i>FI</i>	58,85	93,43	3,0	759,0	420
Вариативность производства продовольствия на душу населения, тыс. пост. долл. США, 2004-2006 гг.	<i>FPV</i>	7,19	4,73	0,7	25,7	420
Вариативность продовольственного снабжения на душу населения, ккал/чел/день	<i>FSV</i>	43,36	28,14	6,0	160,0	420
Адекватность средней энергетической ценности пищевого рациона, %	<i>AVDES</i>	106,27	10,35	87,0	134,0	420
Средняя стоимость производства продуктов питания, долл. США/чел.	<i>AFP</i>	139,98	51,79	58,0	278,0	420
Доля энергетической ценности питания, получаемой из зерновых, корнеплодов и клубневых, ккал/чел/день	<i>DESD</i>	63,04	8,71	42,0	81,0	420
Средняя обеспеченность белками, г/чел/день	<i>APS</i>	54,80	10,35	34,0	81,0	420
Средняя обеспеченность белками животного происхождения, г/чел/день	<i>SPA0</i>	12,36	5,63	4,0	33,0	420
Глубина продовольственного дефицита, ккал	<i>DFD</i>	185,11	87,44	37,0	381,0	420
Численность населения, млн человек	<i>TP</i>	8,43	6,86	0,1	34,0	420

Источник: Расчеты авторов по данным ФАО.

Панельные тесты единичного корня. Первоначально перед построением моделей панельной коинтеграции необходимо провести панельные тесты единичного корня. Все тесты условно можно разделить на две группы: тесты первого и второго поколения. Тесты первого поколения служат для оценки данных, в которых предполагается пространственная независимость. Панельные тесты первого рода также осуществляют анализ по двум направлениям: с учетом гетерогенности или гомогенности данных. Тесты с учетом

гомогенности включают Breitung-тест [Breitung 2000], Hadri-тест [Hadri 2000]; LLC-тест [Levin et al. 2002]; тесты с учетом гетерогенности – [Maddala, Wu 1999; Choi 2001], IPS-тест [Im et al. 2003].

В нашей работе все переменные были протестированы на наличие единичного корня при альтернативной гипотезе о стационарности ряда. Использовали тесты IPS, LLC и Breitung для трех видов уравнения: без константы и тренда, с константой и без тренда, с константой и трендом. В таблице 10 приведены результаты тестирования показателей на наличие единичного корня. Ряд являлся нестационарным $I(d)$ с порядком интегрируемости d , если в двух и более тестах гипотеза о наличии единичного корня не отклонялась на 5%-ном уровне значимости. Отметим, что показатель вариативности продовольственного снабжения на душу населения, а также доля энергетической ценности питания, получаемой из зерновых, корнеплодов и клубневых, были исключены из дальнейшего анализа, так как являлись стационарными (таблица 10).

Таблица 10. Результаты тестирования гипотезы единичного корня

Переменная	Тест без константы и тренда	Тест с константой	Тест с константой и трендом
GDP	I(1)	I(1)	I(0) или I(1)
AC	I(0)	I(1) или I(2)	I(1) или I(2)
AM	I(0)	I(2)	I(1) или I(2)
WF	I(1) или I(2)	I(0) или I(1)	I(0) или I(1)
SF	I(2)	I(1)	I(2)
CID	I(1)	I(0)	I(0)
ALI	I(1)	I(0)	I(1)
FI	I(1)	I(1)	I(1)
FPV	I(1)	I(1)	I(0)
FSV	I(0)	I(0)	I(0)
AVDES	I(1)	I(1)	I(1)
AFP	I(1)	I(1)	I(1)
DESD	I(0)	I(0)	I(1)
APS	I(1)	I(1)	I(1)
SPAO	I(1)	I(1)	I(1)
DFD	I(0)	I(1)	I(1)
TP	I(2)	I(1)	I(1)

Источник: Расчеты авторов.

Коинтеграционные взаимосвязи между распространенностью детской анемии и выбранными в результате тестирования на единичный корень факторами анализировали на основе тестов Педрони¹⁴, содержащих семь статистик [Pedroni 2004]. Нулевая гипотеза состояла в отсутствии коинтеграции между рядами. В результате гипотеза об отсутствии коинтеграции отвергалась в четырех случаях из семи (таблица 11). Наличие коинтеграции обнаружили для распространенности детской анемии и следующими факторами: доступом

¹⁴ Все тестовые статистики Педрони делятся на две группы. Первая группа (within dimension) включает усредненные тестовые статистики на наличие коинтеграции во временном ряду по пространственным переменным, рассчитываемые на основе данных, объединенных по всей панели. Вторая группа (between dimension) производит усреднение по частям, статистики рассчитываются путем объединения панельных данных в группы. В каждой группе сначала оценивается предполагаемая коинтеграционная взаимосвязь отдельно для каждого объекта, а затем получившиеся при тестировании остатки используют для расчета панельных тестов.

к улучшенным источникам водоснабжения, стоимостью импорта продовольствия в общем экспорте товаров, глубиной продовольственного дефицита, численностью населения.

Таблица 11. Результаты тестирования на наличие коинтеграции (тесты Педрони)

Статистики тестов Педрони	Показатели	AC, CID, ALI, FPV, FSV, SF	
		значение статистики	P-значение
<i>Панельные статистики</i>			
	Панельная v -статистика	10,84	0,0
	Панельная ρ -статистика	4,72	1,0
	Панельная pp -статистика	1,33	0,91
	Панельная adf -статистика	0,2	0,58
<i>Групповые статистики</i>			
	Групповая ρ -статистика	5,04	1,0
	Групповая pp -статистика	-4,09	0,00
	Групповая adf -статистика	-4,68	0,00

Источник: Расчеты авторов.

Оценка долгосрочных взаимосвязей. Для оценки долгосрочных взаимосвязей использовалась коинтеграционная модель в виде:

$$AC_{it} = \mu + \beta_1 WF_{it} + \beta_2 FI_{it} + \beta_3 DFD_{it} + \beta_4 TP_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где $i=1, \dots, 21$; $t=1991, \dots, 2010$; AC_{it} , WF_{it} , FI_{it} , DFD_{it} , TP_{it} – значения исследуемых показателей, относящихся к i -ой стране в t -ом периоде; ε_{it} – ошибки коинтеграции; μ – коэффициент, отражающий индивидуальный эффект; β_1 , β_2 , β_3 , β_4 – компоненты коинтегрирующих векторов.

Коэффициенты оценивались с помощью обобщенного метода моментов для динамической модели панельных данных, где в качестве инструментальных переменных были взяты экзогенные переменные. Результаты оценок приведены в таблице 12.

Таблица 12. Оценки параметров коинтеграционного уравнения

Переменная	Значение коэффициента	Стандартная ошибка
WF	-0,095*	0,02
FI	-0,02	0,003
DFD	0,001	0,005
TP	-0,48*	0,155
Const	83,75*	2,18

$R^2 = 0,92$ DW = 0,057. Число наблюдений 420

*Примечание: * – 1%-й уровень значимости.*

Источник: Расчеты авторов.

Две переменные из четырех оказались значимыми на уровне 0,01. Увеличение доступа к улучшенным источникам водоснабжения сопровождается снижением распространенности анемии среди детей. Положительное влияние этого фактора на снижение распространенности анемии можно объяснить следующим образом. Во-первых, вода является необходимым условием для сельскохозяйственного производства. Население большинства стран первого кластера представлено фермерскими домохозяйствами, где произведенные продукты составляют основной рацион питания и служат источником дохода. Отсутствие достаточного доступа к источникам водоснабжения может привести к

снижению урожайности, и, как следствие, покупательной способности. Низкое разнообразие и количество доступных продуктов питания в долгосрочной перспективе вызывает пониженный уровень потребления калорий и микронутриентов, что приводит к появлению анемии и ухудшению антропометрических показателей. Во-вторых, отсутствие доступа к улучшенным источникам водоснабжения приводит к ухудшению гигиенических условий в семье, что сказывается на качестве ухода за детьми и может провоцировать появление болезней, которые в свою очередь влияют на рацион питания ребенка, снижая его качество и количество, и также вызывают анемию. Коэффициент эластичности показывает, что увеличение доступа к улучшенным источникам водоснабжения на 1% сопровождается снижением распространенности анемии среди детей на 0,08%.

Отрицательное влияние динамики численности населения на распространенность недоедания может быть объяснено следующим образом. Население Африки за последние два десятилетия росло значительными темпами. Если на фоне роста населения абсолютное число детей, страдающих от анемии, растет относительно более низкими темпами, то это приведет к сокращению их доли в общей численности населения. Коэффициент эластичности для численности населения равен -0,05, т.е. увеличение численности населения на 1% сопровождается снижением распространенности анемии среди детей на 0,05%. Регрессионные остатки модели были проверены на наличие единичного корня. Нулевая гипотеза о нестационарности ряда отвергалась в трех тестах из пяти, что подтверждает адекватность построенной модели и наличие коинтеграционной взаимосвязи в уравнении.

Оценка краткосрочной взаимосвязи: модель коррекции ошибками. Для оценки краткосрочных зависимостей построили модель коррекции ошибками в виде:

$$\Delta AC_{it} = \mu + \beta_1 \Delta WF_{it} + \beta_2 \Delta FI_{it} + \beta_3 \Delta DFD_{it} + \beta_4 \Delta TP_{it} + \alpha ECM_{it-1} + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где α – коэффициент, характеризующий скорость восстановления равновесного состояния; ε_{it} – ошибки модели; μ – коэффициент, отражающий индивидуальный эффект; β_i – коэффициенты модели; ECM_{it-1} – механизм корректировки равновесия:

$$\Delta AC_{it} = AC_{it} - AC_{it-1}, \Delta WF_{it} = WF_{it} - WF_{it-1}, \Delta FI_{it} = FI_{it} - FI_{it-1}, \Delta DFD_{it} = DFD_{it} - DFD_{it-1}, \\ \Delta TP_{it} = TP_{it} - TP_{it-1}.$$

Параметры модели коррекции ошибками оценивали методом наименьших квадратов. Результаты оценивания представлены в таблице 13.

Присутствует долгосрочная взаимосвязь между переменными, так как коэффициент перед показателем, отражающий механизм корректировки равновесия, отрицателен и значим. Среди всех коэффициентов значимыми оказались коэффициенты перед показателями доступа к улучшенным источникам водоснабжения и численности населения, так же, как и в случае долгосрочных взаимосвязей. На снижение распространенности анемии среди детей влияют увеличение доступа к улучшенным источникам водоснабжения и численность населения.

Таблица 13. Результаты оценивания параметров модели коррекции ошибками

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка
Механизм корректировки равновесия, соответствующий уровню 1	-0,01*	0,002
Доступ к улучшенным источникам водоснабжения (прирост)	-0,015**	0,006
Стоимость импорта продовольствия в общем экспорте товаров (прирост)	0,0007	0,001
Глубина продовольственного дефицита (прирост)	0,004	0,003
Численность населения (прирост)	-1,02*	0,00

Примечание: *, ** – уровни значимости 5 и 10% соответственно.

Источник: Расчеты авторов.

Коэффициенты эластичности для показателей доступа к улучшенным источникам воды и численности населения равны -0,013 и -0,12 соответственно. Сравнение коэффициентов эластичности для краткосрочной и долгосрочной модели показывает, что изменение доступа к улучшенным источникам водоснабжения более значимо в долгосрочном периоде, а изменение численности населения – в краткосрочном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предложенном исследовании был проведен анализ основных факторов, влияющих на детское недоедание в странах Африки. Первоначальный обзор существующих исследований показал, что экономическая составляющая, хотя и оказывает положительное влияние на снижение детского недоедания, является далеко не первостепенной. Особое внимание стоит уделять наличию и распределению продовольственных ресурсов, проводимой политике, инвестициям, образованию родителей и устойчивости продовольственных цен. Анализ социально-экономического положения стран Африки в работе показал, что в целом ситуация в большинстве регионов улучшалась в течение 1990-2011 гг., однако рост показателей экономического развития и продовольственной безопасности происходил относительно низкими темпами, что способствовало сохранению высокого уровня детского недоедания. Более того, стремительный рост численности населения Африки стал одной из основных причин увеличения абсолютной численности взрослого и детского населения, страдающего от недоедания. В работе проведен кластерный анализ по основным социально-экономическим показателям, в результате которого было выявлено три группы стран. Первый кластер, в котором оказалась 21 страна, характеризовался наиболее высокими значениями антропометрических показателей, отражающих уровень детского недоедания. Именно для стран первого кластера были построены модели панельной коинтеграции. В качестве зависимой переменной выбрали распространенность анемии среди детей как показатель скрытого голода. В анализ включили 17 независимых переменных продовольственной безопасности, которые на первоначальном этапе были проверены на наличие единичного корня и протестированы на наличие долгосрочной взаимосвязи. В результате оказалось, что долгосрочная взаимосвязь существует между показателями распространенности анемии среди детей, доступа к улучшенным источникам питьевой воды, глубины продовольственного дефицита, численности населения и стоимостью импорта продовольствия в общем экспорте товаров. Оценивание уравнений долгосрочной и краткосрочной взаимосвязей показало, что только

переменные численности населения и доступа к улучшенным источникам водоснабжения являются значимыми, их рост приводит к снижению распространенности анемии среди детей младше 5 лет. Расчет коэффициентов эластичности показал, что численность населения оказывает большее влияние в краткосрочном периоде, в то время как доступ к источникам водоснабжения более значим в долгосрочном периоде. В целом результаты анализа показали, что для проведения успешной политики необходимо сделать акцент на увеличении доступа к улучшенным источникам водоснабжения, так как зависимость стран первого кластера, экономика которых в основном развивается за счет сельского хозяйства, от условий водоснабжения велика.

СОКРАЩЕНИЯ

МТ - Масса тела

ПМТ - Пониженная масса тела

ЦРТ1 - Первая цель развития тысячелетия

АС - Распространенность анемии среди детей

DFD - Глубина продовольственного дефицита

GDP - ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных ценах 2011 г.

ТР - Численность населения

WF - Доступ к улучшенным источникам водоснабжения

ЛИТЕРАТУРА

- Alderman H., J. Hoddinott, B. Kinsey (2006). Long term consequences of early childhood malnutrition // *Oxford economic papers*. 58(3): 450–474.
- Baro M., T.F. Deubel (2006). Persistent hunger: perspectives on vulnerability, famine, and food security in sub-Saharan Africa // *Annual review of anthropology*. 35: 521–538.
- Barrett C.B. (2010). Measuring food insecurity // *Science*. 327(5967): 825–828.
- Breitung J. (2000). The local power of some unit root tests for panel data // *Advances in econometrics*. Amsterdam: JAI Press: 161–178.
- Breitung J., M.H. Pesaran (2008). Unit roots and cointegration in panels // *The econometrics of panel data*. Springer Berlin heidelberg: 279–322.
- Choi I. (2001). Unit root tests for panel data // *Journal of international money and finance*. 20: 249–272.
- Christiaensen L., H. Alderman (2004). Child malnutrition in Ethiopia: can maternal knowledge augment the role of income? // *Economic development and cultural change*. 52(2): 287–312.
- FAO Hunger Report (2015). The state of food insecurity in the world 2015. FAO: 8-40.
- FAO Statistical yearbook 2012 (2012). World food and agriculture. FAO. Rome: 96-109.

- Fotso J.C., B. Kuate-Defo (2006). Household and community socioeconomic influences on early childhood malnutrition in Africa // *Journal of biosocial science*. 38(3): 289–313.
- Gorstein, J., K. Sullivan, R. Yip, M. de Onis, F. Trowbridge, P. Fajans (1994). Issues in the assessment of nutritional status using anthropometry // *Bulletin of the World Health Organization*. 72(2): 273.
- Haddad L., H. Alderman, S. Appleton, L. Song, Y. Yohannes (2003). Reducing child malnutrition: how far does income growth take us? // *The World Bank economic review*. 17(1): 107–131.
- Hadri K. (2000). Testing for stationarity in heterogeneous panel data // *Econometrics journal*. 3: 148–161.
- Hamilton J.D. (1994). *Time series analysis*. Princeton university press: 475-630.
- Harttgen K., S. Klasen, S. Vollmer (2013). Economic growth and child undernutrition in sub-Saharan Africa // *Population and development review*. 39(3): 397–412.
- Im K.S., M.H. Pesaran, Y. Shin (2003). Testing for unit roots in heterogeneous panels // *Journal of econometrics*. 115: 53–74.
- Jenkins J.C., S.J. Scanlan (2001). Food security in less developed countries, 1970 to 1990 // *American sociological review*. 66: 718–744.
- Levin A., C.-F. Lin, C.-S.J. Chu (2002). Unit root tests in panel data: asymptotic and finite-sample properties // *Journal of econometrics*. 108: 1–24.
- Maddala G.S., S. Wu (1999). A comparative study of unit root tests with panel data and a new simple test // *Oxford bulletin of economics and statistics*. 61: 631–652.
- Magadi M.A. (2011). Household and community HIV/AIDS status and child malnutrition in sub-Saharan Africa: evidence from the demographic and health surveys // *Social science & medicine*. 73(3): 436–446.
- Onis M., M. Blössner (2003). The World Health Organization global database on child growth and malnutrition: methodology and applications // *International journal of epidemiology*. 32(4): 518–526.
- Pedroni P. (2004). Panel cointegration: asymptotic and finite sample properties of pooled time series tests with an application to the PPP hypothesis // *Econometric theory*. 20: 597–625.
- Phillips P.C.B., H.R. Moon (2000). Nonstationary panel data analysis: an overview of some recent developments // *Econometric reviews*. 19: 263–286.
- Sen A. (1981). *Poverty and famines: an essay on entitlement and deprivation*. Oxford university press: 9-45.
- Smith L.C., L.J. Haddad (2000). Explaining child malnutrition in developing countries: A cross-country analysis. *International food policy research institute*: 15-23.
- Walker P. (2013). *Famine early warning systems: victims and destitution*. Routledge: 15-43.
- WHO (2006). *WHO child growth standards: length/height-for-age, weight-for-age, weight-for-length, weight-for height and body mass index-for-age: methods and development*. Geneva, Switzerland: WHO Multicentre Growth Reference Study Group: 13-275.

CHILD MALNUTRITION IN AFRICA: STATISTICAL ANALYSIS AND MODELING OF FACTORS

LILIA RODIONOVA, ANNA LUBNINA

Sustainable development of society is one of the goals of the millennium, which is impossible without progress in the field of eradicating hunger. According to estimates of the Food and Agriculture Organization of the United Nations, in 2015 about 792.5 million people suffered from chronic hunger. The vast majority of the hungry lived in developing countries, where 60% of child deaths were due to reduced body weight. The level of child malnutrition continues to grow in many African countries.

The work explores the problems of child malnutrition in Africa, modeling its contributing factors according to data of the Food and Agriculture Organization of the United Nations for the period 1991-2014 Panel cointegration models made it possible to obtain estimates of long-term relationships. This is particularly important in the analysis and monitoring of long-term investment programs in Africa.

Initially, all countries were divided into three clusters, differing in socio-economic development. The most unfavorable situation was in the countries of the first cluster, with low per capita GDP and a prevalence of childhood anemia (as a measure of hidden hunger) at 68.9%.

Further modeling of long-term trends was carried out for the first cluster countries. The analysis showed that a long-term relationship exists between the prevalence of anemia among children (as a measure of hidden hunger), access to improved sources of drinking water, the seriousness of the food deficit, the population and the cost of food imports in total exports of goods.

Key words: *child malnutrition, African countries, hidden hunger, statistical analysis, long-term relationships, panel cointegration models.*

LILIA RODIONOVA (lrodionova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

ANNA LUBNINA (ann_lubnina@mail.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: AUGUST 2017.

REFERENCES

- Alderman H., J. Hoddinott, B. Kinsey (2006). Long term consequences of early childhood malnutrition // Oxford economic papers. 58(3): 450–474.
- Baro M., T.F. Deubel (2006). Persistent hunger: perspectives on vulnerability, famine, and food security in sub-Saharan Africa // Annual review of anthropology. 35: 521–538.
- Barrett C.B. (2010). Measuring food insecurity // Science. 327(5967): 825–828.
- Breitung J. (2000). The local power of some unit root tests for panel data // Advances in econometrics. Amsterdam: JAI Press: 161–178.
- Breitung J., M.H. Pesaran (2008). Unit roots and cointegration in panels // The econometrics of panel data. Springer Berlin heidelberg: 279-322.
- Choi I. (2001). Unit root tests for panel data // Journal of international money and finance. 20: 249–272.
- Christiaensen L., H. Alderman (2004). Child malnutrition in Ethiopia: can maternal knowledge augment the role of income? // Economic development and cultural change. 52(2): 287–312.

- FAO Hunger Report (2015). The state of food insecurity in the world 2015. FAO: 8-40.
- FAO Statistical yearbook 2012 (2012). World food and agriculture. FAO. Rome: 96-109.
- Fotso J.C., B. Kuate-Defo (2006). Household and community socioeconomic influences on early childhood malnutrition in Africa // *Journal of biosocial science*. 38(3): 289–313.
- Gorstein, J., K. Sullivan, R. Yip, M. de Onis, F. Trowbridge, P. Fajans (1994). Issues in the assessment of nutritional status using anthropometry // *Bulletin of the World Health Organization*. 72(2): 273.
- Haddad L., H. Alderman, S. Appleton, L. Song, Y. Yohannes (2003). Reducing child malnutrition: how far does income growth take us? // *The World Bank economic review*. 17(1): 107–131.
- Hadri K. (2000). Testing for stationarity in heterogeneous panel data // *Econometrics journal*. 3: 148–161.
- Hamilton J.D. (1994). Time series analysis. Princeton university press: 475-630.
- Harttgen K., S. Klasen, S. Vollmer (2013). Economic growth and child undernutrition in sub-Saharan Africa // *Population and development review*. 39(3): 397–412.
- Im K.S., M.H. Pesaran, Y. Shin (2003). Testing for unit roots in heterogeneous panels // *Journal of econometrics*. 115: 53–74.
- Jenkins J.C., S.J. Scanlan (2001). Food security in less developed countries, 1970 to 1990 // *American sociological review*. 66: 718–744.
- Levin A., C.-F. Lin, C.-S.J. Chu (2002). Unit root tests in panel data: asymptotic and finite-sample properties // *Journal of econometrics*. 108: 1–24.
- Maddala G.S., S. Wu (1999). A comparative study of unit root tests with panel data and a new simple test // *Oxford bulletin of economics and statistics*. 61: 631–652.
- Magadi M.A. (2011). Household and community HIV/AIDS status and child malnutrition in sub-Saharan Africa: evidence from the demographic and health surveys // *Social science & medicine*. 73(3): 436–446.
- Onis M., M. Blössner (2003). The World Health Organization global database on child growth and malnutrition: methodology and applications // *International journal of epidemiology*. 32(4): 518–526.
- Pedroni P. (2004). Panel cointegration: asymptotic and finite sample properties of pooled time series tests with an application to the PPP hypothesis // *Econometric theory*. 20: 597–625.
- Phillips P.C.B., H.R. Moon (2000). Nonstationary panel data analysis: an overview of some recent developments // *Econometric reviews*. 19: 263–286.
- Sen A. (1981). Poverty and famines: an essay on entitlement and deprivation. Oxford university press: 9-45.
- Smith L.C., L.J. Haddad (2000). Explaining child malnutrition in developing countries: A cross-country analysis. International food policy research institute: 15-23.
- Walker P. (2013). Famine early warning systems: victims and destitution. Routledge: 15-43.
- WHO (2006). WHO child growth standards: length/height-for-age, weight-for-age, weight-for-length, weight-for height and body mass index-for-age: methods and development. Geneva, Switzerland: WHO Multicentre Growth Reference Study Group: 13-275.

РУССКИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – РУБЕЖИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XXI ВЕКА)

СЕРГЕЙ СУЩИЙ

В статье анализируется геодемографическая динамика русского населения республик Северного Кавказа в постсоветский период. Фиксируются темпы его сокращения по республикам, исследуется изменчивое соотношение в данном процессе естественной и миграционной составляющих. Выявлена центральная роль оттока в сокращении численности русского населения региона, которая в настоящее время опустилась до уровня середины 1930-х годов. При этом произошло практически полное вытеснение русских из Чеченской Республики и Ингушетии, значительную часть своего русского населения утратил Дагестан. В результате общее число русских на Северо-Восточном Кавказе в постсоветский период сократилось почти в 4 раза. Демографические потери русского населения остальных республик региона были не столь значительны. Однако ускоренное сокращение числа русских и в них стало устойчивой тенденцией. Для определения коридора наиболее вероятной динамики численности русского населения региона (и отдельных его республик) на среднесрочную и более удаленную (до 2050 г.) перспективу были сделаны расчеты, исходя из различных вариантов естественного прироста и миграционной активности русского населения. Установлено, что к 2030 г. число русских на Северном Кавказе сократится до 690-780 тыс. человек, а к середине века будет находиться в диапазоне 490-700 тыс.

Наряду с прямым количественным сокращением будет происходить ухудшение возрастной структуры русского населения региона, способное привести к его демографическому «коллапсу» уже в 2060-2070-е годы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, русское население, демографическая динамика, расселение, миграция, ассимиляционные процессы.

НОВЫЕ ЧЕРТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Русские, составляющие более 80% населения страны, являются наиболее многочисленным народом Российского государства. Поэтому неудивительно и их традиционное присутствие во всех макрорегионах страны, равно как и их активное участие в социальной жизнедеятельности этих макрорегионов. Соответственно значимым показателем служит и социодемографическая динамика русского населения в регионах РФ, в том числе и в национальных автономиях. Динамика численности (и удельного веса) местного русского населения, направления его миграции и масштабы оттока – значимые характеристики уровня интеграции республик в жизнедеятельные циклы всей России.

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ СУЩИЙ (SS7707@mail.ru), Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Россия.

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В РАМКАХ ПРОЕКТА «ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА (0260-2014-0004)» ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕЗИДИУМА РАН.

Статья поступила в редакцию в апреле 2017 г.

Потому быстрое сокращение русского населения Северного Кавказа в постсоветский период вполне обоснованно воспринимается экспертами и российским обществом в целом как настораживающий признак. Количество исследований, посвященных различным аспектам данной темы, достаточно велико [Атаев 2013; Белозеров 2001; Денисова, Уланов 2003; Дзадзиев 2007; 2008; Кабузан 1996; Северный Кавказ... 2010]. Однако детальный анализ современной количественной динамики русского населения Северного Кавказа, а также его геодемографических перспектив пока не привлек достаточного внимания специалистов.

Отток русских из региона – процесс, начавшийся задолго до распада СССР. Уже в 1960-х годах была зафиксирована миграция русского населения из Дагестана (таблица 1). Однако в целом по региону миграционное сальдо русских всё еще оставалось положительным. Но уже в следующем десятилетии ситуация меняется кардинально – в 1970-е годы почти весь Северный Кавказ оказывается в зоне миграционной убыли русских. Такое положение сохраняется и в 1980-е годы. Основной отток в последние два советских десятилетия формируют две восточные республики региона – Дагестан и Чечено-Ингушетия.

Таблица 1. Миграционная динамика русского населения в республиках Северного Кавказа в 1960-2000-е годы, тыс. чел.*

Республики	Периоды				
	1959-1970	1970-1979	1980-1989	1989-2002	2002-2010
Адыгея	5-7	- 1-2	0	7-8	- 5-6
Дагестан	- 25-30	- 30	- 31-33	- 35	- 8-9
Ингушетия	-	-	-	-20	- 1-1,5
Кабардино-Балкария	30-35	3-4	- 2-3	- 9-10	- 15-16
Карачаево-Черкесия	0	- 3-4	6-7	- 18	- 11-12
Северная Осетия	2-3	- 9-10	- 18-20	- 18	- 4-5
Чечено-Ингушетия	0	- 45-50	- 55-57	-	-
Чеченская республика	-	-	-	-248-250	- 2-3
Республики в целом	12-15	- 85-92	- 100-106	- 341-343	- 60-65

*Примечание: * - Рассчитано автором на основе данных об общей динамике численности русского населения и о естественном приросте русских в республиках Северного Кавказа в соответствующие периоды.*

Общие миграционные потери русского населения региона в 1970-1980-е гг. составили около 200 тыс. человек. Столь значительная убыль уже не могла быть восполнена естественным приростом. Число русских на Северном Кавказе, достигнув своего исторического максимума (первая половина 1970-х годов), начало сокращаться. За период 1970-1979 гг. оно упало с 1436 тыс. до 1412 тыс. человек.

Темпы убыли русского населения, постепенно возраставшие к концу советского периода, максимально ускоряются в 1990-е годы. В первое постсоветское десятилетие регион покинуло около 340 тыс. русских. В отдельных случаях миграция, по сути, приобретала форму этнического исхода. Трудно назвать иначе происходившее в Чеченской Республике и Ингушетии в 1991-1993 гг., когда республики покинуло около 200 тыс. человек, основную массу которых составляли русские. Свой вклад в сокращение русского населения внесла и естественная убыль, к началу XXI века составлявшая 5-6% в год. Как

результат, численность русских в регионе к 2002 г. опустилась ниже миллионной планки, вернувшись тем самым на уровень рубежа 1940-х годов.

Политическая и социально-экономическая стабилизация России начала XXI в. позволила существенно сократить масштабы оттока. Однако русская миграция с территории Северного Кавказа сохраняется и в 2000-е годы. В 2002-2010 гг. русское население региона по официальным данным сократилось более, чем на 100 тыс. человек. Учитывая, что размеры естественной убыли русских за этот период составляли порядка 4% (около 40 тыс. человек), остальные 60 тыс. человек демографической убыли пришлось на миграцию, интенсивность которой в ряде республик даже возросла.

В общей сложности с 1989 по 2010 г. массив русского населения Северного Кавказа сжался более чем в 1,5 раза. Еще ошутимее были удельные потери: доля русских в населении региона, достигавшая на рубеже 1960-х годов 44%, к концу советского периода сократилась до 27%, а в 2010 г. составляла уже только 12%.

Причины демографического «схлопывания» республиканских русских общин хорошо известны. Они многократно озвучивались в экспертной литературе. Это экономический фактор – деиндустриализация Северного Кавказа и потеря русским населением своих основных производственных ниш; комплексная этнизация социальной жизни республик – значительное доминирование титульных народов в структурах власти и во всех престижных иерархиях; правовая незащищенность русского населения и существующая в республиках межэтническая напряженность.

Очевидно и то, что «русский вопрос» не является самостоятельным, но представляет один из составных элементов широкого проблемного комплекса, решение которого возможно только в результате успешной реализации проекта системной трансформации Северного Кавказа – серьезной модернизации его политической, социально-экономической, культурной жизни, которая в свою очередь предполагает соответствующие изменения социальных реалий всей России. Однако современная российская власть такого масштаба задачи предпочитает перед собой не ставить. Потому есть все основания полагать, что геодемографическая динамика русского населения на Северном Кавказе будет по-прежнему определяться факторами, способствующими его дальнейшему количественному сокращению и пространственному сжатию.

Этот процесс, представляющий сложную производную этнополитических, социально-экономических и социокультурных факторов, задающих масштабы оттока русских, будет существенно различаться по республикам. Однако варьировать в достаточно широком диапазоне может не только миграция, но и показатели естественной динамики русских. Соотношение рождаемости и смертности будет зависеть как от социально-экономической успешности всей РФ и конкретного региона, так и особенностей демографической политики российской власти, масштаба программ поощрения рождаемости, уровня развития системы здравоохранения, широты распространения здорового образа жизни, эффективности борьбы государства (и самого общества) с алкоголизмом, курением и наркоманией.

В настоящей статье содержится попытка оценить возможные изменения численности русского населения республик Северного Кавказа с использованием метода передвижки возрастов при разных вариантах изменения параметров естественного воспроизводства русских в этом регионе. В качестве основных параметров для расчета *пессимистического* (негативного) сценария мы экстраполировали на среднесрочную (до 2025-2030 гг.) и долгосрочную (до 2050 г.) перспективу показатели рождаемости, смертности, возрастные коэффициенты дожития, среднюю продолжительность жизни населения России в 2010 г. с небольшим их улучшением по десятилетиям анализируемого периода.

При таком сценарии средняя продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин в России за период 2010-2050 гг. должна вырасти примерно на четыре года (соответственно с 63 до 67 и с 74,8 до 79 лет). А коэффициенты дожития для различных возрастных групп российского населения (т.е. прежде всего русских, составляющих около 80% жителей РФ) улучшаются к середине века на 10-20% относительно показателей 2010 г.

Для расчета *оптимистического* сценария мы исходили из предположения, что основные демографические показатели населения страны и русских в течение анализируемого периода будут достаточно ощутимо улучшаться. Предполагается, что к середине века продолжительность жизни в РФ, увеличившись относительно 2010 г. на 13-14 лет, станет сопоставимой с современными показателями населения стран Западной Европы и Северной Америки.

Как результат, если при негативном сценарии естественной динамики русские на Северном Кавказе за период 2010-2050 гг. теряли порядка 23-26% своей численности, то реализация оптимистического сценария позволяла сократить эти потери до 14-16%.

Таким образом, сочетание различных сценариев естественной и миграционной динамики формирует определенный коридор вероятных демографических возможностей для русских в республиках Северного Кавказа в среднесрочной и более отдаленной перспективе. Сочетание положительного сценария естественной динамики и максимально возможного сокращения оттока (для каждой республики подбиралась его реальная величина) задавало верхнюю границу данного коридора. Негативный сценарий естественной убыли, совмещенный с сохранением значительных масштабов оттока, очерчивал нижний уровень возможной демографической динамики русских.

Представим результаты данных расчетов по отдельным республикам региона.

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Перепись 2002 г. зафиксировала в республике только 40,6 тыс. русских, из которых около 24 тыс. относились к федеральной группировке. Таким образом, гражданское население (остатки русского «старожильческого» массива) составляло не более 16 тыс. человек. Их основная масса проживала в небольшом числе населенных пунктов двух надтеречных районов республики (Наурском и Шелковском), а также в самом Грозном. Таким образом, подавляющее большинство поселений Чечни, в том числе и весьма крупных, уже в начале

XXI века практически не имело русского населения.

К 2010 г. русское население республики сократилось до 24 тыс. человек, прежде всего, за счет сокращения военной группировки, которая, впрочем, по-прежнему представляла значительную величину (только русских в ее составе насчитывалось около 11 тыс.). Таким образом, непосредственно сама русская община (гражданское население) составляла около 13 тыс. человек, сократившись примерно на 20% в сравнении с 2002 г.

Возрастная структура местных русских, за вычетом пиков, формируемых «федералами» (контрактниками и офицерами), обнаруживает достаточно ровный контур («прямоугольник») с повышенной долей людей среднего и старшего возраста (рисунок 1). Однако данная форма возрастной пирамиды не предполагает быстрого естественного сжатия диаспоры в ближайшие десятилетия.

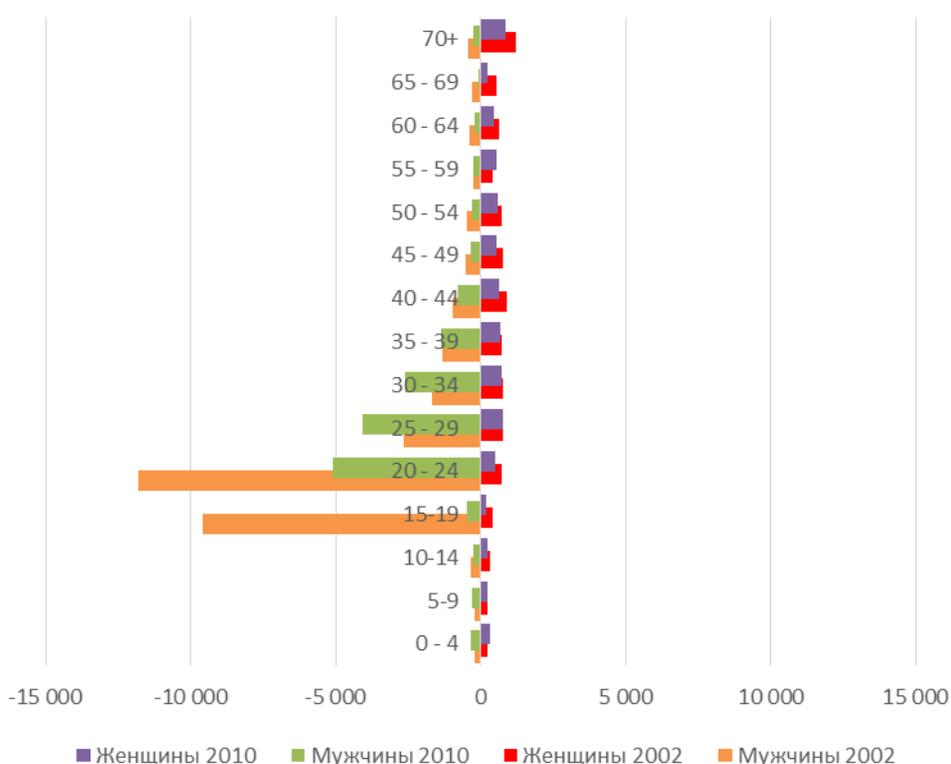

Рисунок 1. Возрастная структура русского населения Чеченской республики, 2002-2010 гг., человек

Источник: Всероссийская перепись населения 2002 и 2010 годов

Иными словами, если бы проблема оттока русских из республики была решена, то даже столь небольшая диаспора могла сохраняться продолжительное время, включая в 2030-2040 гг. порядка 10-12 тыс. человек (т.е. немногим меньше, чем в настоящее время). Однако дальнейшая миграция русских из республики практически неизбежна. К тому же, чтобы сценарий количественной консервации сработал, общине необходимо поддерживать уровень рождаемости, хотя бы характерный для всего русского населения России. Между тем на одну русскую женщину в активном репродуктивном возрасте (20-39 лет) в

Чеченской Республике по переписи 2010 г. приходилось 0,76 ребенка в возрасте до 20 лет¹, тогда как данный показатель по стране у русских составлял 1,28 ребенка.

Основная причина запредельно низкого показателя кроется не в реальной малодетности местных русских женщин, а в межнациональных (русско-чеченских) браках. Основная масса детей в таких смешанных семьях фиксируется переписью по национальности отца в составе титульного народа. Такой принцип национального самоопределения смешанного потомства межнациональных семей, в данном случае, полностью соответствует социальным реалиям республики. В условиях традиционного общества с абсолютной доминантой мужа-отца практически все родившиеся в таких браках дети по своей психоментальной и социокультурной специфике становятся представителями чеченского народа.

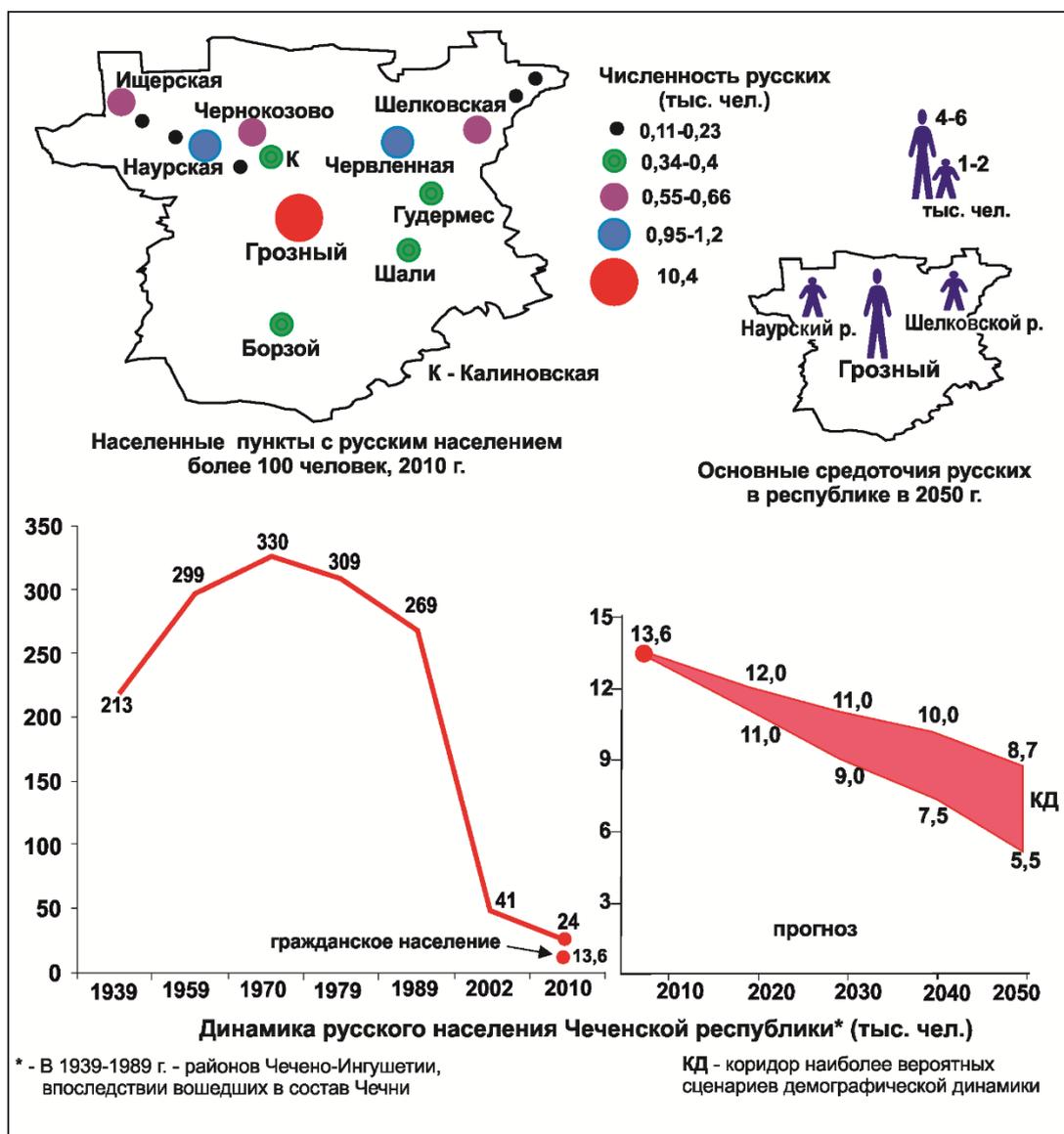

Рисунок 2. Русские в Чеченской Республике, 1939-2050

¹ За вычетом некоторого числа представителей федеральной силовой группировки – юношей в возрасте 18-19 лет.

Исходя из существующего показателя детности, можно предположить, что до 30% (не исключено, что и больше) русских женщин активного детородного возраста, проживающих в настоящее время в республике, имеют «титульного» мужа. Следовательно, значительная доля потенциальных мам выпадает из демографического воспроизводства русской общины Чечни.

Между тем и общее число русских женщин детородного возраста в республике с середины текущего десятилетия начинает стремительно сокращаться: во взрослую жизнь вступают малочисленные уроженцы конца XX века. Даже без учета возможной миграции число русских женщин в возрасте 20-39 лет в Чечне к 2020 г. сократится до 1,7 тыс. (с 2,7 тыс. в 2010 г.), а в 2030 г. составит только одну тысячу. Как результат, все будущие поколения русских в республике неизбежно будут в разы меньше, чем группы среднего и старшего возраста.

Наиболее вероятный количественный диапазон демографической динамики русской общины Чечни представлен на рисунке 2. При этом на графике не в полной мере учтена возможная работа ассимиляционного фактора, а следовательно, не исключен и более негативный демографический сценарий.

Впрочем, необходимо учитывать и то, что для «представительских» целей республиканской власти выгодно иметь хотя бы некоторое число поселений с различным присутствием русских. Для этого было бы разумно поддерживать и сохранять оставшиеся их средоточия, куда при необходимости можно было бы свозить высоких гостей из федерального центра. Данное практическое соображение может несколько продлить срок существования русской общины, сосредоточенной к середине века в ряде поселений северной Чечни и, быть может, в Грозном.

Ингушетия

«Русский вопрос» в Ингушетии в геодемографическом аспекте повторяет ситуацию сопредельной Чечни с тем отличием, что в районах советской Чечено-Ингушетии, впоследствии вошедших в состав Ингушетии, русское население изначально было количественно ограниченным. На рубеже 1990-х годов оно составляло около 25 тыс. человек. Порядка 20 тыс. из них покинули республику в первое постсоветское десятилетие.

Перепись 2002 г. зафиксировала в Ингушетии 5,5 тыс. русских. Однако анализ их возрастной структуры позволяет около тысячи человек отнести к федеральной группировке. Таким образом, республиканская русская община могла насчитывать в это время примерно 4,5 тыс. человек. При этом значительная ее часть была компактно сосредоточена в нескольких станицах (прежде всего в Троицкой, Орджоникидзевской, Нестеровской, Вознесенской).

Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение русской общины до 3 тыс. человек, следовательно, она в течение «нулевых» сжалась примерно на треть. Учитывая ограниченные масштабы естественной убыли, речь шла о продолжающемся интенсивном миграционном оттоке, который за 2003-2010 гг. мог составить 1-1,5 тыс. человек, притом

что с начала 2005 г. в республике действовала целевая программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения». Ее нулевые результаты являлись очевидным доказательством того, что «дерусификация» Ингушетии стала свершившимся фактом.

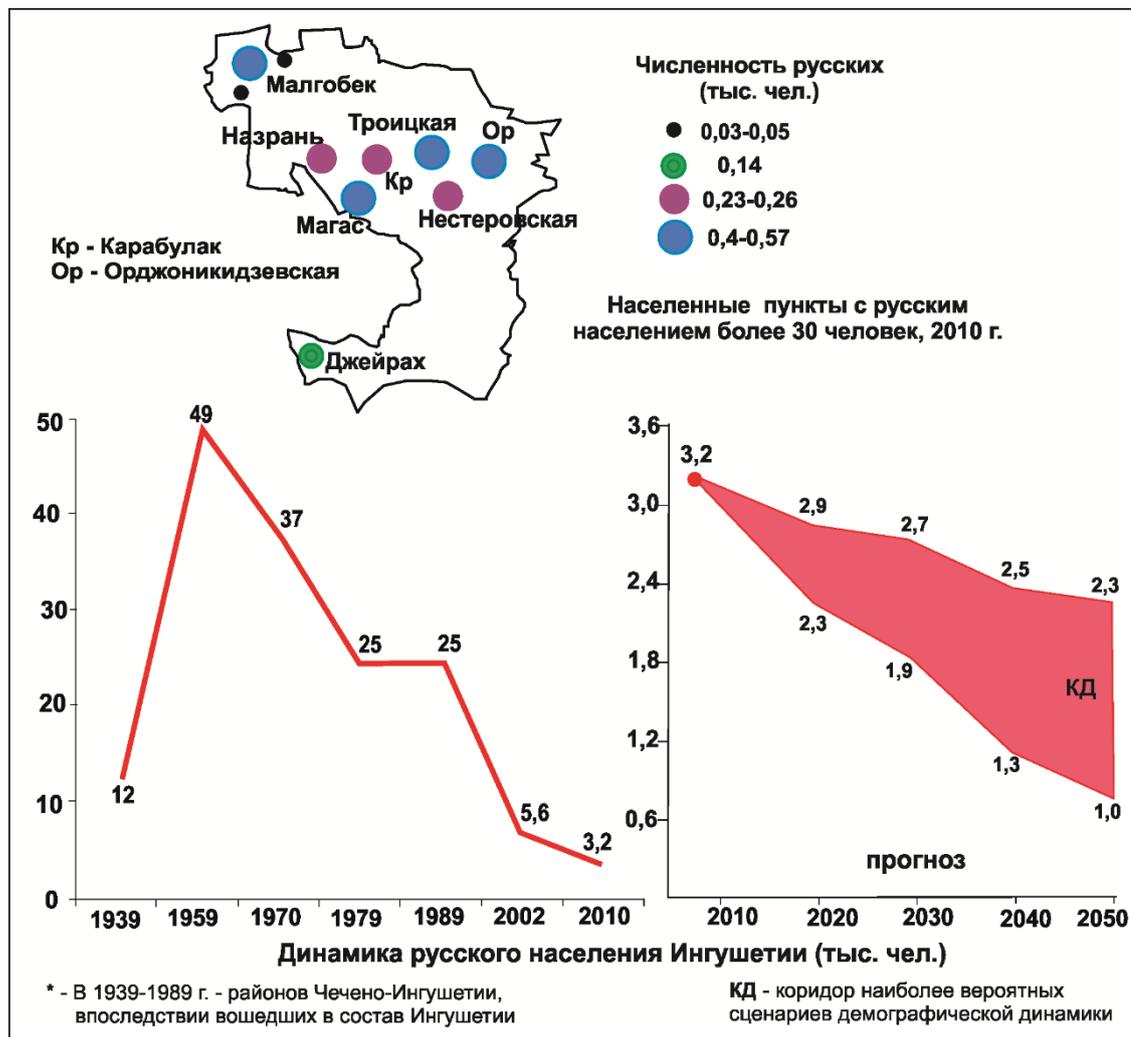

Рисунок 3. Русские в Ингушетии, 1939-2050

Каждая следующая перепись населения России будет фиксировать дальнейшее сокращение местной русской общины, в первую очередь, вследствие дальнейшего оттока и ассимиляции, а не естественной убыли. Согласно переписи 2010 г., у русских в республике на одну женщину активного детородного возраста приходилось только 0,88 ребенка. Причина подобной формальной малодетности та же, что и в соседней Чечне. Соответствующие расчеты позволяют предположить, что в настоящее время в Ингушетии порядка 20-25% русских женщин репродуктивного возраста состоят замужем за ингушами, т.е. «работают» на демографию титульного народа. Быстрое количественное сокращение общины в такой ситуации неизбежно даже без учета миграции (рисунок 3). При этом нижний край показанного на картосхеме количественного диапазона рассчитан для меньшего оттока русских из республики, чем существовал в первом десятилетии XXI века. А сохранение миграции на уровне 2000-х годов при участии ассимиляционного фактора и естественной убыли уже к 2030 г. сократит местную русскую общину до нескольких сот человек. В этом случае к середине века русское население республики, за вычетом

командированных силовиков, будет представлено небольшой группой стариков-старожилов и минимальным числом случайных людей, занесенных в Ингушетию прихотью жизненных обстоятельств.

ДАГЕСТАН

Самым существенным образом продвинулась в направлении сокращения числа русских и третья республика Северо-Восточного Кавказа – Дагестан. Период количественного сокращения русского населения в Дагестане насчитывает уже более полувека, но максимально активизировался этот процесс в постсоветские десятилетия. На его пике, в середине – второй половине 1990-х годов, республику ежегодно покидало до 4-6 тыс. русских. К 2010 г. эта цифра сократилась до 1-1,5 тыс. человек.

В первые годы XXI века масштабы оттока снижаются до 1,5-2 тыс. человек, в 2003-2005 гг. составляют ежегодно 1,2-1,5 тыс. [Дагестан-2005...: 15]. С середины 2000-х годов в республике запускается в реализацию программа «Север», направленная на возвращение русского населения. Однако и во второй половине «нулевых» миграционный отток русских из Дагестана составлял порядка тысячи человек в год и заметно превышал их естественную убыль.

Перепись 2010 г. зафиксировала в республике 104 тыс. русских (101 тыс. без учета воинских подразделений). Таким образом, за период 2002-2010 гг. община сократилась на 14 тыс. человек, из которых естественная убыль не превышала 4-5 тыс. человек.

Анализируя возможные перспективы русской общины, необходимо учесть географическую узость ее современного присутствия в республике. Самая значительная часть Дагестана уже в настоящее время практически лишена русского населения. В половине сельских районов республики группы русских составляют не более 20-30 человек (десятые, а иногда – сотые доли процента населения). Из почти 1500 тыс. поселений республики в 2010 г. русские полностью отсутствовали или имелись в минимальном числе (1-2 человека) в 1124 (3/4 поселенческой сети республики). Если же принять в расчет населенные пункты, в которых русских оставалось всего несколько (3-10) человек, доля «дерусифицированных» поселений поднимается до 90%.

Около 60% республиканских русских сосредоточено в столичной агломерации (Махачкале и Каспийске) и Кизляре. А с учетом Дербента и Хасавюрта и двух северных районов (Кизлярского и Тарумовского) эта доля вырастает до 80%.

Вместе с тем современная возрастная «пирамида» русских Дагестана (рисунок 4) имеет форму прямоугольника, т.е. почти не отличается от ее федерального варианта и не предполагает быстрого демографического сжатия в ближайшие десятилетия. Но два фактора (как и в двух вайнахских республиках) – миграционный и ассимиляция – будут существенно ускорять ее сокращение.

Фиксируемая демографической статистикой пониженная детность русских женщин в Дагестане (0,98 ребенка на одну женщину в возрасте 20-39 лет) выражена не так отчетливо, как в Чеченской Республике и Ингушетии. Но и она свидетельствует о том, что

в настоящее время порядка 15-20% местных русских женщин состоят в межнациональных браках.

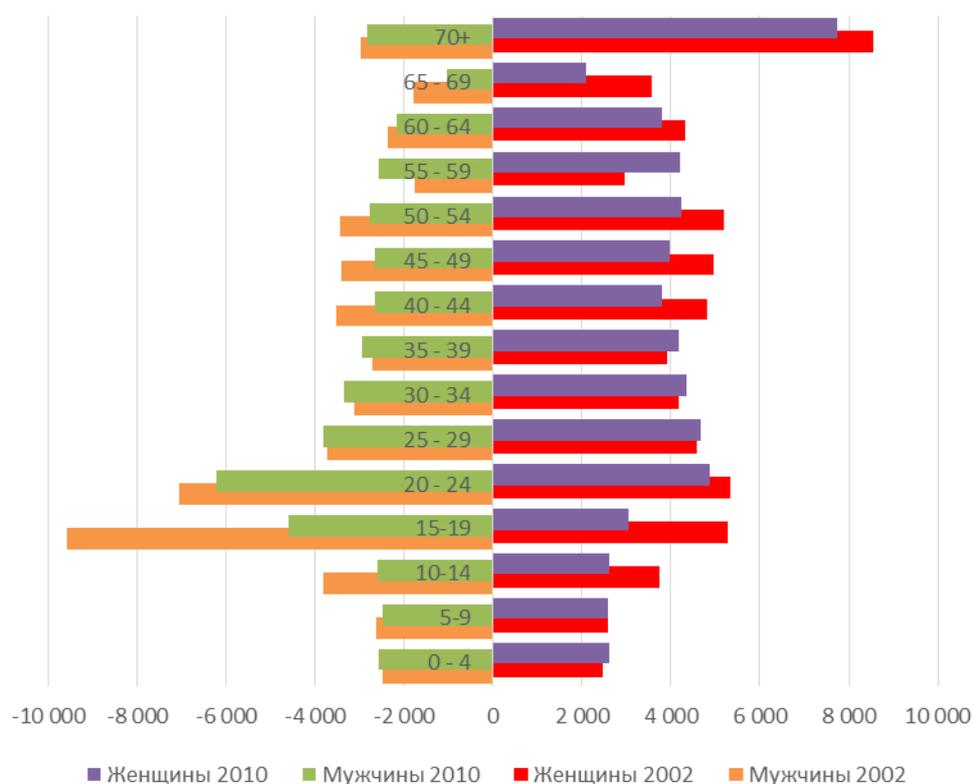

Рисунок 4. Возрастная структура русского населения Дагестана, 2002-2010 гг., чел.

Источник: Всероссийская перепись населения 2002 и 2010 годов

Существенную роль в нисходящей демографической динамике местных русских, очевидно, будет играть и миграция. Сложная этнополитическая и социально-экономическая ситуация в республике, как и сама сложившаяся миграционная тенденция, практически предопределяют дальнейший отток русских из республики. Под вопросом только его масштабы. При сохранении на долговременную перспективу ежегодных темпов миграции на существующем уровне (до 1% от общей их численности) и негативном сценарии естественной динамики (нижняя планка коридора демографических возможностей) число русских в Дагестане к 2030 г. может опуститься до 75 тыс. человек, а к середине века будет составлять менее 50 тыс. (рисунок 5).

Но даже реализация сценария минимальной естественной убыли при трехкратном сокращении интенсивности оттока (около 0,3% в год) приведет к сокращению русского населения Дагестана к 2050 г. до 75 тыс. человек.

Таким образом, диапазон вероятной демографической динамики русского населения Дагестана нельзя назвать катастрофическим, но и оптимизма он не внушает. Составлявшие на рубеже 1960-х годов более 1/5 населения республики, русские к 2040-2050 гг. окончательно превращаются в небольшую по размеру этническую группу (1,5-2,0% жителей Дагестана), опустившись со второго места (1959 г.) на 8-9-ю позицию в демографическом рейтинге народов республики. Территория расселения русских в

середине XXI века, по сути, будет ограничена Махачкалой, Кизляром и двумя северными районами Дагестана.

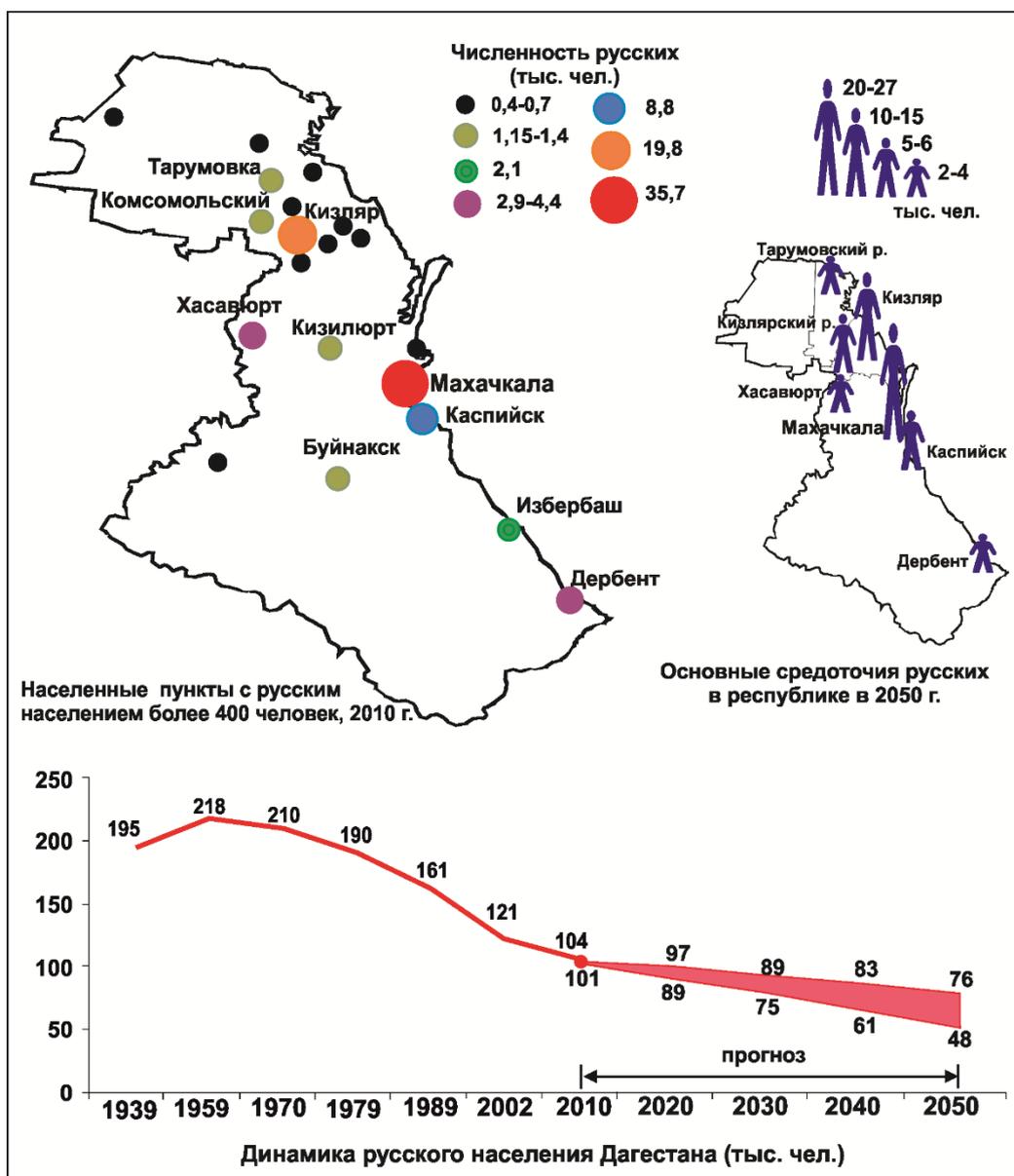

Рисунок 5. Русские в Дагестане, 1939-2050

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

«Русский вопрос» в Северной Осетии стоит не так остро, как на Северо-Восточном Кавказе. Русских здесь достаточно много, и они продолжают оставаться второй по численности этнической группой республики. Однако их демографическая убыль оставалась устойчивой тенденцией на протяжении всего постсоветского периода. В 1990-е годы ежегодный отток, согласно А.Б. Дзадзиеву, держался на уровне 0,8-1,0 тыс. человек, и общее сокращение русского населения в республике в 1989-2002 гг. (на 24 тыс. человек) было в равной степени обусловлено естественной убылью и миграцией [Дзадзиев 2008: 133-137].

Но есть все основания полагать, что реальный отток русских был еще большим. Перепись 2002 г. зафиксировала в республике 165 тыс. русских. Однако анализ их возрастной структуры позволяет отнести порядка 11,5 тыс. человек к федеральной группировке. Таким образом, «гражданская» русская община Северной Осетии в начале XXI века насчитывала 153-154 тыс. человек и реальное ее сокращение за период 1989-2002 гг. могло составлять порядка 34-35 тыс. человек, что указывает на значительно более высокие темпы миграции, которые на пике российского системного кризиса (первая половина – середина 1990-х годов) могли достигать 2 тыс. человек в год, а к рубежу нового столетия должны были сократиться до ежегодных 1-1,5 тыс.

Отток русского населения в это время был почти повсеместным. Активно уезжали из Владикавказа и других республиканских городов, оставляли сельские территории. Тенденция оттока русских из Северной Осетии сохранилась и в первом десятилетии XXI века. По переписи 2010 г. в республике оставалось более 147 тыс. русских, из которых порядка 4,5 тыс. представляли федеральную группировку. Тем самым, старожильческое население составляло около 143 тыс. человек, сократившись за межпереписной период на 10-11 тыс. человек. Порядка 6-7 тыс. из этого числа могло приходиться на естественную убыль, около 4-5 тыс. человек составила миграция (среднегодовой уровень – 500-600 человек). Таким образом, отток русских значительно сократился в сравнении с первым постсоветским десятилетием, однако оставался устойчивой тенденцией, заметно ускоряющей демографическое сжатие местной русской общины.

Анализируя причины миграции русского населения из республики, исследователи, как правило, концентрируют внимание на экономических факторах. Учитывая высокий уровень социокультурной модернизации и православие значительной части титульного населения Северной Осетии-Алании, других серьезных причин для интенсивного оттока, на первый взгляд, быть не должно. Однако системная этнизация республиканского общества в полной мере дает о себе знать и в постсоветской Осетии. И социологические опросы фиксируют отчетливое понимание местными русскими своей социальной бесперспективности («второсортности»), не позволяющей им на равных с титульным населением бороться за статусные позиции [Северный Кавказ... 2010: 24].

Устойчивый отток русских из республики свидетельствует как раз о том, что полного их привыкания к нарастающей маргинализации своего социального статуса не произошло. Точней, просматриваются очевидные возрастные различия: если старшее поколение так или иначе смирилось со своими статусными потерями, то значительная часть молодежи (около трети) ориентирована на отъезд в «большую» Россию. Именно молодежь и составляет значительную часть современной русской миграции из Северной Осетии.

Таким образом, динамика русского населения в республике, как в ближайшей (до 2020 г.), так и более отдаленной перспективе с большой вероятностью будет определяться сдвоенной «работой» естественной убыли и миграции. Причем существующая возрастная структура русской общины указывает на то, что в текущем десятилетии более значимую роль в ее демографическом сжатии может играть естественная убыль. По переписи 2010 г. в Северной Осетии старшая возрастная группа (люди 70 и более лет) составляла среди

русских 12,6%, а с учетом пожилого населения (60-69 лет) – 23% (рисунок 6). Для всего русского массива по РФ данные показатели составляли соответственно 10,4 и 19%.

Между тем в детородный возраст уже вступают малочисленные поколения, родившиеся в 1990-е годы. Достаточно сказать, что в республике число русских женщин активного репродуктивного возраста (20-39 лет) с 22,2 тыс. в 2010 г. сократится к 2020 г. до 18,3 тыс., а в 2030 г. составит только 14,6 тыс. (и это без учета миграционного фактора). При столь значительном сокращении численности потенциальных «мам» практически невозможно рассчитывать на рождаемость, способную полностью возместить естественную убыль населения. Однако, если предположить, что на одну русскую женщину репродуктивного возраста в республике в 2020-2030-е годы будет приходиться порядка 1,7-1,8 деторождений, община, без учета фактора миграции, может в ближайшие десятилетия сокращаться очень медленными темпами.

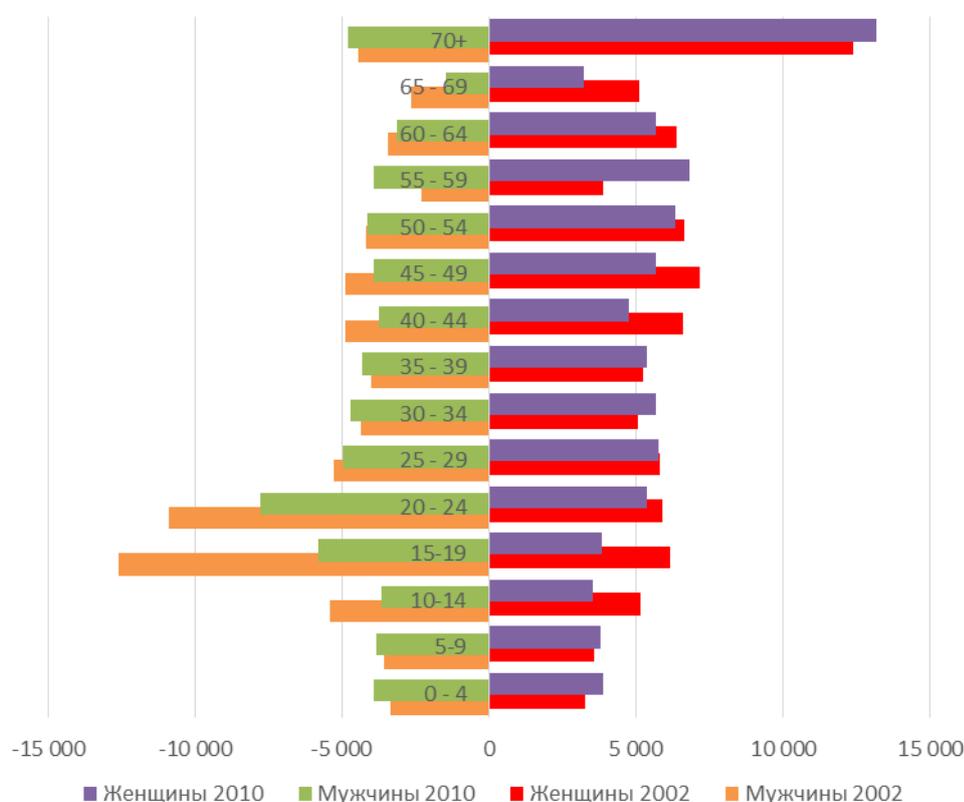

Рисунок 6. Возрастная структура русского населения Северной Осетии, 2002-2010

Источник: Всероссийская перепись населения 2002 и 2010 годов

Показательно, что соотношение детей и женщин репродуктивного возраста у русских в республике совпадает с общероссийским показателем – свидетельство того, что ассимиляционный фактор, столь отчетливо фиксируемый в республиках Северо-Восточного Кавказа, не играет значимой роли в демографической динамике русского населения Северной Осетии. Общая религия, сближенный уровень социокультурной модернизации существенным образом сглаживали работу данного фактора (т.е. смешанное потомство русско-осетинских браков более равномерно распределялось между двумя национальностями).

Но остается еще фактор миграции. С большой вероятностью отток сохранится и на всю обозримую перспективу. При сохранении его современных масштабов русская община может терять по несколько тысяч человек каждое десятилетие и к середине века составлять менее 100 тыс. человек (рисунок 7).

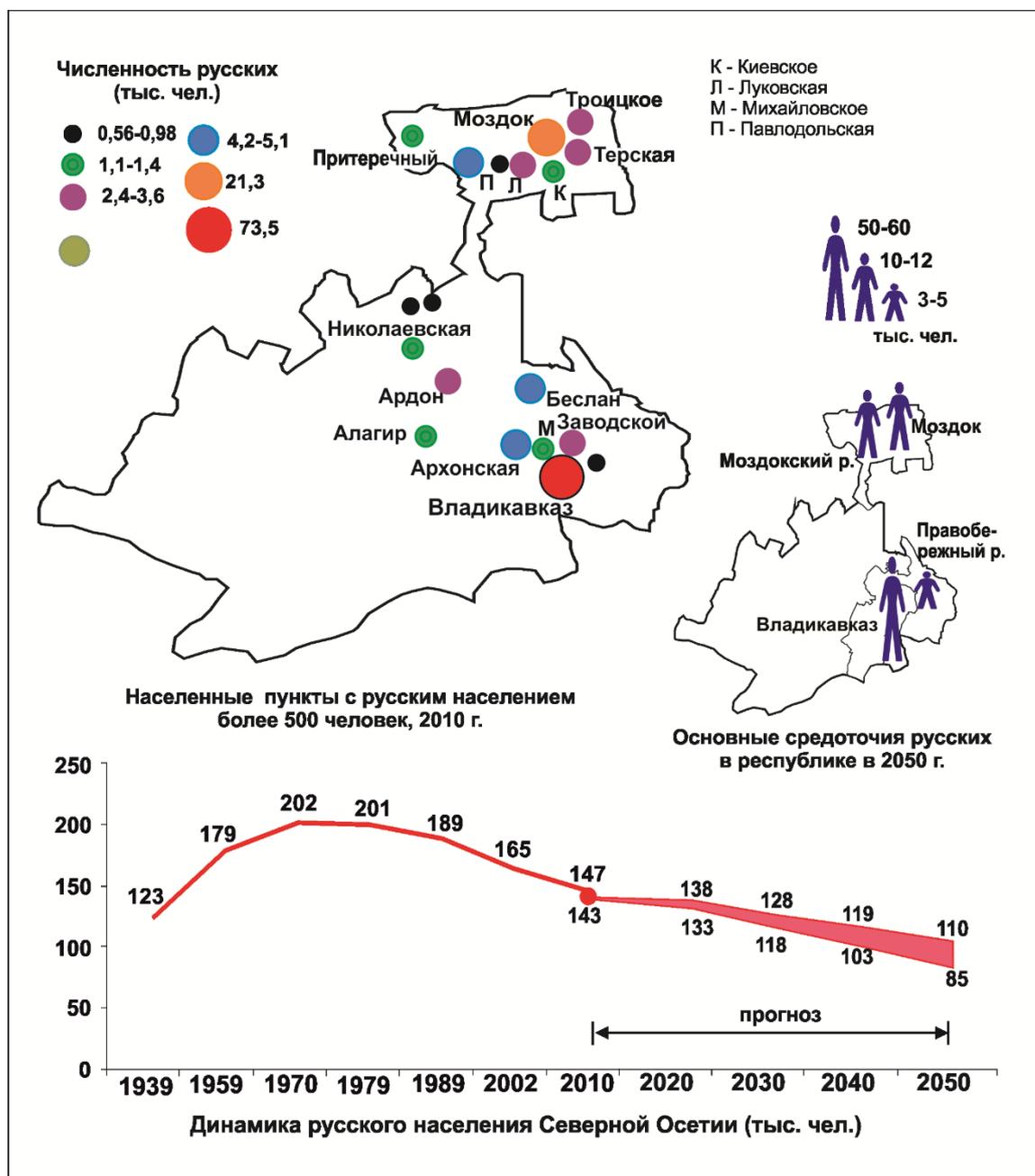

Рисунок 7. Русские в Северной Осетии, 1939-2050

Значение, однако, имеют не только количественные масштабы оттока, но и ухудшение возрастной структуры остающихся русских. Роль данного показателя в демографической депопуляции республиканской общины на протяжении ближайших 15-25 лет может быть незаметной. Но по истечении этого периода последствия могут оказаться едва ли не катастрофическими: в середине века численность русских может начать «таять» со скоростью 3-4% в год. Впрочем, данный сценарий предполагает не только устойчивый

отток, но и столь же устойчивую миграционную потерю заметной доли местной русской молодежи.

В настоящее время география русского населения в республике преимущественно ограничена Владикавказом и Моздоком с Моздокским районом. В сумме на эти два центра и район приходится более 80% всех местных русских. При этом в 71 населенном пункте (почти 38% всей республиканской поселенческой сети) русских нет или число их минимально (1-2 человека). А с учетом тех населенных пунктов, в которых число русских составляет всего 3-10 человек, половина системы расселения по сути оказывается лишенной русского этнокультурного присутствия (по данному показателю Северная Осетия тяготеет к глубоко «дерусифицированному» Северо-Восточному Кавказу). И в перспективе география русских в республике будет продолжать сжиматься, всё более ограничиваясь столицей и Моздокским районом.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Еще в начале 1970-х годов русские составляли 37% населения республики и по численности совсем немного уступали кабардинцам, причем количественный рост русского населения продолжался вплоть до конца советского периода (240 тыс. в 1989 г.).

Перепись 2002 г. зафиксировала в Кабардино-Балкарии 226,2 тыс. русского населения. Следовательно, за период 1989-2002 гг. его численность должна была сократиться всего на 14 тыс. человек, из которых, согласно А. Б. Дзадзиеву, 12 тыс. пришлось на естественную убыль и только 2 тыс. – на миграционный отток [Дзадзиев 2008: 131]. Впрочем, он же в другой публикации дает совсем иные цифры: только в 1989-1998 гг. республику покинуло порядка 7,7 тыс. русских [Дзадзиев 2007: 57]. На деле это расхождение может означать, что результаты переписи 2002 г. в Кабардино-Балкарии были завышены не только по титульным народам, но и по русским.

Есть все основания полагать, что общие миграционные потери русского населения в 1989 – 2002 гг. могли составлять порядка 10 тыс. человек. Следовательно, и численность русских в республике в 2002 г. была порядка 220 тыс. (за вычетом воинского контингента – около 218-219 тыс.).

Данное предположение отчасти подтверждается дальнейшей динамикой русской общины. Согласно переписи 2010 г., численность русских в республике составила 193 тыс. человек – на 34 тыс. меньше, чем в 2002 г. Если исходить из этих цифр, придется констатировать существенный рост миграционного оттока русских из республики в 2000-е годы. Учитывая размеры естественной убыли (порядка 9-11 тыс. человек), миграция должна была составить в 2002-2010 гг. 23-25 тыс. человек (около 3 тыс. ежегодно). Иными словами, интенсивность оттока выросла в несколько раз по сравнению с первым постсоветским десятилетием. Едва ли это соответствует действительности.

Но несомненно, что миграционные потери русских в 2000-е годы были действительно велики. По данным республиканской миграционной службы, в 2005-2007 гг.

они ежегодно составляли около 2 тыс. человек. Соответственно за весь межпереписной период отток мог составить порядка 15-16 тысяч.

Итак, демографическое сжатие русской общины было более равномерным, чем это следует из официальных результатов постсоветских переписей (21-22 тыс. для 1989-2002 гг.; 25-26 тыс. человек для 2002-2010 гг.). Но и данный результат не отменяет главного вывода: в целом благополучно прошедшая через 1990-е годы республика в стабильные «нулевые» стала одним из регионов-лидеров по масштабам оттока русских с Северного Кавказа.

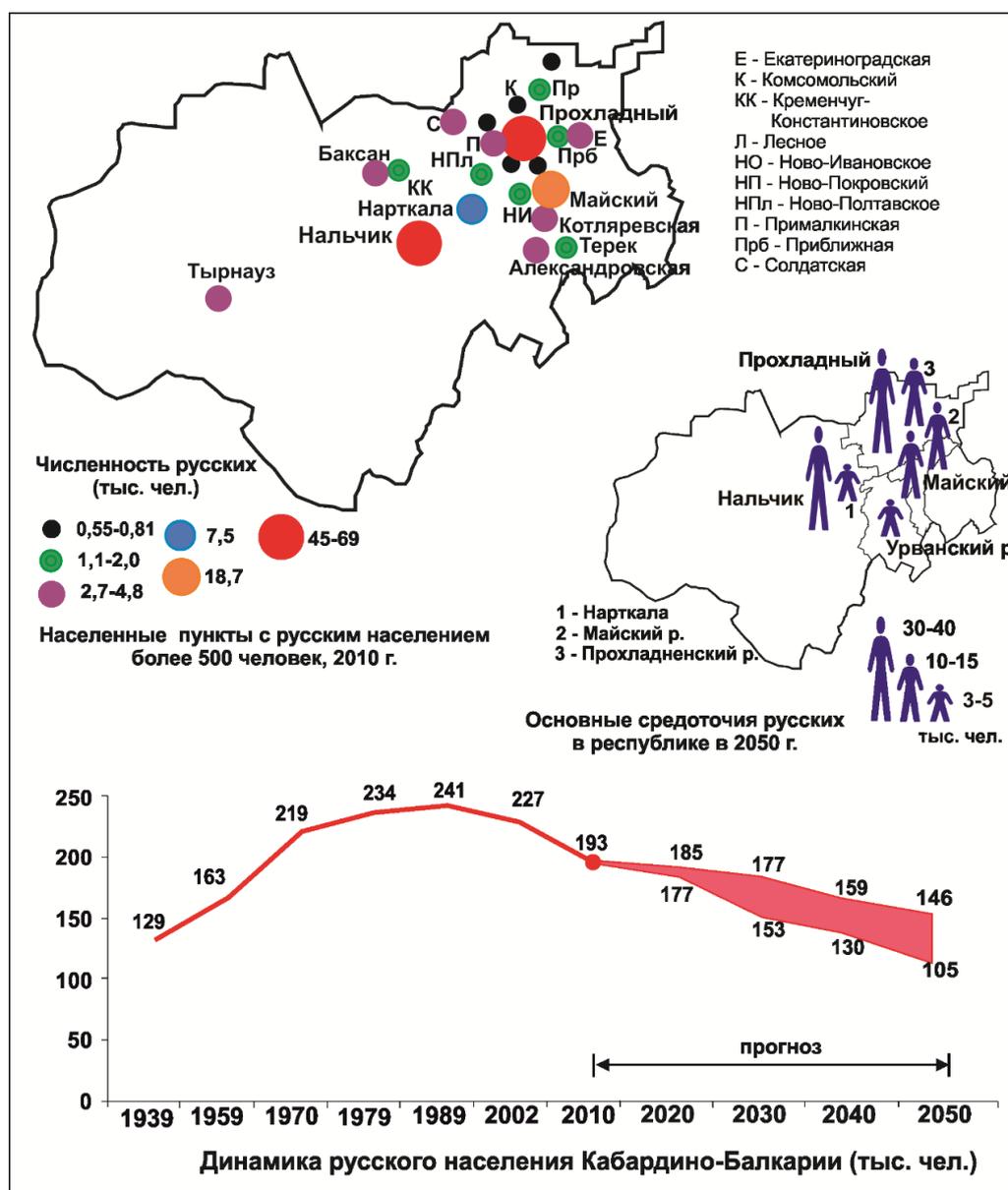

Рисунок 8. Русские в Кабардино-Балкарии, 1939-2050

На миграцию в 2000-е годы приходится 60-70% демографического сокращения местного русского населения. Причем наиболее интенсивно (как и в Северной Осетии) республику покидала молодежь. Расчет естественной динамики русской общины в 2000-е годы с учетом коэффициента дожития различных возрастных групп позволяет определить их миграционные потери. В группе 20-летних (20-29 лет) отток составил порядка 3,5 тыс.

человек, среди 30-летних (30-39 лет) – более 8 тыс. Иными словами, русская миграция в первую очередь состояла из молодежи и людей среднего возраста.

Сохранение данной тенденции на перспективу постепенно формирует возрастную структуру населения с большой долей пожилых и старых людей. В полной мере негативное влияние подобной трансформации республиканской общины может начать сказываться на ее демографической динамике только во второй трети века. Но уже существующий в настоящее время контур возрастной пирамиды предполагает заметный рост естественных потерь во втором половине текущего десятилетия, когда массово начнут уходить из жизни представители наиболее крупной группы республиканских русских – люди от 70 лет и старше. В 2010 г. на них приходилось 12,4% русского населения Кабардино-Балкарии.

Однако центральную роль в демографическом сжатии русского массива республики, как уже отмечалось, в настоящее время играет миграция. Сохранение ее в ближайшие десятилетия на уровне 1% (до 2 тыс. человек в год) способно обернуться коллапсом русской общины уже к середине XXI века. Впрочем, вероятность подобного демографического сценария близка к нулю. Более вероятным представляется снижение масштабов оттока. При сокращении его ежегодных темпов оттока до 0,7% и негативном сценарии естественной динамики, численность русских в Кабардино-Балкарии к середине века может опуститься к 100-тысячной отметке (рисунок 8).

Положительный вариант естественной динамики и миграция на уровне 0,3% в год позволят русской общине в 2050 г. сохранять численность на уровне 145-150 тыс. человек. В этом случае, существенно сократившись в числе и доле, русские в демографическом рейтинге народов республики все еще будут оставаться на второй позиции, опережая балкарцев.

География местных русских будет сохранять свои основные контуры при любом демографическом сценарии. Уже в настоящее время она является очень узкой – 90% всех русских республики сосредоточено в Нальчике и двух северо-восточных районах (Прохладненском и Майском), занимающих только шестую часть территории Кабардино-Балкарии. Данные районы и республиканская столица останутся основными средоточиями русского населения и в середине XXI века.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ

На протяжении второй половины XX века русские являлись крупнейшим народом Карачаево-Черкесии. И хотя их доля в населении, начиная с 1959 г., сокращалась, общая численность продолжала расти до конца 1980-х годов. Еще в 2002 г. русские составляли более трети жителей республики. Вместе с тем по темпам оттока русских в 1989-2002 гг. республика отставала только от Чечни и Дагестана – около 18 тыс. человек (порядка 1,5 тыс. в год).

Социально-экономическая стабилизация 2000-х годов на интенсивности этой миграции практически не сказалась. Экспертная оценка русской миграционной убыли за 2002-2010 гг. дает цифру 11-12 тыс. человек (те же 1,5 тыс. в год). А с учетом естественной

убыли совокупные демографические потери республиканских русских в данный период должны были составить 17-18 тыс. человек.

Тем удивительней оказались данные переписи 2010 г., согласно которым численность русских в республике составила 150 тыс., т.е. выросла на тысячу человек. Очевидно, что данная цифра имеет слабое отношение к действительности, реальное число русских в республике может составлять порядка 130 тыс., около 80% которых в настоящее время сосредоточено в Черкесске в двух западных районах – Зеленчукском и Урупском (рисунок 9), т.е., как и во всех остальных республиках, русское население размещено по территории Карачаево-Черкесии очень неравномерно.

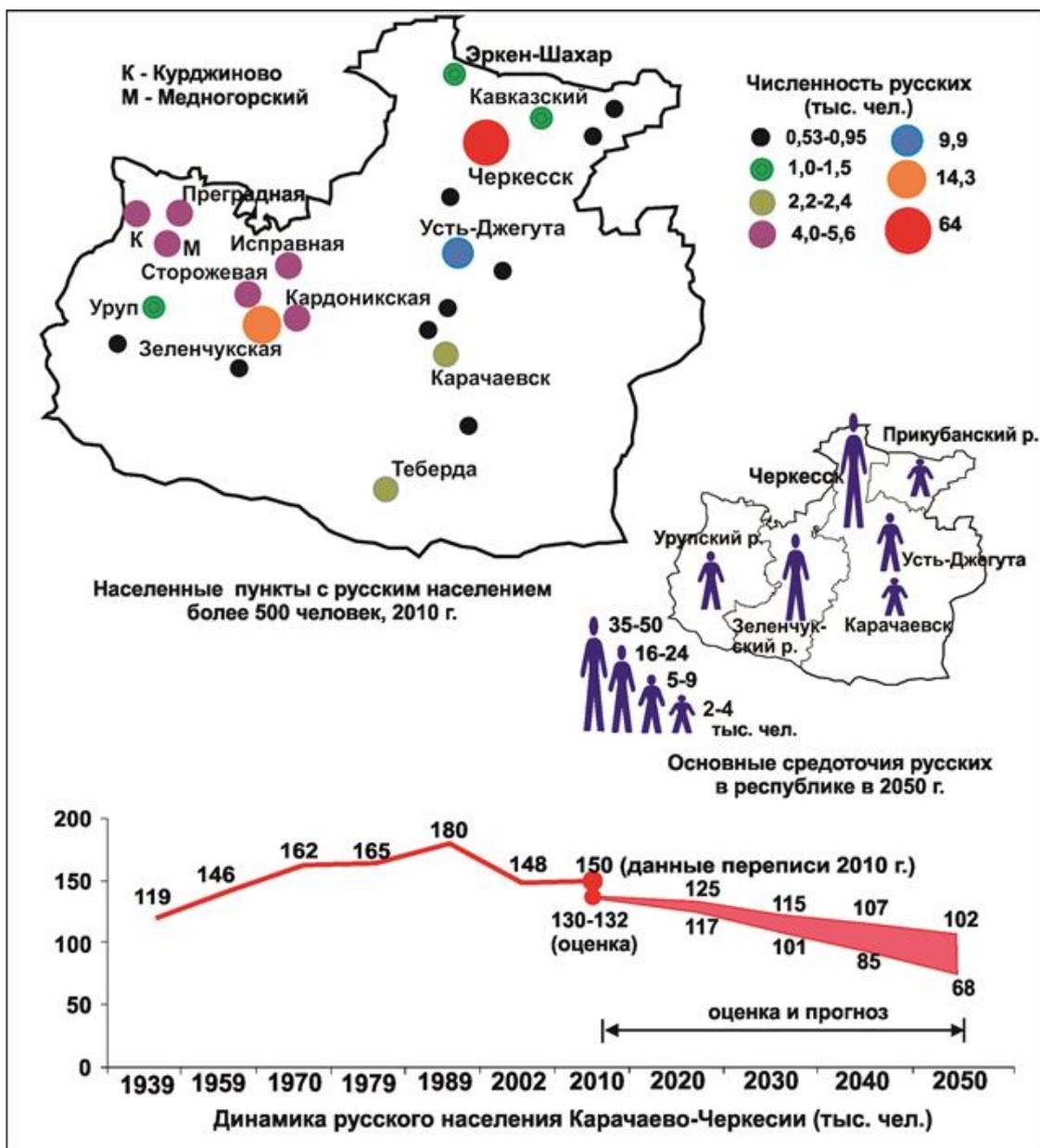

Рисунок 9. Русские в Карачаево-Черкесии, 1939-2050

Сделанные в 2010 г. приписки существенно затрудняют прогнозные расчеты. Тем более, что проверить их результатами следующих переписей будет едва ли возможно, поскольку эти будущие результаты, скорее всего, станут «заложниками» уже происшедших

фальсификаций. Действительно, учитывая устойчивое сокращение местного русского населения, перепись 2020 г., проведенная без приписок, должна будет дать цифру, существенно уступающую показателю 2010 г. (ведь помимо демографического сжатия последнего десятилетия должен быть вычтен и приписанный в 2010 г. виртуальный довесок). Подобное резкое сокращение численности русских в республике может быть негативным образом воспринято не только в обществе, но и в структурах федеральной власти, что с большой вероятностью заставит руководство республики не рисковать и прибегнуть к новым припискам.

Расчеты вероятной динамики русского населения Карачаево-Черкесии на среднесрочную и более отдаленную перспективу дают к середине века демографический коридор в диапазоне 70-100 тыс. человек. Верхний уровень задан реализацией положительного сценария естественной динамики и оттоком на уровне ежегодных 0,3% от численности местных русских. К нижней границе их число сместится при негативном варианте естественной динамики и миграции на уровне 0,8% в год.

При этом необходимо учитывать деформацию половозрастной структуры. Как и в других республиках, русская миграция из Карачаево-Черкесии формируется преимущественно людьми молодого возраста. А значит, уже во второй половине XXI века местная русская община, критически нарастив долю населения старших возрастов, может в разы увеличить темпы своей естественной убыли и в течение одного – двух десятилетий стать кандидатом на сжатие по дагестанскому сценарию.

АДЫГЕЯ

Адыгея – единственная из республик Северного Кавказа, в которой русские продолжают оставаться основной этнической группой. Показательно, что даже в 1990-е годы, характеризующие всплеском местного национализма, Адыгея оставалась привлекательной для русской миграции из других регионов РФ. За период 1989-2002 гг. численность русских сократилась в республике с 297 тыс. до 289 тыс., притом что их естественная убыль составила в это время порядка 15-16 тыс. человек. Таким образом, около половины потерь было компенсировано миграционным притоком.

Минимальными оказались и практические результаты миграционной политики республиканской власти, ориентированной на возвращение потомков черкесов-мухаджиров XIX века. Показательно, что даже сирийские черкесы, вынужденные покинуть страну охваченную войной, в своем большинстве направлялись в Европу и Турцию. Общие масштабы реэмиграции зарубежных черкесов на весь Северный Кавказ за постсоветский период (т.е. за четверть века) составили несколько тысяч человек, из которых только часть пришла на Адыгею.

Территориальная «вписанность» республики в пределы Краснодарского края (одного из основных центров притяжения переселенцев со всей РФ) определяла положительное миграционное сальдо Адыгеи и в 2000-е годы. Приток превысил 10 тыс. человек, значительную часть которых составляли русские.

Данное пополнение должно было восполнить до половины демографических потерь от естественной убыли, которая у русских республики за период 2002-2010 гг. составляла порядка 11-12 тыс. человек. Но в этом случае общая численность русских в Адыгее должна была сократиться за межпереписной период с 288 тыс. до 282-283 тыс. Однако перепись 2010 г. зафиксировала в республике только 271 тыс. русского населения, словно его естественная убыль дополнялась оттоком, что очевидным образом не соответствует миграционной статистике.

Но даже если предположить, что приток русского населения в республику в ближайшие десятилетия сменится оттоком и данная тенденция станет устойчивой, сам масштаб демографического массива русских Адыгеи является надежной гарантией сохранения их в качестве наиболее многочисленного народа региона на самую долгосрочную перспективу (рисунок 10).

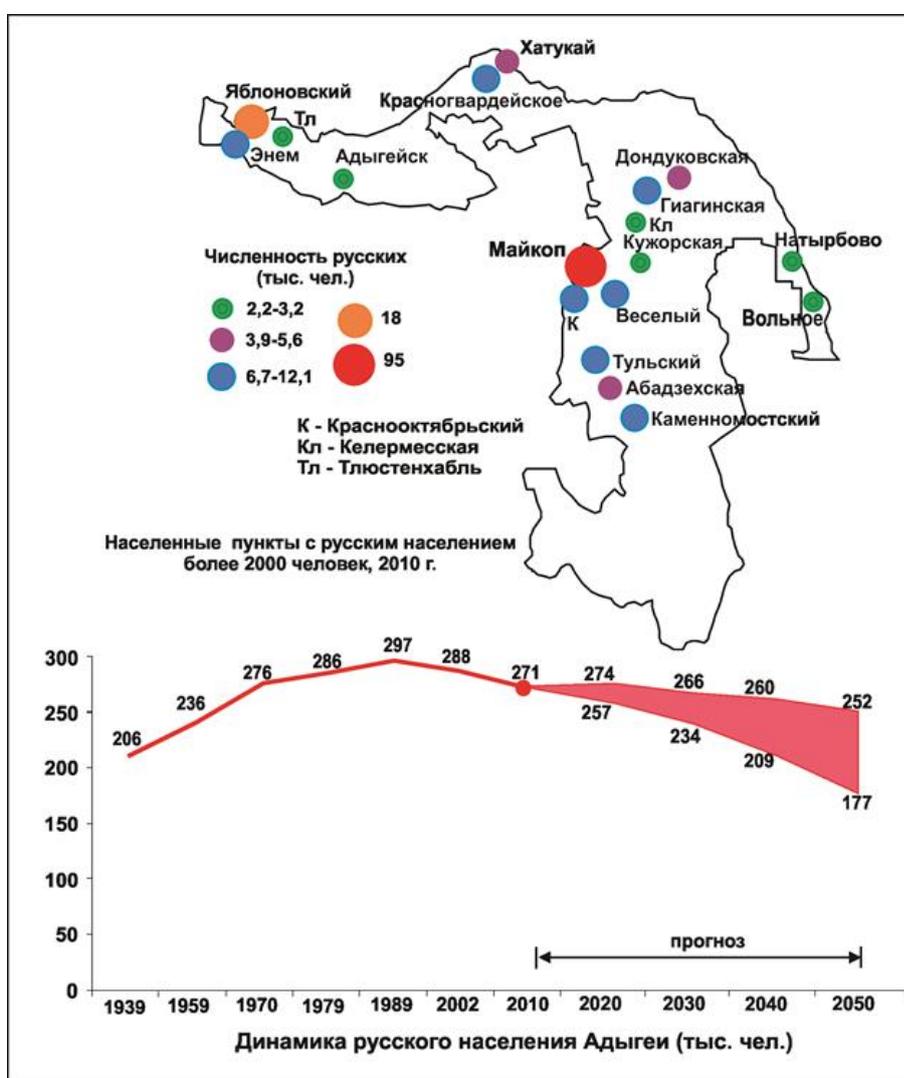

Рисунок 10. Русские в Адыгее, 1939-2050

При ежегодном оттоке в 0,3% и негативном сценарии естественной динамики численность русских в республике к середине века может опуститься ниже 180 тыс. человек, но по-прежнему в 1,5-1,6 раз будет превышать число титульных адыгейцев. Но Адыгея, повторим, является исключением из всех республик региона.

Выводы

Процесс сокращения численности населения в республиках Северного Кавказа, начавшись еще в 1970-е годы, к настоящему времени сложился в устойчивый тренд. В существующих этнополитических, социально-экономических и социокультурных реалиях переломить его не представляется возможным. Речь может идти только о его минимизации через сокращение масштабов миграционного оттока русских. Но даже подобное половинчатое решение «русского вопроса» на деле предполагает достаточно серьезную модернизацию Северного Кавказа, последовательно осуществляемую федеральным центром, что также представляется крайне маловероятным, учитывая особенности национальной политики современной российской власти и ее весьма ограниченные проектные способности.

Это означает, что характерный для всей РФ процесс естественной убыли русских на Северном Кавказе будет существенным образом дополняться и ускоряться миграционным оттоком из республик. Именно миграция в ближайшие 2-3 десятилетия сохранится в качестве центрального механизма ускоренного сокращения русского демографического присутствия в республиках региона. При этом существенное значение имеют не только количественные масштабы оттока, но и ухудшение возрастной структуры остающихся русских (основная масса мигрантов – люди в возрасте 20-40 лет).

Роль миграционного фактора начнет стремительно расти к середине века, когда в группе пенсионеров может оказаться уже порядка 30-40% всего русского населения республик Северного Кавказа, и тем самым оно вступит в период интенсивного, а спустя еще некоторое время, возможно, и обвального своего сокращения.

Однако естественные потери русских начнут ощутимо расти уже в ближайшем обозримом будущем, поскольку у них во всех республиках (как и по РФ в целом) уже начался процесс поступательного сокращения числа женщин репродуктивного возраста и к 2030 г. их численность сократится на 25-30% от уровня 2010 г.

Иными словами, в перспективе речь может идти только о разных сценариях сокращения русского населения Северного Кавказа. В настоящее время по своей численности оно уже опустилось к уровню середины 1930-х годов. К 2030 г. при негативном демографическом сценарии в республиках региона может остаться менее 700 тыс. русских, а к середине XXI века – менее 500 тыс. (рисунок 11). Впрочем, не исключен и положительный сценарий, при котором демографические потери окажутся значительно меньшими и численность русских опустится к 2050 г. не ниже 700-тысячной отметки.

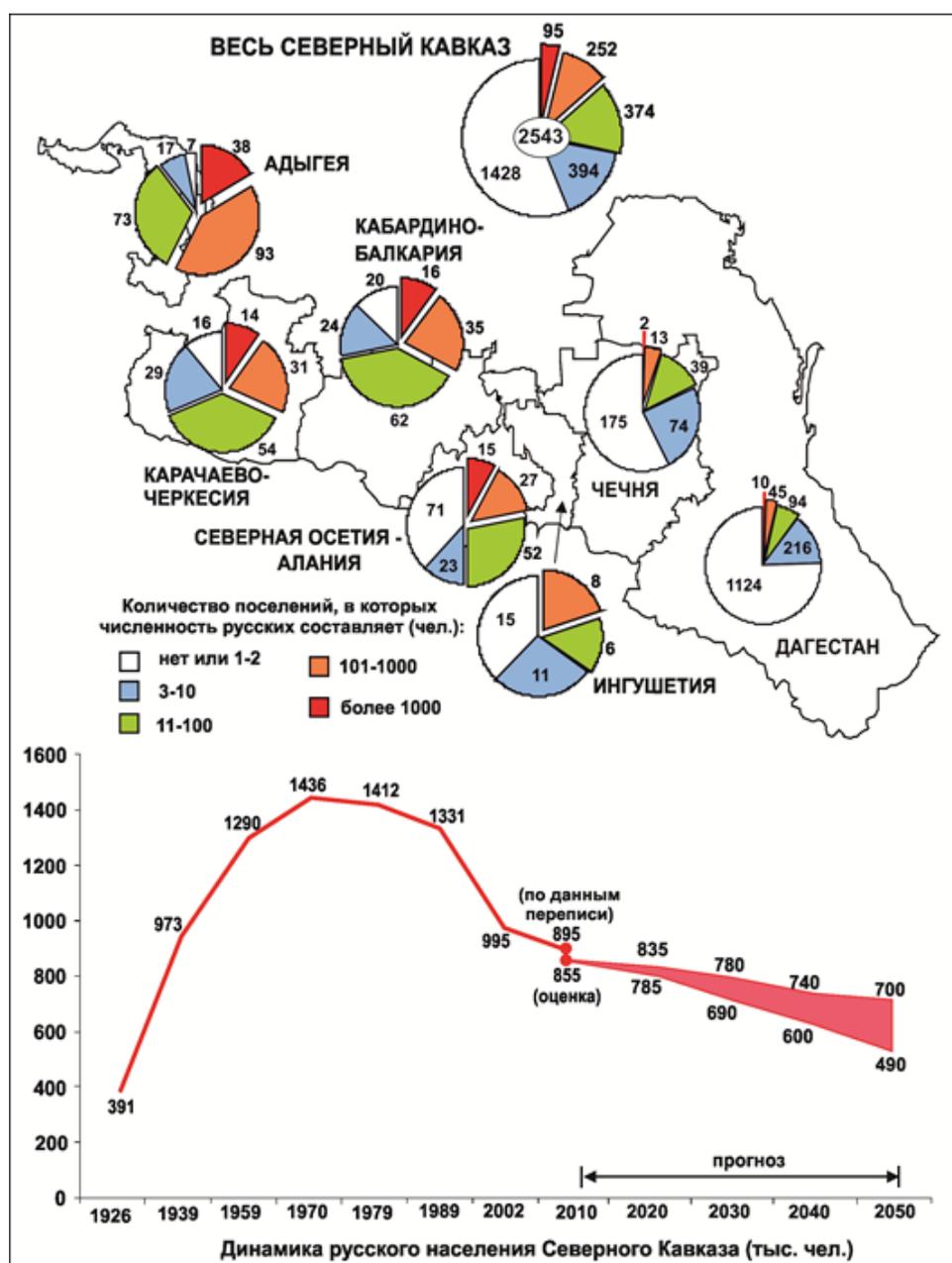

Рисунок 11. Русские на Северном Кавказе, 1926-2050

Практически неизбежным представляется и дальнейшее сокращение «географического» представительства русских. Уже в настоящее время из 2,5 тыс. поселений республиканского Северного Кавказа более 56% практически лишены русского населения, и только в 358 (14%) оно представлено территориальными группами более 100 человек. Очевидно, что с течением времени число населенных пунктов без русского населения будет возрастать (прежде всего за счет небольших поселений). При этом будет меняться удельное соотношение различных субрегионов Северного Кавказа. Если в середине XX века почти 44% русского населения республик проживало на востоке национального региона, то в настоящее время доля трех восточных национальных автономий упала ниже 14%, а к середине века скорее всего опустится до 11-12,5%. С 54,6 до 51,4-52,8% сократится удельный вес русских в центральной части Северного Кавказа (рисунок 12), а доля русского населения западного субрегиона (Адыгея) вырастет до 36%.

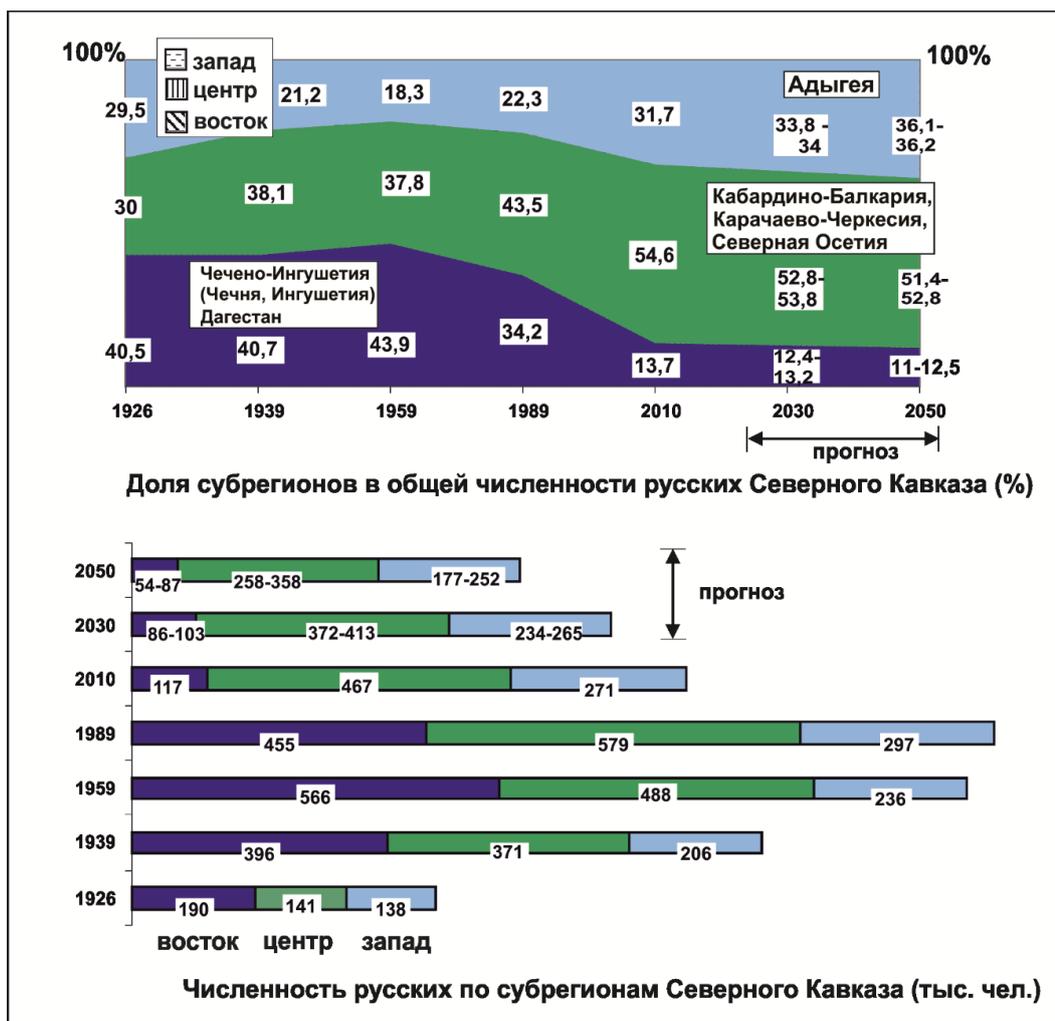

Рисунок 12. Русское население по субрегионам Северного Кавказа, 1926-2050 гг. , %, тыс. человек

Однако следует понимать, что горизонт нашего исследования ограничен серединой XXI века. До этого времени вероятность резкого сокращения численности русских мала. Но сама устойчивость естественной убыли и миграционного оттока в сумме с негативными сдвигами половозрастной структуры существенно повышает вероятность сценария демографического коллапса республиканских русских во второй половине столетия. И здесь не важно, о третьей или четвертой его четверти идет речь. Раньше на 20-30 лет или позже, но медианный возраст русского населения Северного Кавказа может превысить 50-летний рубеж. С этого времени его демографическое сжатие начнет приобретать необратимый и самоускоряющийся характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаев А.В. (2013). Статус и перспективы русского населения на Северном Кавказе. URL: <https://riss.ru/smi/3836/> (дата обращения 14.02.2017).
- Белозеров В.С. (2001). Русские на Северном Кавказе: эволюция расселения // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов-на-Дону: ИППК РГУ и ИСПИ РАН: 58-70.

Дагестан-2005: Социально-экономическое положение (2006). Махачкала: Комитет по статистке РД. 244 с.

Денисова Г.С., В.П. Уланов (2003). Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ. 352 с.

Дзадзиев А.Б. (2007). Современная этнографическая ситуация // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 74 (июль-август): 56-59.

Дзадзиев А.Б. (2008). Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М.: Росинформагротех: 129-148.

Кабузан В.М. (1996). Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. СПб: Блиц. 224 с.

Северный Кавказ: русский фактор (2010). Экспертный доклад. URL: <http://www.rus-obr.ru/library/6438> (дата обращения: 18.02.2017).

RUSSIANS IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS: FRONTIERS OF GEO-DEMOGRAPHIC RETREAT (THE FIRST HALF OF THE 21st CENTURY)

SERGEI SUSHCHIY

The article analyzes the geo-demographic dynamics of the Russian population of the republics of the North Caucasus in the post-Soviet period, recording the pace of its reduction in each republic and revealing the central role of migration in this depopulation process. Currently, the Russian population of the North Caucasus has returned to the level of the mid-1930s. The Republic of Chechnya and Ingushetia are now almost completely devoid of Russians, and Dagestan has lost a significant part of its Russian population. Demographic losses in other republics of the region have not been as great. However, a rapidly decreasing number of Russians has become a steady trend of the entire North Caucasus. In order to determine the corridor of most likely dynamics of the Russian population in the region for the period until 2050, a series of calculations was carried out. It was established that by 2030 the number of Russians in the North Caucasus will be reduced to 690-780 thousand people, and by mid-century – to 490-700 thousand.

Another significant threat will be the deterioration of the age structure of the local Russian population, which could lead to its demographic "collapse" in the 2060-2070-ies.

Key words: North Caucasus, Russian population, the demographic dynamics and settlement, migration, assimilation processes

SERGEI YAKOVLEVICH SUSHCHIY (SS7707@mail.ru), INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC AND HUMANITIES RESEARCH, SSC RAS, RUSSIA.

THE WORK IS IMPLEMENTED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT "PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC AND SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN MACROREGION (0260-2014-0004)" PROGRAM OF THE BASIC RESEARCHES OF THE PRESIDUM OF THE RAS.

DATE RECEIVED: APRIL 2017.

REFERENCES

- Ataev A.V. (2013). Status i perspektivy russkogo naseleniya na Severnom Kavkaze [Status and the prospects of the Russian population in the North Caucasus]. URL: <https://riss.ru/smi/3863/> (accessed: 14.02.2017).
- Belozerov V. S. (2001). Russkie na Severnom Kavkaze: evolyutsiya rasseleniya [Russians on the North Caucasus: the evolution of settlement] // Russkie na Severnom Kavkaze: vyzovy XXI veka [Russians on the North Caucasus: challenges of the XXI century]. Rostov-na-Donu: IPPK RGU i ISPI RAN: 58-70.
- Dagestan-2005: Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie [Dagestan-2005: Socio-economic status] (2006). Makhachkala: Komitet po statistke RD. 244 p.
- Denisova G.S., V.P. Ulanov (2003). Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa [Russians on the North Caucasus: analysis of transformation of socio-cultural status]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGPU. 352 p.
- Dzadziev A. B. (2007). Sovremennaya etnograficheskaya situatsiya [Modern ethnographic situation] // Byulleten' seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Bulletin of the network of ethnological monitoring and early conflict prevention]. 74 (iyul'-avgust) [74, July-August]. Moscow: 56-59.

Dzadziev A.B. (2008). Russkoe naselenie respublik Severnogo Kavkaza: sovremennye migratsionnye ustanovki [Russian population of the North Caucasus: current migration installation] // Severniy Kavkaz v natsional'noy strategii Rossii [Northern Caucasus in the national strategy of Russia]. Moscow: Rosinformagrotekh: 129-148.

Kabuzan V.M. (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekakh [The population of the North Caucasus in the 19-20th centuries]. St. Petersburg: Blits. 224 p.

Severnny Kavkaz: russkiy faktor [The North Caucasus: Russian factor] (2010). Ekspertnyy doklad [Expert report]. URL: <http://www.rus-obr.ru/library/6438> (accessed: 18.02.2017).

ОЦЕНКА ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ: ПОИСКИ ИСТИНЫ, НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

Хотя Великая Отечественная война закончилась более 70 лет назад, проблема оценки военных и гражданских потерь советского населения горячо обсуждается сегодня как в научных, так и в общественно-политических кругах. Отчасти это связано с привлечением новых архивных материалов и информации, сохранившейся в семьях людей, пострадавших в годы войны. Но, с другой стороны, использование средств массовой информации, особенно Интернета, открывает возможность для людей недостаточно компетентных, но приверженных определенной точке зрения, широко распространять свои взгляды. Так, историк И. Ивлев утверждает, что для оценки численности населения в 1941 г. не нужно использовать переписи населения, сведения о рождаемости и смертности, поскольку он нашел в архиве Госплана абсолютно достоверную «истинную» оценку. В статье показывается ошибочность подхода Ивлева и других авторов, преувеличивающих, как правило, размеры демографических потерь.

Что касается собственно военных потерь, число погибших не может быть сильно увеличено, поскольку ограничено численностью призывного контингента на неоккупированных территориях, а также соотношением в боевых потерях убитых, раненых и уцелевших (погибшие в бою составляют, как правило, 20-25% вступивших в сражение). С другой стороны, увеличение авторами числа погибших в немецком плену, представляется верным. Военная комиссия Кривошеева занизила численность умерших в плену в два или более раза. Эту и ряд других проблем еще предстоит решить историкам Второй мировой войны.

Ключевые слова: *потери населения, цена войны, военные потери, демографические потери.*

В 2015 г. Федеральной службой государственной статистики был выпущен Юбилейный статистический сборник «Великая Отечественная война» Кожаный переплет, плотная красивая бумага, на каждой странице сверху девиз: «ПОБЕДА 70 ЛЕТ». На первой странице к читателям сборника обращается Председатель Государственной думы, он же председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин. На второй – Руководитель Федеральной службы государственной статистики объясняет читателям:

«В условиях постоянных попыток переписать историю как никогда актуальна информация из первоисточников. Предлагаю вам ознакомиться со статистическими выкладками и понять, как и чем жила огромная страна в страшные годы войны, каковы были потери, сколько сил положено на послевоенное восстановление. За этими цифрами – история и жизни миллионов людей» [Великая Отечественная война 2015: 5].

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ (babyonys@fas.harvard.edu), Центр Российских и Евроазиатских исследований имени Дэвиса Гарвардского Университета, США.

Статья поступила в редакцию в июне 2017 г.

«Первоисточники» – это, конечно, слишком сильно сказано. В основном перед нами результаты расчетов, опирающихся на материалы советской статистики. Но эти результаты представлены читателям в виде справочника, т.е. государство берет на себя ответственность за достоверность сообщаемой информации. Раздел «Статистические показатели по населению» в сборнике практически целиком посвящен результатам расчетов потерь населения Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, сделанных в 1990-1993 гг. По этим данным численность населения СССР на 1 января 1941 г. составила 195,4 млн (на середину года – 196,7 млн), а на начало 1946 г. – 170,5 млн. Из них 159 456 тыс. человек родились до начала войны. Общее число умерших или выехавших из страны за военные годы составило таким образом 37,2 млн [Андреев и др. 1993: 74-75]. Рассчитывая естественную смертность населения в этот период по уровню предвоенного 1940 г., Андреев и соавторы получают 11,9 млн, а повышенная смертность поколений, родившихся до войны, составляет 25,3 млн (37,2 – 11,9)¹. Для поколений, учтенных переписью 1939 г., она была равна 24,5 млн, но с учетом потерь родившихся в 1939, 1940 и первой половине 1941 г. цифра возрастает до 25,3 млн [Андреев и др. 1993: 75-77].

Канонизация расчетов Андреева и соавторов мне кажется правильной, в частности, и потому, что практически такую же цифру потерь я подсчитал в своей первой демографической работе в 1977 г. [Maksudov 1977: 236; 1981: 276; Максудов 1989: 192]².

Одновременно с государственным признанием демографической оценки повышенной убыли населения СССР в 26,6 млн человек среди общественных организаций, занятых изучением результатов Второй мировой войны, в Интернете, в прессе и в Государственной думе раздаются утверждения, что потери были заметно большими, в частности, некоторые оценки повышают их до 42 млн человек. Активным распространителем этой идеи стал историк, директор Архангельского государственного социально-мемориального центра «Поиск», создатель сайта soldat.ru, руководитель множества общественных организаций и движений И.И. Ивлев. В 2012 г. «Новая газета» опубликовала большую статью с изложением его взглядов и оценок, а 14 февраля 2017 года в Государственной думе состоялись парламентские слушанья под общим заголовком «Патриотическое воспитание граждан России: Бессмертный полк». На этих слушаньях был представлен доклад: «Документальная основа Народного проекта установления судеб пропавших без вести защитников отечества», в рамках которого были проведены исследования убыли населения СССР в 1941-1945 гг., а депутат Н.Г. Земцов показал видеоклип о работах И.И. Ивлева.

Публикации Ивлева широко обсуждаются в печати и Интернете, там отмечается множество ошибок и неверных утверждений, содержащихся в его работах. Особенно отмечу спокойную и убедительную статью Дмитрия Богоявленского [2013], в которой автор справедливо замечает, что Ивлев порой просто не понимает содержательного

¹ Рассчитав детскую смертность в годы войны, Андреев и соавторы увеличивают оценку потерь до 26,6 млн человек.

² В мою оценку потерь 24,5 млн не была включена повышенная смертность поколений 1941-1945 гг. рождения. С учетом этой поправки моя оценка составляет 26,5 млн человек.

значения цифр, которыми пытается оперировать. Упомяну также работу М.Б. Денисенко «Великая Отечественная война в демографическом измерении» [Денисенко 2005] в сборнике «Итоги Второй мировой войны. Покушение на великую победу», в которой рассматриваются демографические проблемы военного времени.

Меня, однако, больше всего поражает убежденность Ивлева в существовании абсолютно достоверных данных, спрятанных советскими властями в архиве. Вот, например, что он рассказывает об изучении им книги Андреева, Дарского и Харьковской (по его терминологии государственной комиссии):

*«В процессе авторских исследований было установлено, что государственная комиссия, проигнорировав или не найдя документов Госплана СССР, использовала методически неверный способ расчётов так называемой "передвижкой" вперёд и назад от опорных показателей. В качестве таковых для определения численности населения СССР на начало и конец войны ею использованы результаты переписей населения страны 1939 и 1959 гг. с "передвижкой" от них вперёд и назад данных о рождаемости, смертности, численности присоединённых территорий и миграции. Ниже дана иллюстрация из третьего издания комиссии "Великая Отечественная без грифа секретности. Книга «Потерь», где, ничтоже сумняшеся, обоснован столь экзотичный способ расчётов (М.: Вече, 2009, с. 44)»... И подано это было в трёх изданиях итогов работы комиссии так, словно в СССР не существовало подробнейшей государственной статистики Госплана по демографии! **Поверили все!** Уже на этом этапе численность населения СССР была искажена комиссией на **9,15** млн чел., несмотря на наличие в Российском государственном архиве экономики **подлинных документов о численности населения СССР на каждое первое число каждого месяца за 1941 и 1945**, на 8,3 млн показано меньше на начало войны и на 0,85 млн больше по её окончанию из-за сдвига даты расчёта на 31 декабря 1945 г. вместо 1 июля 1945 г. И это не единственное искажение сведений, приводящее к неверному результату. Ниже мы рассмотрим данные из документов Госплана СССР. Их копии размещены на сайте Солдат.ru.... В 2001 г. государственной комиссией была объявлена общая убыль населения СССР в **38,5** млн чел. Вычитание из неё 11,9 млн даёт те самые пресловутые 26,6. Но ведь "естественно" умершие уже учтены в этой численности! Т.е. **она заложена в расчётах комиссии дважды!** И если этого удвоения не делать, то у нас появляются "лишние" 11,9 млн чел. Если сложить их с потерями военнослужащих 8,7 млн чел., то мы получаем их безвозвратные потери в 20,6 млн чел. Это больше похоже на правду, граждане хорошие!»³.*

С такими же грозными обвинениями, но совершенно с других позиций, обрушивается на Андреева и соавторов историк В.Н. Земсков, автор серьезных работ о сталинских репрессиях:

«В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, равны 26,6 млн человек.

³ Интервью Ивлева АПН 17.09.2017.

Несмотря на кажущуюся фундаментальность и солидность указанных расчётов, у нас по мере неоднократных попыток их перепроверить неуклонно росло подозрение такого рода: а являются ли они, эти расчёты, результатом корректного подхода и не сокрыта ли здесь фальсификация? Наконец, стало ясно в чём дело: за подробным и внешне беспристрастным описанием методики подсчёта был сокрыт статистический подлог, призванный увеличить прежние официальные данные потерь на 7 млн человек (с 20 млн до 27 млн) посредством занижения на то же количество (на 7 млн) масштабов естественной смертности в 1941—1945 годы исходя из уровня смертности населения СССР в 1940 году (без указания конкретного числа умерших в 1940 г.). Логика здесь, по-видимому, была такая: всё равно никто не знает, сколько людей в СССР умерло в 1940 году, и не сможет проверить.

Проверить, однако, можно. В 1940 году в СССР умерло 4,2 млн человек. Эта цифра была опубликована в 1990 году в журнале «Вестник статистики» (см.: Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34-46). Она же фигурирует в вышедшем в 2000 году 1-м томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке» (см.: Население России в XX веке: Исторические очерки / Отв. редакторы: Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. — М., 2000. Т. 1. С. 340). Это означает, что за 4,5 года (с середины 1941-го до конца 1945 г.), если исчислять в соотношении 1:1 к уровню смертности населения СССР в 1940 году, умерло бы 18,9 млн (4,2 млн x 4,5 года = 18,9 млн). Это такое количество людей, которые всё равно бы умерли в указанный период (1941—1945), даже если бы не было войны, и их надо вычитать из любых расчётов по определению людских потерь вследствие войны.

Комиссия, работавшая в 1989-1990 годах, это понимала и произвела соответствующую операцию в своих расчётах, но вычла (исходя якобы из уровня смертности в СССР в 1940 г.) только 11,9 млн человек. А надо-то было вычитать 18,9 млн! Именно таким способом были получены «дополнительные» 7 млн потерь (18,9 млн — 11,9 млн = 7 млн). Посредством этого ловкого статистического мошенничества в 1990 году официальные данные людских потерь СССР в Великой Отечественной войне были увеличены с 20 млн до 27 млн человек. По сути эти 27 млн есть такая же профанация, что и сталинские 7 млн, — только наизнанку.

Такова подоплёка появления новой официальной статистики людских потерь в войне. Все прочие существовавшие и существующие версии её происхождения, включая забавную «математическую формулу» (сталинские 7 млн хрущёвские 20 млн = горбачёвские 27 млн), являются, разумеется, ошибочными» [Земсков 2015].

Ответить на недоуменные вопросы Ивлева: «Почему результатам Андреева и соавторов все поверили?», — и на сердитые обвинения Земскова в фальсификации, заключавшейся в попытке скрыть цифру смертности 1940 г., нетрудно. Как говаривал известный литературный персонаж: «не бином Ньютона».

Расчет Андреева, Дарского и Харьковской заключается в том, что из численности населения в начале войны (назовем ее А) вычитается число выживших из этого населения к концу войны (Б). Полученный результат (С) — общая убыль населения. При этом С включает естественную нормальную смертность (Е) и повышенную смертность (П). Простая арифметическая задача для третьего класса. Если: $A - C = B$; то $C = A - B$, а $П = C - E$. И

нет никакого удвоения. Удивительно, что приходится объяснять такие элементарные вещи историку-исследователю.

Названная Земсковым цифра 4,2 млн отсутствует в справочниках ЦСУ СССР. В соответствующем справочнике за 1987 г. указано число умерших в 1940 г., равное 3,5 млн [Население СССР... 1988: 110]. 4,2 млн были введены в научный оборот именно Андреевым, Дарским и Харьковской [1990: 142] в опубликованной ими в журнале «Вестник статистики» статье, на которую и ссылается Земсков, видимо, никогда не видев ее в глаза. Кстати, упомянутые им авторы Поляков и Жиромская прямо сообщают, что цифра 4,2 млн заимствована у Андреева, Дарского и Харьковской [Население России... 2000: 340]. Получается, что он не видел и «фундаментального труда». В результате обвинение Земскова превращается в нелепую фантазмагорию: авторы публикуют статью в научном журнале и одновременно «совершают статистический подлог, стараясь скрыть от читателей опубликованный результат». Понять нелегко. Но забавно.

Еще более серьезную ошибку совершает Земсков, когда, оценивая норму смертности в военные годы, умножает 4,5 (число военных лет) на 4,2 млн (число умерших в 1940 г.). В этом расчете не учтено изменение возрастной структуры населения, связанное с резким сокращением рождаемости, а значит и числа детей в военные годы. Детская смертность в 1940 г. была еще очень высокой, что, при высокой предвоенной рождаемости, означало и большое число смертей. Это учтено в расчете Андреева и соавторов, смертность новорожденных участвует в нем только один раз, в первый военный год, смертность годовалых – два раза, двухлетних – три, четырехлетних – четыре раза и всех остальных возрастных групп – четыре с половиной раза. В расчете Земскова смертность новорожденных и всех других возрастов участвуют четыре раза. Отсюда и возникает заметное преувеличение естественной смертности.

Но главное, как уже отмечалось выше, не может Ивлев понять, зачем люди себя мучают, используют неверные мудреные методики, искажающие результаты, пытаются согласовать численность поколений в переписях с данными о рождаемости и смертности. Есть ведь другой, простой и надежный способ: зайти в архив и найти там подлинную «истину», заботливо подготовленную во время оно работниками Госплана. А как эти волшебные служащие создавали «подлинные» данные, добывали «истину» в условиях войны и оккупации, нашего исследователя совершенно не интересует. В архивах действительно нетрудно найти огромное количество цифр, но важно знать: кем, когда и каким способом они были получены. Госплан, как известно, не занимался изучением текущей демографической статистики. Он знаменит прогнозными оценками прироста населения за пятилетку, которые оказались преувеличенными чуть не на 10 млн. Расчетом текущей численности населения в стране занималось статистическое ведомство ЦСУ (в 1931-1941 гг. – ЦУНХУ). Правда, в 1931-1948 гг. оно действительно подчинялось Госплану, но учет населения оставался его специфической задачей. Им была проведена перепись в январе 1939 г. Численность населения по этим данным составила 170,5 млн человек. По

мнению Андреева с соавторами, как и многих других исследователей, перепись преувеличила численность населения, их расчет дал 168 524 тыс. [Андреев и др. 1993: 118]⁴.

Статистическим ведомством также была проделана большая работа по исследованию численности населения на присоединенных в 1939-40 и 1945 г. территориях. Был изучен обмен населением с соседними странами перед войной, во время войны и в послевоенные годы. Сегодня трудно понять, насколько надежны результаты этой работы, но других у нас нет. Никто, насколько мне известно, не сумел ее повторить. Оценка ЦСУ численности населения с учетом этих поправок появилась в первом послевоенном статистическом сборнике уже после смерти Сталина. По опубликованным в советское время сведениям, численность населения СССР в начале 1939 г. была равна 190,7 млн, а прирост в 1939 г. составил 3,3 млн, в 1940 г. – 2,6 млн, а в первой половине 1941 г. – примерно 1,3 млн [Население СССР... 1975: 7-9]. Можно утверждать, что численность населения на 22 июня 1941 г. была не выше 197-198 млн человек, что не сильно отличается от оценки Андреева и соавторов (196,7 млн). Данные, «обнаруженные» Ивлевым, это численность населения по переписи с поправкой на прирост в последующие два с половиной довоенных года. Его собственный уникальный вклад в демографию заключается в добавлении к численности населения сведений о переписанных особым порядком военных и заключенных. Тут, действительно, появляется двойной счет, поскольку общеизвестно, что в результаты переписи при публикации, также как и любые указания о численности населения в справочниках, всегда включают все группы населения.

Однако критика расчета демографических потерь не является главной задачей Ивлева. Цель его авторских исследований – изучение собственно военных потерь, оценка которых выполнена и опубликована коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева [Гриф секретности... 1993]⁵. Ивлев высказывает целый ряд замечаний к этому расчету, часто совпадающих с претензиями других авторов. Но вот как выглядит его собственная попытка пересмотра баланса призванных в армию в книге Кривошеева:

«На 1 июля 1945 г. известны официальная численность ВС СССР (12,8398 млн), комиссованных по увечьям инвалидов (3,4651 млн), вернувшихся из плена военнослужащих (0,9493 млн, не возвращённых в ВС СССР), переведённых в промышленность специалистов (0,09473 млн), осуждённых лиц (0,4366 млн), не разысканных дезертиров из войск (0,2124 млн), а также невозвращенцев с Запада (0,25 млн). Всего 18,25 млн чел. Если верить официальной численности находившихся в войну "под ружьём" в 34,5 млн чел., то выходит, что отсутствуют в учёте живых на эту дату 16,25 млн чел. Из них 8,7 млн чел., как мы знаем, - официальные безвозвратные потери ВС СССР. Почему разница в 7,55 млн человек

⁴ На мой взгляд, перепись 1939 г. была необычайно точной, единственной в СССР (а возможно и в мире), когда тратились огромные усилия, чтобы правильно учесть каждого человека. И даже введение поправки в 1% как оценки числа лиц, пропущенных при обходе, было не лишним. От переписи уклонялись сектанты, бывшие заключенные и, главное, сельские жители, бежавшие в ходе коллективизации в город и жившие у родственников без прописки, имя им — миллион. При этом в расчете Андреева и соавторов поправку можно не вводить, поскольку ее не было в переписи 1959 г.

⁵ См. также [Людские потери... 1995: 25-81].

на 1 июля 1945 г. отсутствует в официальной численности потерь военнослужащих? Куда они делись? И верить ли официальной численности тех, кто был "под ружьём"?»⁶.

В приведенной цитате выделены жирным шрифтом цифры, которые неверно цитируются по книге [Гриф секретности... 1993: 127-144]. Демобилизовано по болезни или инвалидности было 3798 тыс., передано для работы в промышленности – 3615 тыс., вернулось из плена 1836 тыс. военнослужащих. Подставив правильные цифры, получаем военные потери 11 165 тыс. Этот результат мало отличается от безвозвратных потерь вооруженных сил, рассчитанных Кривошеевым (11 444) [Гриф секретности... 1993: 130-131,140-141].

К сожалению, приходится констатировать, что с пониманием демографических сведений и аккуратным обращением с цифрами у Ивлева действительно дело обстоит неважно. Однако из этого не следует безусловная достоверность результатов Кривошеева. За 20 лет к этой работе накопилось много серьезных, конкретных претензий. Немалое их число содержится и в работе Земскова. Отмечается неполнота оценок потерь в отдельных сражениях, приводятся результаты исследования картотек Министерства обороны, военкоматской статистики и других картотек, созданных различными общественными движениями и организациями. Обсуждаются материалы архива Военно-медицинского музея, сведения немецких архивов о количестве советских военнопленных.

Я также принадлежу к числу критиков работы Кривошеева. Я писал, что нужно в воинские потери включать всех, кто сражался с немцами: и ополченцев, и партизан, и подпольщиков, и строителей оборонительных сооружений. Я утверждал, что численность военнопленных и их потери в работе Кривошеева учтены не полно, а замечание, что в немецких лагерях было очень много гражданских лиц, нуждается в серьезных количественных доказательствах. Совершенно напрасно Кривошеев все 500 тыс. призывников, не добравшихся до своих воинских частей, прямым отправляет в немецкие лагеря. Скорее всего, большинство этих людей просто сняли форму (если она у них была) и разбежались по домам. Вообще, отсутствие в статистике Кривошеева категории дезертиры отдаляет ее от реальности. Расчеты Кривошеева не учитывают военнопленных, вернувшихся домой в обход фильтрационных лагерей, так же, как и военнопленных, скрывавшихся на оккупированной территории, но не попавших в повторную мобилизацию, занижают численность военнослужащих, оставшихся на Западе, недостаточно полно учитывают естественную смертность военнослужащих как на фронте, так и в тыловых подразделениях. Каждая из упомянутых проблем требует серьезного изучения, и весьма вероятно, что данные Кривошеева будут со временем заметно откорректированы.

Следует, однако, иметь в виду, что на увеличение размеров потерь убитыми существуют серьезные демографические ограничения: они не могут превосходить численность призывных возрастов, и нужно учитывать, что на каждого убитого в бою приходилось в те годы примерно по три раненых. В упомянутой выше работе . [Maksudov 1977: 23-265] я подсчитал потери Красной армии, опираясь на довольно скудные данные переписи 1939 г. о возрастном составе населения, сведения Военно-медицинской

⁶ Интервью АПН 17. 09.2017.

энциклопедии, литературу о войне, в том числе и мемуары немецких генералов, издававшиеся для служебного пользования. Расчет включал численность возможного призывного контингента по годам на территориях незанятых немцами. Учитывалась ориентировочная численность белобилетников и получивших броню для работы в тылу. Предполагалось, что призывали всех, кого можно, и отправляли на фронт всех призванных. Там они вступали в бой оказывались убитыми, ранеными, или пленными⁷. Соотношение между убитыми и ранеными принималось 1:2 в 1941 г. и 1:3 в 1942-45 гг. Семьдесят процентов раненых возвращались в строй через 3-4 месяца. Результаты этого грубого демографического расчета, к моему удивлению, оказались очень близки к данным Кривошеева [Максудов 1989: 206].

Мобилизованные у меня – 32 млн, у Кривошеева – 30862⁸ млн, разница – 3,6%; убитых – 5,5 и 5,592 млн (без 137 тыс. умерших от болезней), разница – 1,7%; раненых – 18 и 18,3 млн, 1,8% соответственно; умерших от ран в госпиталях – 1 и 1,1 млн, 10%; находившихся в госпиталях в конце войны – 1 и (1) млн, 0%; демобилизованных – 4,7 и 3,798 млн, 19,2%; попало в плен – 5,7 и 4,059 млн, 30%; погибли в плену – 3,3 и 1,3 млн⁹, 61%; оставались в вооруженных силах – 13,7 и 12,840 млн, 6,3%.

Мы видим, что существенная разница отмечается только в числе военнопленных и погибших в плену. В моем расчете выяснилось, что призывной контингент 1942-1943 гг. не просто был полностью использован, но включал лиц старше и младше призывного возраста. Открывшиеся архивные материалы показали, что положение было еще более тяжелым, чем мне представлялось. Я недооценивал сроков обучения призванных людей: лишь солдаты, служившие прежде в армии, могли быть сразу брошены в бой, остальные нуждались в обучении в течение 6-9 месяцев. К этой группе принадлежали практически все коренные жители Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Знание русского языка было также важным фактором, ограничивавшим мобилизацию неславян. Я недостаточно учитывал разницу в национальном составе мобилизуемых. Уже в 1941 г. призыву в армию не подлежали немцы, финны, корейцы, болгары, греки, турки, уроженцы западных областей Украины и Белоруссии, жители Бессарабии, Северной Буковины (по национальности поляки, украинцы, белорусы). Дивизии, сформированные до войны из народов Прибалтики, были отведены в тыл и расформированы. Провести мобилизацию удалось только в Эстонии, где из 147 тыс. военнообязанных сумели призвать лишь 38,5 тыс. В конце 1941 г. было разрешено сформировать латышскую дивизию, а затем еще несколько дивизий из жителей Прибалтики. Ряд народов Закавказья также не подлежал мобилизации: аджарцы, хевсуры, курды, сваны. Представителей этих народов было приказано отсеять из войсковых частей и направить на работу в тыл. В июле 1942 г. был запрещен призыв представителей коренных народов Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана. Незнание русского языка и отсутствие воинского обучения затрудняли мобилизацию населения Средней Азии и

⁷ В этом варианте статьи [Максудов 1989: 191-200] использованы немецкие сведения о взятых в плен красноармейцах.

⁸ Было мобилизовано 34476 тыс., но 3614 тыс. были переданы для работы в промышленности и в других военизированных формированиях.

⁹ Из них 200 000 или больше остались на западе. Кривошеев очень неохотно называет численность военнопленных, иногда включая в их число 500 000 пропавших без вести в начале войны, иногда относя их к убитым.

Казахстана. 9 октября 1943 г. «до особых распоряжений был приостановлен призыв молодежи местных национальностей» Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР [Безугольный 2016: 153-188].

В то же время я не учел, что освобожденные для службы в тылу могут быть направлены в действующую армию. В моем расчете также отсутствуют оценки числа призванных помимо военкоматов прямо в воинские части. Информация о такой практике в освобожденных районах Украины появилась в современной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Оценка военных потерь требует дополнительного изучения материалов военных архивов, в частности, согласования сведений военкоматов с данными военного командования.
2. Должны быть тщательно изучены материалы немецких архивов о судьбе советских военнопленных.
3. В военные потери должны быть включены все сражавшиеся с немцами.
4. При оценке потерь следует учитывать категорию дезертиров.
5. Книги «Памяти», банки данных, собранных посредством опросов родственников и знакомых, должны быть тщательно изучены. Эта информация должна быть рассмотрена в первую очередь на местном уровне: семья, село, предприятие, школа, район.
6. При оценке мобилизационного запаса и потерь следует принимать во внимание взаимосвязь убитых в бою с числом раненых, а также общую ограниченность мобилизационного резерва в границах территории, свободной от оккупации.
7. Необходимо полностью прекратить «соревновательный» характер сопоставления потерь СССР и Германии. Это, безусловно, мешает непредвзятой спокойной оценке потерь советского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская (1993). Население Советского Союза: 1922-1991. М.: Наука. 143 с.
- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская (1990). Опыт оценки численности населения СССР. 1926-1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 7: 34-46.
- Безугольный А. (2016). «Источник дополнительной мощи Красной Армии...» и Национальный вопрос в военном строительстве СССР 1922-1945. М. 296 с.
- Богоявленский Д.Д. (2013). Еще раз о потерях в Великой Отечественной войне // Демоскоп Weekly. 559-560.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/analit03.php> (дата обращения: 10.04.2017).
- Великая Отечественная война (2015). Юбилейный статистический сборник. М. 190 с.

- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) / Под редакцией Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс. 416 с.
- Денисенко М.Б. (2005). Великая Отечественная война в демографическом измерении // Итоги Второй мировой войны. Покушение на Великую Победу. М.: Алгоритм, Эксмо: 82-114.
- Земсков В.Н. (2015). Проблемы установления масштаба людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2 (85): 15-42.
- Людские потери СССР в Великой Отечественной войне (1995). Сборник статей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр 'Блиц'. 190 с.
- Максудов М. (1989). Потери населения СССР в 1918-1953 // Потери населения СССР. Бенсон (Вермонт): Чалидзе: 177-212.
- Мировые войны XX века (2002). Кн.4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука. 677 с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки (2000). 1. 1900-1939 / Отв. редакторы Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН. 471 с.
- Население СССР. 1973 (1975). Статистический сборник. М.: Статистика. 208 с.
- Население СССР. 1987 (1988). Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 439 с.
- Maksudov S. (1977). Pertes subies par la population de l'URSS 1918-1958 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, XVIII: 223-265.
- Maksudov S. (1981). Losses suffered by the population of the USSR 1918-1958 // Samizdat Register II / R. Medvedev, ed. London-New York: Merlin Press: 270-276.

ESTIMATING MILITARY LOSSES: A SEARCH FOR TRUTH, IGNORANCE OR BIAS?

SERGEI MAKSUDOV

Although the Great Patriotic War ended more than 70 years ago, the issue of how to estimate military and civilian losses among the Soviet population is still hotly debated today in both academic and socio-political circles. In part, this is the result of the coming to light of new archival materials and information preserved by the families of those who suffered during the war. At the same time, the increased use of media, and especially the Internet, allows people who are not sufficiently competent to assess this material, but who nevertheless are committed to certain viewpoints, to widely disseminate their opinions.

Thus, the historian I. Ivlev claims that in order to estimate the size of the population in 1941 it is not necessary to utilize census data or fertility and mortality statistics, as he has located in the Gosplan archive an absolutely reliable "true" estimate. This article demonstrates the erroneous approach employed by Ivlev and other authors, who generally over-estimate the number of demographic losses.

Regarding actual military losses, the number of deaths cannot be greatly over-stated, as it is bounded by the number of those drafted in the unoccupied territories and the ratio among combat losses of the killed, the wounded and survivors. (As a rule, those killed in battle represent 20-25% of those entering into combat.) Conversely, the authors' increased estimates for the number of deaths in German captivity appear credible. Krivosheev's military commission underestimated the number of dead prisoners by a factor of two or more. This and a host of other problems still remain to be resolved by historians of the Second World War.

Key words: losses of population, cost of war, military losses, demographic losses.

SERGEI MAKSUDOV (babyonys@fas.harvard.edu), DAVIS CENTER FOR RUSSIAN AND EURASIAN STUDIES, HARVARD UNIVERSITY, USA.

DATE RECEIVED: JUNE 2017.

REFERENCES

- Andreev E.M., L.E. Darsky, T.L.Kharkova (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuz: 1922-1991* [Population of the Soviet Union: 1922-1991]. Moscow: Nauka. 143 p.
- Andreev E.M., L.E. Darsky, T.L.Kharkova(1990). *Opyt otsenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926-1941 gg. (Kratkie rezul'taty issledovaniya)* [Experience estimating the population of the USSR. 1926-1941. (Brief results of the study)] // *Vestnik statistiki* [Bulletin of statistics]. 7: 34-46.
- Bezugolny A. (2016). «Istochnik dopolnitel'noy moshchi Krasnoy Armii...» i Natsional'nyy vopros v voennom stroitel'stve SSSR 1922-1945 [«The source of an additional potential of the Red Army». The nationality issue in a build up of military force of the USSR 1922-1945]. Moscow: ROSSPEN. 296 p.
- Bogoyavlensky D.D. (2013). *Eshche raz o poteryakh v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Once again about losses during Great Patriotic War] // *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly]. 559-560. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/analit03.php> (accessed: 10.04.2017).
- Denisenko M.B. (2005). *Velikaya Otechestvennaya vojna v demograficheskom izmerenii* [The Great Patriotic War in demographic dimension] // *Itogi Vtoroy mirovoy voyny. Pokushenie na Velikuyu Pobedu* [The results of the Second World War. The attempts to revise the role of the Great victory]. Moscow: Algoritm, Eksmo: 82-114.

- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993) / G.F. Krivosheev, ed. Moscow: Olma-Press. 416 p.
- Lyudskie poteri SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR during the war of 1941-1945] (1995). Sbornik statey [Collected papers]. St.-Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "Blits". 190 p.
- Maksudov S. (1977). Pertes subies par la population de l'URSS 1918–1958 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, XVIII: 223–265.
- Maksudov S. (1981). Losses suffered by the population of the USSR 1918–1958 // Samizdat Register II / R. Medvedev, ed. London–New York: Merlin Press: 270-276.
- Maksudov S. (1989). Poteri naseleniya SSSR v 1918-1953 [Losses Suffered by the Population of the USSR 1918–1953] // Poteri naseleniya SSSR [Losses Suffered by the Population of the USSR]. Benson (Vermont): Chalidze: 177-212.
- Mirovye voyny XX veka [World wars of the 20-th century] (2002). Kniga 4 [Book 4]. Vtoraya mirovaya voyna. Dokumenty i materialy [The second World War. Documents and materials] / M.Yu. Myagkov, ed. Moscow: Nauka. 677 p.
- Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki [The population of Russia in the XX century. Historical essays] (2000). 1. 1900-1939 / Yu.A. Polyakov, V.B. Zhiromskaja, eds. Moscow: ROSSPEN. 471 p.
- Naselenie SSSR. 1973 [Population of the USSR. 1973] (1975). Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Statistika. 208 p.
- Naselenie SSSR. 1987 [Population of the USSR. 1987] (1988). Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Finansy i statistika. 439 p.
- Velikaya Otechestvennaya voyna [The Great Patriotic war] (2015). Yubileynyy statisticheskiy sbornik [Jubilee statistical yearbook]. Moscow. 190 p.
- Zemskov V.N. (2015). Problemy ustanovleniya masshtaba lyudskikh poter' SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [The problem of determining of the scale of human losses of the USSR in the Great patriotic War] // Politicheskoe prosveshchenie [Political education]. 2 (85): 15-42.

ЦЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

КИРИЛЛ НОВИКОВ, ДАРЬЯ БЫКАНОВА

Представленный обзор посвящен нескольким проблемам в политической и социальной геронтологии, а также экономическим проблемам, вызванным глобальным старением населения. В тексте анализируются подходы различных авторов к определению старости и ее психологических, поведенческих и социальных аспектов. Рассматриваются вопросы активного старения, социального конструирования стереотипов в отношении пожилых и эйджизма. В документах Всемирной организации здравоохранения понятие «активное старение» определяется как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни стареющих людей» [World Health Organization 2002]. Описываются два основных подхода к изучению экономических последствий старения населения: в первом случае изучаются тренды макроуровня, возникающие при изменении соотношения трудоспособного и нетрудоспособного населения, во втором случае в центре внимания оказываются особенности экономического поведения пожилых, включая их поведение на рынке труда, на финансовом и потребительском рынках. Приводятся данные об участии международных структур в исследовании экономических вопросов, связанном с мировыми демографическими изменениями. Основное внимание в обзоре уделяется исследованиям, посвященным политическим последствиям возрастания доли пожилых в современном обществе, в особенности в развитых демократиях. Рассматриваются подходы к описанию политической активности пожилых, включающей участие в выборах, в акциях протеста и др. Значительное внимание уделяется проблеме ценностей пожилых, в особенности их предполагаемому консерватизму. Часть авторов утверждает, что ценности пожилых связаны с возрастными изменениями организма и, таким образом, имеют возрастной характер. Другие авторы, и таких сейчас большинство, полагают, что ценности вырабатываются в процессе социализации «политических поколений» и мало меняются к старости. Также рассматривается вопрос о том, не становятся ли пожилые отдельной группой, имеющей свои интересы и способной навязать обществу свою особую повестку дня. Наконец, приводятся результаты исследований, посвященных когнитивным особенностям пожилых, влияющим на принятие ими политических и иных решений.

Ключевые слова: старение населения, политика, консерватизм, ценности, эйджизм.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА

Решения, которые человек принимает на протяжении своей жизни, обычно так или иначе связаны с ценностями, которые он разделяет. Это относится и к политическим решениям, касающимся электорального поведения, участия в массовых мероприятиях или действий на ответственном посту. Система ценностей может включать в себя представления о морали, о социальной справедливости, о желательной форме правления и надлежащих отношениях между государством и его гражданами и др., т.е. может оказывать воздействие на все сферы общественной жизни. При этом члены одного общества не всегда разделяют одни и те же ценности. В частности, за молодыми закрепилась репутация бунтарей, а за пожилыми – консерваторов. Такое разделение может иметь серьезные последствия для политического развития общества, особенно если меняется соотношение численности возрастных групп, что как раз и происходит в настоящее время.

Кирилл Евгеньевич Новиков (kenovikov@yandex.ru), Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара и Институт социологии РАН, Россия.

Дарья Алексеевна Быканова (bykanova-da@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Статья поступила в редакцию в мае 2017 г.

Население планеты стареет, и Россия следует общему тренду: доля пожилых в населении нашей страны растет. В связи с этим представляется важным ответить на вопросы: действительно ли пожилые обладают особым набором ценностей и чем обусловлены отличия этих ценностей? Эти вопросы уже давно занимают исследователей во всем мире, поэтому создание обзора литературы, посвященной проблеме ценностей пожилых, представляется полезным и своевременным. Разработка проблемы ценностей пожилых может способствовать выработке наиболее эффективных политических решений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях Российской Федерации, что, как представляется, может снизить социальную напряженность и способствовать развитию человеческого капитала в стране. Вопросы политических последствий демографического старения изначально выводились из осознания возможных экономических последствий увеличения доли пожилого нетрудоспособного населения. Первые опасения по поводу замедления экономического развития общества с увеличением доли пожилых были высказаны в послевоенные годы. В 1949 г. британская Королевская комиссия по народонаселению опубликовала доклад, в котором высказывалось расхожее мнение о том, что пожилые, несмотря на опыт и жизненную мудрость, менее активны, с трудом поддаются обучению и с трудом воспринимают новое. Комиссия выразила опасения по поводу возможных изменений в возрастном составе общества: «Представляется возможным, что общество, в котором доля молодых людей сокращается, станет угрожающе непрогрессивным, начав отставать от других обществ не только по технической эффективности и экономическим благам, но и в области интеллектуальных и культурных достижений» [Report... 1949].

Старение населения давно стало восприниматься как вызов для государства, которому предстояло выработать подходы в рамках публичной политики для решения возникающих проблем. В 1970-е годы возникла «политэкономия старости», или «экономическая геронтология», бравшаяся за теоретическое описание новой экономической ситуации и соответствующих ей политических подходов. Политэкономия ставила вопрос о том, как государство и его институты управляют своими ресурсами в интересах пожилых. Позднее эти исследования трансформировались в изучение экономических последствий старения населения, в частности, Минсер одним из первых заговорил об уменьшении человеческого капитала при старении населения [Mincer 1974]. В настоящее время прогнозируется, что к середине века в ряде развитых стран, таких как Германия, Япония и США, доля жителей от 65 лет и старше должна значительно увеличиться, что приведет к сокращению налоговых поступлений, в то время как пенсионеры и получатели различных пособий составят значительную часть электората [Sanderson, Scherbov 2007].

Практически одновременно с экономической геронтологией возникла политическая геронтология, ставившая целью изучить политические аспекты старения населения. Политическая геронтология изначально структурировалась как междисциплинарная область знания, в которой использовались данные и методы, заимствованные у демографии, социальной психологии и политического анализа. Основным постулатом политических геронтологов стало убеждение в том, что политическое влияние пожилых будет возрастать по мере увеличения их доли в составе населения. Среди ранних работ следует отметить

труды Глена [Glenn, Grimes 1968; Glenn 1969; Glenn, Hefner 1972], Катлера [Cutler 1970; 1977], Бинстока [Binstock 1972; 1974], Кэмбелла [Campbell 1971].

Политическая геронтология так и не стала общепризнанной дисциплиной, хотя в современном учебнике по геронтологии Комп и Аарстен ей посвящен целый раздел [Komp, Aarsten 2013]. Внутри проблемного поля политической геронтологии обозначились несколько вопросов, которые обычно решаются в рамках других, давно устоявшихся дисциплин, что сделало формальное обособление этой науки неактуальным.

Прежде всего, стоит вопрос о теоретическом осмыслении процесса старения в его социальном и политическом аспектах. Во-вторых – вопрос об экономических последствиях сдвигов в демографической структуре населения. Наконец, стоит вопрос о политических последствиях старения населения, который можно разбить на два вопроса.

Первый вопрос: как правительства и политические институты реагируют или должны реагировать на старение населения?

Второй вопрос: какое влияние на политический процесс могут оказать пожилые?

Этот вопрос может быть разделен на несколько подвопросов:

- A. Каковы возможные последствия старения политического руководства страны?
- B. Осознают ли пожилые себя в качестве особой группы интересов?
- C. Обладают ли пожилые особой системой ценностей?
- D. Влияет ли возраст на когнитивные способности, задействованные при принятии политических решений?

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАРЕНИЯ

В послевоенные годы возникло междисциплинарное поле исследований, известное как социальная геронтология. Внимание к людям старшего возраста усилилось в связи со становлением социального государства, для которого помощь пожилым становилось одним из приоритетов. В США наблюдался активный рост интереса к этой тематике между 1950 и 1975 гг., причем первопроходцами были медики и психологи, такие как Кулен [Kuhlen 1956].

Социологи-функционалисты выдвинули теорию «отсоединения» (disengagement), согласно которой старость характеризуется утратой социальных функций и связей. В частности, Камминг и Генри говорили, что социальная роль пожилых – это «роль без роли» (*roleless role*) [Cumming, Henry 1961]. Они полагали, что постепенное отсоединение пожилого от социальных ролей полезно для общества и для него самого. Бромлей объяснял отсоединение сокращением физических и психических возможностей пожилых [Bromley 1966].

В то же время возникла теория активности, которая настаивала, что утрата социальных ролей в старости вовсе не обязательна и даже нежелательна. В частности, Хэвигхерст и Альбрехт полагали, что старость должна быть временем активной и творческой жизни [Navighurst, Albrecht 1953]. Эта система взглядов имела гуманистический

заряд, хотя игнорировала вопросы неравенства, конфликта между возрастными группами, т.е. фактически выносила политические проблемы за скобки.

Важным этапом развития философии старения стали работы Эриксона, предложившего теорию жизненных циклов. Согласно Эриксону, старость представляет собой важный период в жизни человека, когда происходит окончательное становление его личности путем интеграции и осмысления жизненного опыта [Erikson 1982; Erikson et al. 1986].

Проблема старости была политизирована геронтологами, прежде всего Робертом Батлером, который в 1969 г. ввел термин «эйджизм», обозначив им дискриминацию в отношении пожилых, подобную расизму и сексизму [Butler 1969]. К такой дискриминации вели, в частности, представления о том, что пожилые должны «отключаться» от своих социальных ролей. На волне борьбы за гражданские права эйджизм стал восприниматься как дополнительный фактор угнетения меньшинств. В частности, Джексон исследовала ситуации, когда эйджизм усугублял положение пожилых афроамериканок наряду с расовой и гендерной дискриминацией [Jackson 1974]. В то же время Нойгартен выражала оптимизм по поводу возникновения группы «молодых стариков» в возрасте 55-75 лет, которые, по ее мнению, должны были трансформировать американское общество, избавив его от пережитков эйджизма [Neugarten 1974].

Увлечение постмодернистскими теориями привело к тому, что старость все чаще стали рассматривать как социокультурный конструкт, включающий серию стереотипов и устойчивых репрезентаций. Роль стереотипов подчеркивали Брюер, Далл и Луи, показавшие, что молодые люди с трудом усваивают информацию о пожилых, если эта информация расходится с их представлениями о том, какими должны быть старики [Brewer et al. 1981]. Проблему стереотипов во взаимном восприятии поколений активно разрабатывает Хаммерт [Hummert 1990]. Физерстоун и Верник описали процесс конструирования таких стереотипов через визуальные образы культуры [Featherstone, Wernick 1995]. Методология конструктивизма позволила ряду авторов говорить об искусственности и устарелости наших представлений о старости [Powell 2006; Vaars et al. 2006].

В настоящее время движение за права пожилых успешно развивается, в том числе в научных публикациях. Из современных авторов следует выделить работы Т.Д. Нельсона [Nelson 2004; 2005; 2016] и Э. Палмора [Palmore 1999; 2004; 2005; 2009; 2011]. В России проблема стигматизации и социального исключения пожилых рассматривалась в трудах Писарева [2004], Красновой [2005], Кравчука и Шкариной [2007], Смолькина [2007, 2010, 2015], Смирновой [2008] и ряда других авторов.

В последнее время проблематика эйджизма все чаще рассматривается через призму феминизма. Браун и Ролингер показали, что активное участие в женском движении позволяет его пожилым участницам преодолевать стереотипы старения [Brown, Rohlinger 2016]. В то же время Новикова описывает ситуацию в Польше, где за пожилыми женщинами закрепился стереотип ультраконсервативных поборниц католицизма [Novikova 2016]. Традиционные исследования дискриминации по признаку возраста также остаются актуальными [Marques et al. 2017].

В целом старость сегодня понимается не только как паспортный возраст или состояние здоровья, но и как социальный конструкт, отчасти навязанный стереотипами, не соответствующими современным демографическим и, главным образом, социально-психологическим условиям [Miller et al. 2004; Hummert et al. 1995; 2004]. Существует и другой подход к определению старости. У. Сандерсон и С.Я. Щербов предлагают понимать старость как уровень социальной активности, связанный с состоянием здоровья, измеряемый на основе объективных показателей [Sanderson, Scherbov 2016a, 2016b].

В настоящее время активно обсуждаются вопросы дискриминации пожилых на рабочем месте [King, Bryant 2017; Harris et al. 2017; Drydakis et al. 2017], а также в других сферах общественной жизни.

Серьезно рассматриваются и другие социальные последствия старения, никак не связанные с эйджизмом. Хейджстед и Уленберг разбирают вопрос о том, ведет ли изменение структуры современной семьи к исключению пожилых из жизни общества [Hagestad, Uhlenberg 2006]. Кон проводит сравнение социальных последствий старения населения в развитых и развивающихся странах [Cohn 2016], Саманта сравнивает социальные и культурные аспекты старения в Европе, Японии, Китае, Израиле, Нигерии и Ливане [Samanta 2017]. Исследования повседневной жизни пожилых людей проводятся также на муниципальном уровне, как, например, в недавней работе Веро и Джардино, посвященной пожилым жителям одного из районов Турина [Vero, Giardino 2017]. Разным социальным аспектам старения посвящены работы Комп и ее соавторов [Komp, Van Tilburg 2010; Komp et al. 2010; Komp 2011; 2013; Komp, Marier 2015]. В этих работах освещается широкий круг вопросов, включая психологию старения, государственную политику поддержки пожилых и возможные последствия такой поддержки для экономики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Рост доли пожилых в населении западных стран заставлял ставить вопрос об экономическом поведении пенсионеров. В частности, Морин и Суарес [Morin, Suarez 1983], Макиниш, Рамасвами и Сривастава [McInish et al. 1993], Бакши и Чен [Bakshi, Chen 1994] и другие авторы показали, что с возрастом инвесторы становятся более склонны избегать рискованных капиталовложений. Появились исследования, описывающие поведение пожилых на потребительском рынке и на рынке труда. В частности, Альдерс показал, что пенсионеры часто отказываются от работы, даже если могут работать, в случае если пенсионное обеспечение позволяет им жить в свое удовольствие [Alders 1999]. Таким образом, исследования подтверждали опасения тех, кто предвидел негативные последствия роста доли пожилых. Неоднократно поднимался вопрос о повышении пенсионных расходов и демографической нагрузки пожилыми на работающее население.

Как отмечает Кул [Cool 2012], стратегия борьбы с возможными последствиями старения была впервые представлена в докладе Всемирного банка от 1994 г. под названием «Предотвращение кризиса старения» [World Bank... 1994]. В докладе предлагалось бороться с кризисом нелиберальными мерами, т.е. предполагалось снять часть нагрузки с государственных бюджетов, переложив ее на коммерческие финансовые структуры.

С начала 2000-х годов Международный валютный фонд опубликовал несколько исследований, посвященных старению населения и его последствиям [International Monetary... 2000, 2002, 2005, 2008]. В докладе ЦРУ за 2001 г. «Долгосрочные глобальные демографические тренды: меняя геополитический ландшафт» [CIA 2001] повторялись предостережения Королевской комиссии: «Исторически самые богатые и развитые страны были растущими гигантами, распространявшими свои капиталы, силу, нравы и благотворительность по всему миру. Уже четверть века, как эти страны, находясь под угрозой демографического вызова, рискуют превратиться в финансово стесненных нейтралов, отчаянно маневрирующих, дабы избежать международной вовлеченности. Электорат, в котором доминируют пожилые, возможно, будет избегать риска и решительных столкновений за границей, предпочитая идти на подходящие случаю (ad hoc) соглашения». В докладе также содержалось предположение, что стареющая Япония столкнется с нехваткой молодых инноваторов, что затормозит ее технологический прогресс. Ряд исследователей высказывают мнение, что старение населения в развитых странах может привести к изменению геополитического баланса в мире. В частности, Джексон и Хоув считают, что к середине XXI века США и их традиционным союзникам будет все труднее обеспечивать глобальную систему безопасности [Jackson, Howe 2008].

Оптимистическая точка зрения на возможности использования трудового потенциала пожилых была высказана в Мадридском международном плане действий по проблемам старения 2002 г.¹ Вместе с тем с начала века мнение о том, что процесс старения потребует изменений политики правительств в сторону увеличения социальных расходов на пожилых, практически не подвергалось сомнению. Геллер рассматривает старение населения в одном ряду с изменением климата и другими глобальными вызовами [Heller 2003]. Грант и Хуренс описывают перспективы политики стимулирования рождаемости в новых демографических условиях [Grant, Hoogens 2006], в то время как Магнус пытается дать общую картину надвигающихся перемен [Magnus 2009]. О неизбежности бюджетных проблем пишут Гонзалес-Эирас и Нипельт [Gonzalez-Eiras, Niepelt 2012a; 2012b]. Каснаускиене и Михневич [Kasnauskiene, Michnevic 2015] подтверждают на европейском материале взаимосвязь демографических показателей с ростом ВВП и констатируют, что институты социальной защиты стран ЕС могут оказаться под угрозой из-за замедления экономического роста. В то же время К. Михневич демонстрирует сильную негативную связь между долей населения в возрасте от 65 лет и уровнем потребления домохозяйств, что также не способствует экономическому росту [Michnevic 2016].

В последнее время экономические проблемы, связанные со старением населения, рассматриваются как на межстрановом, так и на региональном уровне. Так, Лисенкова, Мерет и Райт строят модель изменений на рынке труда для Шотландии [Lisenkova et al. 2012], а Касаматта и Батте пытаются предсказать проблемы, с которыми столкнутся развивающиеся страны в связи с ростом нагрузки на их пенсионные системы [Casamatta, Batté 2016]. Мау отмечает, что нынешняя российская пенсионная система является

¹ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 11.09.2017).

наследницей системы, сложившейся в XX веке, и не соответствует сегодняшней демографической ситуации. Выход ему видится в «диверсификации, индивидуализации и приватизации» пенсионной системы, что подразумевает перенос ответственности за пенсионные накопления с государства на самих граждан².

В России вопрос об экономическом поведении пожилых остается дискуссионным. Rogozin утверждает, что российские пенсионеры лишь на словах остаются приверженцами устаревших патерналистских моделей, согласно которым пожилые должны исключить себя из общественной жизни и жить за счет государственной поддержки. На деле пожилые россияне реализуют стратегию активного старения, стараясь заниматься производительным трудом, пока позволяет здоровье. По мнению Rogozina, основным мотивом работающих пенсионеров является не борьба за экономическое выживание, а стремление сохранять включенность в социальные и профессиональные отношения [Rogozin 2012]. В то же время Смолькин отмечает, что российским пожилым сегодня не хватает навыков, таких как навыки работы с компьютером и Интернетом, которые помогли бы им интегрироваться в современный мир [Смолькин 2014]. Елютина и Болотов полагают, что большинство пенсионеров находится в режиме жесткой экономии и живет от пенсии до пенсии, что резко ограничивает их возможности выбора стратегии экономического поведения [Елютина, Болотов 2017].

Большинством авторов старение населения рассматривается как вызов для экономики развитых стран. Выделяются следующие негативные факторы, обусловленные старением населения: рост пенсионных расходов, сокращение потребления, замедление роста ВВП, торможение инвестиций.

ВЛИЯНИЕ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Стареющие руководители

Одним из очевидных последствий старения населения может стать повышение возраста правящей элиты, что чревато установлением геронтократии. Изучение этого феномена активно продолжалось в 1970-80-е годы, что было связано с очевидным старением руководства в странах социалистического лагеря.

Исследователи геронтократий были вынуждены опираться на данные психологов, поскольку без психологии разобраться в мотивах престарелых руководителей было бы невозможно. А. Макинтайр писал: «Существование геронтократии заставляет поставить вопрос: каковы последствия старения для политических лидеров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести более общее изыскание: каковы психологические эффекты старения (а также сопутствующие биологические и социальные эффекты). Эти вопросы ведут нас в относительно молодую область знания – психологию старости» [McIntyre 1988]. В ход шла методология бихевиорализма – методологического подхода, разработанного

² May В.А. (2012). Пенсия как личный выбор // Ведомости. 3 августа. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/08/03/pensiya_i_my (дата обращения: 11.09.2017).

Г. Лассуэллом в середине XX века, который предполагает учитывать психологические особенности участников политического процесса. Сам Макинтайр, а также авторы сборника под его редакцией обращались к психологическим теориям Фрейда, Юнга и Эриксона. Такой подход позволял, в частности, описать поведение престарелого Мао Цзэдуна через призму личностного конфликта между «цельностью и отчаянием», характерного для пожилого возраста по Эрику Эриксону. В России, считает Вишневский, постаревшие общества могут стать более консервативными и «геронтократическими», и предполагает, что ситуацию могут спасти «возрастные квоты при заполнении определенного рода вакансий» [Вишневский 2005].

Политическое поведение пожилых

Политическое поведение пожилых изначально исследовалось вместе с электоральным поведением других возрастных групп. В 1960 г. вышла фундаментальная работа Кэмпбелла, Конверса, Миллера и Стоукса «Американский избиратель» [Campbell et al. 1960], в которой была выдвинута концепция, по которой избиратели голосуют согласно давно установившейся партийной идентификации, зачастую унаследованной от предков. Разумеется, пожилые избиратели демонстрировали высокую лояльность партиям, за которые голосовали в молодые годы. Работа была написана на базе Мичиганской модели, разработанной в 1950-е годы в Мичиганском университете, согласно которой избирателем движет психологически обусловленное чувство привязанности к своей партии. Эта же модель была позднее использована Батлером и Стоуксом на британском материале [Butler, Stokes 1971].

Между тем политологи стали осознавать растущее политическое влияние пожилых избирателей, связывая это не только с ростом доли пожилых, но и с ростом активности организаций, представляющих их интересы [Weaver 1976]. Вставал вопрос о том, чем поведение пожилых избирателей отличается от остальных. Мичиганская модель была подвергнута критике в работе Фиорины, который объяснял устойчивую приверженность избирателей, в том числе пожилых, той или иной партии с позиций теории рационального выбора, отвергая тем самым представление о слепой лояльности партийному флагу [Fiorina 1981]. Мичиганскую модель критиковали Миллер и Шэнкс, утверждавшие, что электоральная активность пожилых ситуативна и связана с особенностями жизненного опыта когорт [Miller, Shanks 1996]. Они соглашались с тем, что пожилые склонны голосовать за партию, которую долгие годы считают своей, однако сам выбор не наследуется от предков, а зависит от политической ситуации, в которой он был изначально сделан. Так появляются «поколение Кеннеди», «поколение Рейгана» и др. Исследование было проведено с привлечением материалов по американским выборам с 1952 по 1992 г. Миллер и Шэнкс также доказали, что пожилые голосуют гораздо активнее, чем представители других возрастных групп, причем с 1972 по 1992 г. этот разрыв увеличивался. Джекобс также пришел к выводу, что пожилые голосуют активнее более молодых [Jacobs 1990].

Большинство исследователей пытались объяснить высокую активность пожилых, исходя из парадигмы рационального выбора, полагая, что старики активно голосуют из-за более высокой заинтересованности во влиянии на принятие политических решений

(заинтересованность в повышении пособий, медицинских страховках и др.). Кроме того, Тимпон установил, что на активность избирателя влияет то, как долго он проживает на одном месте, так что пожилые избиратели, долго прожившие в своем избирательном округе, чаще ходят на выборы [Timpone 1998].

Долговременное исследование политического участия американцев, длившееся 17 лет, показало, что с возрастом люди все больше отказываются от наиболее активных форм политической борьбы [Jennings, Markus 1988]. Столь же предсказуемыми оказались результаты Мело и Стокемера, которые на материале Германии, Франции и Великобритании показали, что пожилые, в отличие от молодежи, активнее участвуют в выборах, но реже принимают участие в уличных демонстрациях и других формах активного политического действия [Melo, Stockemer 2014]. Другие исследователи также подтверждают вывод о том, что пожилые являются наиболее активными избирателями. Из последних работ, подтверждающих эту гипотезу, можно назвать статью Нигарда и Якобссона, написанную на материале Финляндии [Nygard, Jakobsson 2013].

Вместе с тем, хотя внешне пожилые ведут себя сходным образом во всем мире, у политологов нет уверенности в том, что они принимают решения иначе, чем представители иных возрастных групп, и что вообще возможно говорить о пожилых как об отдельной группе интересов. В частности, Гоеррес, обобщив данные по двадцати с лишним странам Европы, пришел к выводу, что единого образца политического поведения пожилых не существует. Ситуация меняется от страны к стране и от когорты к когорте [Goerres 2009].

Так или иначе, для исследователей было очевидно, что высокая активность пожилых избирателей вместе с ростом их доли в населении ведут к повышению их роли в политической жизни развитых стран.

Ценности пожилых

Важнейшей проблемой политической геронтологии можно считать вопрос о том, что сильнее влияет на политические пристрастия пожилых: возрастные особенности их психологии или принадлежность к когорте, пережившей свой уникальный исторический опыт. О важности когортного анализа для понимания изменений общественного мнения одним из первых заговорил Эван [Evan 1959].

Одним из наиболее устойчивых стереотипов является представление о консерватизме пожилых. Традиционно считается, что молодежь охотнее воспринимает перемены, в то время как старики сохраняют верность традициям. Таких взглядов придерживался, в частности, Зеллман, считавший, что консерватизм пожилых избирателей обусловлен их озабоченностью вопросами безопасности, порядка и здоровья [Zellman 1975]. Криттенден считал, что политическое поведение пожилых не может объясняться только политическим опытом, полученным в юности (Первая мировая война, Великая депрессия и др.). По его мнению, пожилому возрасту соответствуют политические пристрастия, которые можно охарактеризовать как консервативные [Crittenden 1962].

Иной точки зрения придерживается Глен, полагавший, что понятие «консерватизм» может трактоваться двояко: либо как приверженность старому, либо как враждебность

либеральным идеям. Когортный анализ американских избирателей показал, что пожилые американцы с годами становились более либеральными, однако усваивали новые идеи медленнее, чем их более молодые соотечественники [Glenn 1974]. Несколько раньше Глен и Хефнер показали, что с возрастом американцы не склонны менять свои убеждения на более консервативные [Glenn, Hefner 1972]. Исследование Кэмбелла и Стрейта [Campbell, Strate 1981] также не показало дрейфа когорт в сторону консерватизма. Хардинг проблематизирует само понятие консервативных ценностей, демонстрируя, что даже среди консерваторов рейгановско-тетчеровской эпохи не было единства по поводу того, что считать консервативными ценностями [Harding 1999].

Важным аргументом в пользу устойчивости ценностей и политических взглядов на протяжении жизни стало долговременное исследование, начатое Т. Ньюкомом в 1930-е годы и завершенное его учениками Д. Алвином и Р. Коэном в 1991 г. [Alwin et al. 1991]. Наблюдение за бывшими студентками Беннингтонского колледжа показало, что в юности девушки легко меняли политические взгляды, подвергаясь влиянию либеральной профессуры, но в дальнейшем их убеждения стабилизировались, в особенности если их взгляды совпадали со взглядами их мужей.

Ряд исследователей считали, что даже если пожилым не присущ природный консерватизм, они могут осознать себя особой группой интересов и начать оказывать влияние на государственную политику. В середине 1960-х годов Роуз считал, что пожилые американцы, оказавшись под влиянием общих экономических проблем, будут быстро превращаться в отдельную группу интересов, отказавшись от прежних партийных и идеологических идентичностей [Rose 1965]. Несколько позже Рили уподоблял возрастную стратификацию классовому делению общества [Riley 1971]. Пратт подчеркивал, что общественные организации, представлявшие интересы пожилых, добились значительных успехов в лоббистской деятельности [Pratt 1974]. Однако ожидания возрастного конфликта оказались преждевременными. Дэй показала, что, хотя политические группы, лоббирующие интересы пожилых в Вашингтоне, усиливают свое влияние, сами пожилые вовсе не объединены стремлением принудить государство к развитию выгодных для них социальных программ [Day 1990]. В целом американские исследователи обычно склонны полагать, что у пожилых нет каких-то особых политических предпочтений, поскольку эта возрастная группа также разделена внутри себя, как и другие возрастные группы

Родбек показала, что лица старше 65 лет не являют собой единую группу интересов и не имеют согласия даже по вопросам социального обеспечения пожилых [Rhodebeck 1993]. Согласно Родбек, пожилые разделены по социальному положению и партийной принадлежности, как и остальное население, и это разделение играет более важную роль, чем принадлежность к возрастной группе. Аналогичную позицию занимает Дж. Хэмил-Лакер, которая считает, что различия расы, пола, образовательного уровня и классовой принадлежности сильнее влияют на электоральное поведение, чем возрастная группа [Hamil-Luker 2001]. Недавнее исследование Исследовательского центра Пью, посвященное голосованию на президентских выборах в США, подтвердило, что идеологическое разделение внутри пожилых когорт значительнее, чем разрыв между когортами [Desilver 2014]. В то же время Эрк, работающий с данными по странам Европы, предполагает, что возрастные группы имеют тенденцию превращаться в группы интересов, однако

межпоколенческий конфликт вряд ли станет столь же глубоким, как классовый [Erk 2015]. Лансиа и Руссо считают, что, несмотря на растущий политический вес, пожилые не стремятся перераспределять общественные ресурсы в свою пользу в ущерб интересам молодежи, поскольку старшее поколение осознает важность воспроизводства человеческого капитала [Lancia, Russo 2016].

Между тем Тилли и Эванс, изучая выборы в Великобритании, пришли к другим выводам [Tilley, Evans 2014]. По их данным, возраст является значимым предиктором электорального поведения, и с возрастом повышается вероятность голосования за консерваторов. При этом они подтверждают гипотезу о существовании политических поколений, указывая, что избиратели, чье взросление пришлось на 1930-е, 1950-е и 1980-е годы, имеют склонность голосовать за консерваторов.

В настоящее время существуют методологические предпосылки, позволяющие обнаружить отклонения в ценностях пожилых людей, способные повлиять на их политические позиции. Теория базовых индивидуальных ценностей Шварца [Schwartz 1992] предполагает, что политические симпатии индивида определяются его базовыми ценностями, такими как власть, традиция, безопасность, удовольствия, независимость и др. По мнению Шварца и его соавторов, возраст, пол, уровень образования и дохода оказывают минимальное воздействие на решения избирателей, в то время как базовые ценности играют решающую роль [Schwartz et al. 2010; 2015]. В то же время безопасность является у Шварца одной из ключевых ценностей, а стремление к избеганию риска, как отмечалось выше, часто наблюдается у пожилых.

В исследовании, предпринятом после выборов президента США 2008 г., было показано, что люди, для которых безопасность является ведущей ценностью, чаще голосовали за Маккейна, однако такая ценностная ориентация никак не коррелировала с преклонным возрастом. Напротив, оказалось, что пожилые чаще голосовали за Обаму, обещавшего социальные льготы [Dirilen-Gümüş et al. 2012]. Ариза-Монтес, Тирадо-Валенсия и Висенте показали, что именно система ценностей влияет на то, будут ли пожилые участвовать в волонтерской деятельности [Ariza-Montes et al. 2017].

Между тем различные исследования подтверждают, что пожилые когорты в разных странах могут иметь особые ценности, связанные с их жизненным опытом и культурными особенностями страны. В частности, оказалось, что пожилые в целом остаются приверженцами семейных ценностей. Об этом не раз говорится в сборнике «Глобальное старение и вызовы для семьи» под редакцией Бенгстона и Ловенштейн [Bengston, Lowenstein 2003]. К таким же выводам пришел Писарев на российском материале [Писарев 2005], показавший, что российским пенсионерам важнее всего семья, здоровье и покой. Другие российские исследователи пришли к сходным результатам. По данным Хвалиной, среди главных ценностей российских пожилых оказались здоровье, семья, наличие друзей, материальная обеспеченность и активная деятельность [Хвалина 2009]. Щанина также подчеркивает, что основной ценностью для российских пожилых является семья: пенсионеры хотят чувствовать себя нужными, и лишь в семье они могут ощутить свою востребованность [Щанина 2015].

Вместе с тем Левинсон выделил несколько особенностей сознания российских пенсионеров, среди которых социальная и психологическая зависимость от государства, высокая восприимчивость к телевизионной пропаганде, позитивное восприятие реабилитации символов советского прошлого [Левинсон 2012]. Он также полагает, что идеология российских пожилых, т.е. людей, сформировавшихся в советский период, превратилась в общую идеологию российского общества, что объективно мешает стране идти по пути модернизации [Левинсон 2011]. Однако «советские ценности» также постепенно меняются. Ковалева на основе исследования, проведенного Самарским НИИ «Международный центр по проблемам пожилых», показала, что к началу XXI века ценности пожилых россиян существенно изменились по сравнению с концом 1970-х годов. В частности, на первый план выдвинулось «материальное благополучие», а ценность труда заметно снизилась [Ковалева 2001]. Все эти особенности и изменения напрямую связаны с жизненным опытом поколений. Сравнительное исследование ценностей возрастных когорт в США и Китае также показало, что ценности поколений напрямую связаны с пережитым историческим опытом [Egri, Ralston 2004].

В то же время открытым остается вопрос о влиянии психических и когнитивных особенностей пожилых людей на их мировоззрение. Естественные возрастные изменения в организме ведут к изменениям в мозговой деятельности, что может влиять на принятие политических решений. Еще в конце 1980-х годов крупный советский нейрофизиолог А.Б. Коган отмечал: «С возрастом стереотипы крепнут и их становится все труднее изменять. Отсюда известный консерватизм пожилых людей, у которых к тому же снижается подвижность основных нервных процессов. Переделка сложившихся стереотипов всегда представляет значительную трудность для нервной системы» [Коган 1988].

Герстейн одним из первых попытался создать модель поведения избирателей, учитывая ограниченность способности человеческого мозга к переработке информации [Herstein 1981]. Барон и Брек исследовали память и когнитивные способности пожилых в сравнении с молодыми и, в частности, установили, что у пожилых богаче словарный запас, а молодые лучше воспринимают цифры [Baron, Breck 1987]. Джонсон и Риггл показали, что молодые и пожилые избиратели по-разному обрабатывают информацию о кандидатах. Молодых больше интересуют пункты программы, в то время как пожилых больше интересуют личности кандидатов [Johnson, Riggle 1996]. Весьма интересное исследование было проведено в 1990 г. группой исследователей, которые в лабораторных условиях изучали механизмы принятия решений у менеджеров, принадлежавших к трем возрастным группам: молодым (28-35 лет), среднего возраста (45-55 лет) и пожилым (65-75 лет). Пожилые менеджеры принимали в целом меньше решений и больше опирались на опыт, чем на входящую информацию. Их решения были реже ориентированы на долгосрочную перспективу. В то же время пожилые реагировали на кризисные ситуации с тем же успехом, что и две другие группы [Streufert et al. 1990].

Ряд современных исследователей считают, что пожилым свойственна когнитивная ригидность и узость мышления [Jost et al. 2003].

Другие отмечают, что взгляды пожилых крайне стабильны, что означает их высокую сопротивляемость переменам [Alwin, Krosnick 1991].

Рэдлоск обратил внимание на то, что память играет важную роль в принятии электоральных решений, поскольку избиратель должен обрабатывать большие объемы информации, и именно пожилых избирателей память нередко подводит [Redlawsk 1996].

В целом подтверждается точка зрения Норвала Глена, согласно которой консерватизм пожилых носит скорее психологический, чем идеологический или ценностный характер [Glenn 1974]. Пожилые люди в разных странах имеют разные ценности, что связано с опытом когорт, формировавшихся и проживавших в разных исторических условиях.

Данный обзор не претендует на то, чтобы предложить оригинальное решение проблемы ценностей пожилых. Однако, как представляется, знакомство с приведенным материалом может облегчить задачу исследователям, занимающимся решением конкретных научных задач, от результатов которых зависит выработка политических подходов к проблемам пожилых людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А.Г. (2005). Похвала старению // Отечественные записки. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu> (дата обращения: 11.05.2017).
- Елютина М.Э., Болотов Г.И. (2017). Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Известия Саратовского университета. 17.1: 10-14.
- Ковалева Н.Г. (2001). Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 7: 73-79.
- Коган А.Б. (1988). Основы физиологии высшей нервной деятельности. М.: «Книга по Требованию». 368 с.
- Кравчук П.Ф., Шкарина Ю.Ю. (2007). Особенности социальных взаимоотношений между пожилыми людьми и молодежью в современном российском обществе // Вопросы культурологии. 7: 39-42.
- Краснова О. (2005). Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdeniy-pozhilye-lyudi-i-starost> (дата обращения: 11.05.2017).
- Левинсон А.Г. (2011). Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 109. 3: 52-81.
- Левинсон А.Г. (2012). Пенсионеры как социальная группа и политическая сила // Демоскоп Weekly. 99-500. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/tema010.php> (дата обращения: 11.05.2017).
- Писарев А.В. (2004). Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 4: 51-56.
- Писарев А.В. (2005). Ценностные предпочтения пожилого населения и оценка их потенциала российским обществом. М.: Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. 22 с.

- Рогозин Д.М. (2012). Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 4: 62-93.
- Смирнова Т.В. (2008). Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 8: 49-55.
- Смолькин А.А. (2007). Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. X. 2(39): 134-141.
- Смолькин А.А. (2010). Межпоколенческие конфликты в повседневной жизни // Социологические исследования. 11: 110-114.
- Смолькин А.А. (2014). Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. 5: 97-103.
- Смолькин А.А. (2015). Практики повседневных межпоколенческих конфликтов глазами студентов провинциального вуза: этнографическое эссе // Антропологический форум. 25: 91-117.
- Хвалина Н.В. (2009). Ценностные ориентации людей пожилого возраста и их представление о ценностных ориентациях значимых других // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: 408-411.
- Щанина Е.В. (2015). Интеграция пожилых людей в современный социум // Известия высших учебных заведений, Поволжский регион. 1 (33): 150-153.
- Alders P. (1999). Family ties in an aging world. Causes and consequences of fertility shifts. Rotterdam: Erasmus univ. Amsterdam: Thela-thesis. 186 p.
- Alwin D.F., J.A. Krosnick (1991). Ageing, cohorts and the stability of sociopolitical orientations over the life span // American journal of sociology. 97: 169-195.
- Alwin D.F., R.L. Cohen, T.M. Newcomb (1991). Political attitudes over the life span: The Bennington women after fifty years. Madison, Wis: University of Wisconsin press. 452 p.
- Ariza-Montes A., P. Tirado-Valencia, F.R. Vicente (2017). Human values and volunteering: A study on elderly people // Intangible capital. 13, 2: 253-281.
- Baars J., D. Dannefer, C. Phillipson, A. Walker (2006). Aging, globalization, and inequality: the new critical gerontology. Baywood Pub. 304 p.
- Bakshi G.S., Z. Chen (1994). Baby boom, population aging, and capital markets // Journal of business. 67(2): 163-202.
- Baron A., D.B.L. Breck (1987). Are older adults generally more conservative? some negative evidence from signal detection analyses of recognition memory and sensory performance // Experimental aging research. 13, 3: 163-165.
- Bengston V.L., A. Lowenstein (eds) (2003). Global aging and challenges to families. New York: Aldine de Gruyter. 387 p.
- Binstock R. H. (1974) Aging and the Future of American Politics // The annals of the american academy of political and social science. 415: 199-212.
- Binstock R.H. (1972). Interest-group liberalism and the politics of aging // The Gerontologist 12: 265-280
- Brewer M.B., V. Dull, L. Lui (1981). Perceptions of the elderly: stereotypes as prototypes // Journal of personality and social psychology. 41(4): 656-670.
- Bromley D.B. (1966). Psychology of human aging. Baltimore, Maryland: Penguin. 448 p.

- Brown R.L., D.A. Rohlinger (2016). The effect of political generation on identity and social change: age cohort consequences // *Journal of women & aging*. 28, 2: 96-111.
- Butler D. D.E. Stokes (1971). *Political change in Britain*. London: Pelican.
- Butler R.N (1969). Age-ism: another form of bigotry // *The gerontologist*. 9, 4, pt. 1: 243-246.
- Campbell A. (1971). Politics through the life cycle // *The gerontologist*. 11: 112-117
- Campbell A., P. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes (1960). *The American voter*. The University of Chicago press: Chicago, by John Wiley & Sons, Inc. 576 p.
- Campbell J.C., J. Strate (1981). Are old people conservative? // *The gerontologist*. 21 (6): 580-59.
- Casamatta G., L. Batté (2016). The political economy of population aging // *Handbook of the economics of population aging*. 1: 381-444.
- CIA (2001). Long term global demographic trends: reshaping the geo-political landscape. July 2001.
- Cohn J.M. (2016). Aging in comparative perspective: processes and policies, by Ian Gillespie Cook and Jamie Halsal // *Journal of aging, longevity, law, and policy*. 1: 131-136.
- Cool D. (2012). Reconstructing the elderly: a critical analysis of pensions and population policies in an era of demographic ageing // *Contemporary political theory*. 11,1: 41-67.
- Crittenden J.A. (1962). Aging and party affiliation // *Public opinion quarterly*. 26: 648-657.
- Cumming E., W. Henry (1961). *Growing old: the process of disengagement*. New York: Basic Books. 310 p.
- Cutler N.E. (1970). Generation, maturation, and party affiliation: a cohort analysis // *Public opinion quarterly*. 33: 583-588.
- Cutler N.E. (1977). Demographic, social psychological, and political factors in the politics of aging: a foundation for research in "political gerontology" // *American political science review*. 71: 1011-1025.
- Day C.L. (1990). *What older Americans think: interest groups and aging policy*. Princeton, NJ: Princeton University.
- Desilver D. (2014). The politics of American generations: how age affects attitudes and voting behavior // Pew research center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/07/09/the-politics-of-american-generations-how-age-affects-attitudes-and-voting-behavior/> (дата обращения: 11.05.2017).
- Dirilen-Gümüş Ö., S.E. Cross, A. Dönmez (2012). Who voted for whom? Comparing supporters of Obama and McCain on value types and personality traits // *Journal of applied social psychology*. 42: 2879-2900.
- Drydakis N., P. MacDonald, V. Chiotis, L. Somers (2017). Age discrimination in the UK labour market. Does race moderate ageism? An experimental investigation // *Applied economics letters*: 1-4.
- Egri C.P., D.A. Ralston (2004). Generation cohorts and personal values: a comparison of China and the United States // *Organization science*. 15(2): 210-220.
- Erikson E. (1982). *The life cycle completed*. New York, NY: Norton. 144 p.
- Erikson E., Erikson J., Kivnick H.Q. (1986). *Vital involvement in old age*. New York, NY: Norton. 352 p.

- Erk J. (2015). Is age the new class? Economic crisis and demographics in European politics // *Critical sociology*: 1-3.
- Evan W.M. (1959). Cohort analysis of survey data: a procedure for studying longterm opinion change // *Public opinion quarterly*. 23: 63–72.
- Featherstone M., A. Wernick (1995). *Images of ageing*. London: Routledge. 331 p.
- Fiorina M.P. (1981). *Retrospective voting in American national elections*. New Haven, CT: Yale University. 249p.
- Glenn N. (1974). Aging and conservatism // *Annals of the American Academy of political and social science*. 415: 176-186.
- Glenn N.D. (1969). Aging, disengagement, and opinionation // *Public opinion quarterly*. 33: 17–33.
- Glenn N.D., M. Grimes (1968). Aging, voting, and political interest // *American sociological review*. 33. 4: 563-575.
- Glenn N.D., T. Hefner (1972). Further evidence on aging and party identification // *Public opinion quarterly*. 36: 31–47.
- Goerres A. (2009). *The political participation of older people in Europe. The greying of our democracies*. London: Palgrave Macmillan. 234 p.
- Gonzalez-Eiras M., D. Niepelt (2012a). Aging, government budgets, retirement, and growth // *European economic review*. Elsevier. 56 (1): 97-115.
- Gonzalez-Eiras M., D. Niepelt (2012b). *Economic and politico-economic equivalence* // Working papers. 12.02. Swiss National Bank, Study Center Gerzensee: 1-34.
- Grant J., S. Hoorens (2006). The new pronatalism? The policy consequences of population ageing // *Public policy research*. 13 (1): 13–25.
- Hagestad G., P. Uhlenberg (2006). Should we be concerned about age segregation? Some theoretical and empirical explorations // *Research on aging*. 28(6): 638–653.
- Hamil-Luker J. (2001). The prospects of age war: inequality between (and within) age groups // *Social science research*. 30: 386–400.
- Harding F. (1999). “Family values” and conservative government policy: 1979-97 // *Changing Family Values* / G. Jagger, C. Wright, eds. London: Routledge: 119-135.
- Harris K., S. Krygsman, J. Waschenko, D.L. Rudman (2017). Ageism and the older worker: a scoping review // *The gerontologist*. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28082278> (дата обращения: 11.05.2017).
- Havighurst R.J., R.E. Albrecht (1953). *Older people*. New York: Longmans & Green. 415 p.
- Heller P.S. (2003). *Who will pay? Coping with aging societies, climate change, and other long-term fiscal challenges*. Washington, DC: International Monetary Fund. 315 p.
- Herstein J.A. (1981). Keeping the voter's limits in mind: a cognitive process analysis of decision making in voting // *Journal of personality and social psychology*. 40: 843-861.
- Hummert M.L. (1990). Multiple stereotypes of elderly and young adults: a comparison of structure and evaluations // *Psychology and aging*. 5(2): 182-193.
- Hummert M.L., T.A. Garstka, J.L. Shaner (1995). Judgments about stereotypes of the elderly attitudes, age associations, and typicality ratings of young, middle-aged, and elderly adults // *Research on aging*. 17: 168-182.

- Hummert M.L., T.A. Garstka, J.L. Shaner (2004). Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults // *The international journal of aging and human development*. 58(4): 315-40.
- International Monetary Fund (2000). *Population aging and global capital flows in a parallel universe*. Research dep., Washington.
- International Monetary Fund (2002) *The Aging of the population and the size of the welfare state*. Western hemisphere dep., Washington.
- International Monetary Fund (2005). *Global aging and fiscal policy with international labor mobility: a political economy perspective*. Research dep., Washington.
- International Monetary Fund (2008). *Global aging and declining world interest rates: macroeconomic insurance through pension reform in Cyprus*. IMF inst. a. Europ. Dep. Washington.
- Jackson J.J. (1974). NCBA, black aged and politics // *Annals of the American academy of political and social science*. 415: 138–159.
- Jackson R., N. Howe (2008). *The graying of the great powers. Demography and geopolitics in the 21st century*. Washington, DC: Center for Strategic International Studies (CSIS). 224 p.
- Jacobs B. (1990). Aging and politics // *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. / R.H. Binstock, L.K. George, eds. San-Diego: Academic press. 349-361.
- Jennings M.K., G.B. Markus (1988). Political involvement in the later years: a longitudinal study // *American journal of political science*. 32: 302-316.
- Johnson M.M.S., E.D.B. Riggle (1996). Age difference in political decision making: Strategies for evaluating political candidates // *Political Behavior*. 1. 18, 1: 99-118.
- Jost J.T., J. Glaser, A.W. Kruglanski, F.J. Sulloway (2003). Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological bulletin*. 129: 339–375.
- Kasnauskiene G., K. Michnevic (2015). The effects of demographic trends on economic growth in the European Union // *European scientific journal*. Special edition. 2: 70–85.
- King S.P., F.B. Bryant (2017). The Workplace intergenerational climate scale (WICS): a self-report instrument measuring ageism in the workplace // *Journal of Organizational behavior*. 38, 1: 124–151.
- Komp K. (2011). The political economy of the third age // *Gerontology in the era of the third age* / D. Carr, K. Komp, eds. New York: Springer: 51-66.
- Komp K. (2013). political gerontology: population ageing and the state of the state // *Old age in Europe* / K. Komp, M. Aarsten, eds. Amsterdam: Springer: 59-77.
- Komp K., M. Aarsten, eds. (2013). *Old age in Europe: a textbook of gerontology*. Dordrecht; New York: Springer. 148 p.
- Komp K., P. Marier, eds. (2015). *Population ageing from a lifecourse perspective: Critical and international approaches*. Bristol: Policy press. 304 p.
- Komp K., T. Van Tilburg (2010). Ageing societies and the welfare state: where the inter-generational contract is not breached // *International journal of ageing and later Life*. 5(1): 7-11.
- Komp K., T. Van Tilburg, M.B. Van Groenou (2010). Paid work between age 60 and 70 years in Europe: a matter of socio-economic status? // *International journal of ageing and later life*. 5(1): 45-75.

- Kuhlen R.G. (1956). Changing personal adjustment during adult years // Psychological aspects of aging / J. Anderson, ed. New York: American Psychological Association: 21–35.
- Lancia F., A. Russo (2016). Public education and pensions in democracy: a political economy theory // Journal of the European economic association. 14, 5: 1038–1073.
- Lisenkova K., M. Mérette, R. Wright (2012). The impact of population ageing on the labour market: evidence from overlapping generations computable general equilibrium (OLG-CGE) model of Scotland // Discussion paper in economic, strathclyde: 12-13.
- Magnus G. (2009). The age of aging. How demographics are changing the global economy and our world. Singapore: John Wiley & Sons (Asia). 321 p.
- Marques S., C.M. Vauclair, H.J. Swift, C. Bratt (2017). Social psychology and gerontology: integrating theory to explain and intervene in age discrimination towards older people in Europe // Cross-disciplinary perspectives in social gerontology. Springer: 45-66.
- McInish T.H., S.N. Ramaswami, R.K. Srivastava (1993). Do more risk-averse investors have lower net worth and income? // The financial review. 28 (1): 91-106.
- McIntyre A. (1988). Aging and political leadership. Oxford university press. 321 p.
- Melo D.F., D. Stockemer (2014). Age and political participation in Germany, France and the UK: a comparative analysis // Comparative european politics. 12, 1: 33–53.
- Michnevich K. (2016). The effects of ageing on household consumption in Central and Eastern Europe // Economy & business journal. 10, 1: 273-287.
- Miller D.W., T.S. Leyell, J. Mazachek (2004). Stereotypes of the elderly in U.S. Television commercials from the 1950s to the 1990s. // The international journal of aging and human development. 58(4): 315-40.
- Miller W.E., J.M. Shanks (1996). The new American voter. Cambridge MA: Harvard university press. 668 p.
- Mincer J., ed. (1974). Age and experience profiles of earnings. New York: Columbia University press: 64-82.
- Morin R.A., A.F. Suarez (1983). Risk aversion revisited // The journal of finance. 38(4): 1201-1216.
- Nelson T.D. (2004). Ageism: stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, London: The MIT press. 388 p.
- Nelson T.D. (2005). Ageism: prejudice against our feared future self // Journal of social issues. 61: 207–221.
- Nelson T.D. (2016). The age of ageism // Journal of social issues. 72, 1: 191-198.
- Neugarten, B.L. (1974). Age groups in American society and the rise of the young-old // Annals of the American Academy of political and social sciences. 415: 187–198.
- Novikova K. (2016). “Mohair berets”: Media representations of elderly right-wing women and aestheticization of age in Poland // Gender and far right politics in Europe. London: Palgrave Macmillan: 207-219.
- Nygaard M., G. Jakobsson (2013). Senior citizens and political participation: evidence from a Finnish regional study // Ageing and society. 33(1): 159–180.
- Palmore E.B. (1999). Ageism: negative and positive. NY: Springer. 280 p.

- Palmore E.B. (2004). Research note: ageism in Canada and the United States // *Journal of cross-cultural gerontology*. 19, 1: 41–46.
- Palmore E.B. (2005). Three Decades of Research on Ageism // *Generations*. 29(3): 87-90.
- Palmore E.B. (2009). Reducing ageism // *Journal of aging, humanities and the arts*. 3(2), 144-146.
- Palmore E.B. (2011). *Older can be bolder*. New York, NY: CreateSpace and Kindle. 176 p.
- Powell J.L. (2006). *Social theory and aging*. Oxford: Rowman & Littlefield. 157 p.
- Pratt H.J. (1974). Old age associations in national politics // *Annals of the American academy of political and social science*. 415: 106–119.
- Redlawsk D.P. (1996). The role of memory in voter decision making a process tracing study of a presidential election campaign. Rutgers University Department of Political Science New Brunswick: 1-30.
- Report of the Royal Commission on Population (1949). Published by HMSO, London.
- Rhodebeck L.A. (1993). The politics of greed? Political preferences among the elderly // *Journal of politics*. 55: 342-364
- Riley M.W. (1971). Social gerontology and the age stratification of society // *The gerontologist*. 11. I: 79–87.
- Rose A.M. (1965). *Older people and their social world*. Philadelphia: F.A. Davis. 420 p.
- Samanta T. (2017). Bridging the gap: theory and research in social gerontology // *Cross-cultural and cross-disciplinary perspectives in social gerontology*. Springer: 3-22.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2007). A near electoral majority of pensioners: prospects and policies // *Population and development review*. 33 (3): 543–554.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2016a). New approaches to the conceptualization and measurement of age and aging // *Journal of aging and health*. 28(7): 1159-1177.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2016b). A new perspective on patterns of aging in Europe by education and gender // *Journal of population ageing*. 9 (3): 207-225.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 25 / M. Zanna, ed. New York: Academic press: 1-66.
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M., etc. (2015). Personal values and political activism: A cross-national study // *British journal of psychology*. 106. 1: 84–106.
- Schwartz S.H., G.V. Caprara, M. Vecchione (2010). Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis // *Political psychology*. 31, 3: 421-452.
- Streufert S., R. Pogash, M. Piasecki, G.M. Post (1990). Age and management team performance // *Psychology and aging*. 5: 551–559.
- Tilley J., G. Evans (2014). Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects // *Electoral studies*. 33: 19-27.
- Timpone R.J. (1998). Structure, behavior, and voter turnout in the United States // *The American political science review*. 92, 1:145-158.
- Vero D., B. Giardino (2017). *Measuring urban ageing. Città Giardino Torino* // *Architectural research addressing societal challenges*. Leiden: CRC Press/Balkema: 285–291.

- Weaver J.L. (1976). The elderly as a political community: the case of national health policy // *Western political quarterly*. 29(4): 610–649.
- World Bank Report. (1994). *Averting the old age crisis #13584*. New York: Oxford university press.
- World Health Organization (WHO) (2002). *Active ageing: A policy framework*.
- Zellman G.L. (1975). Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations // *Journal of social issues*. 31: 31–53.

THE VALUES OF THE ELDERLY AND THE POLITICAL CONSEQUENCES OF THE GLOBAL AGING OF THE POPULATION

KIRILL NOVIKOV, DARIA BYKANOVA

The review is devoted to several problems in political and social gerontology, as well as to economic problems caused by global aging of the population. The text contains an analysis of the approaches of different authors to the definition of old age and its psychological, behavioral and social aspects. The problems of active aging, the social construction of stereotypes regarding the elderly and ageism are also considered. Two main approaches to studying the economic consequences of population aging are described: the first analyzes macro-level trends caused by shifts in the ratio of the working and retired population, while the second focuses on the economic behavior of the elderly, including their behavior on the labor, financial and consumer markets. The participation of international organizations in the study of economic issues related to world demographic changes is also described. The review focuses primarily on research devoted to the political consequences of the growing share of the elderly population in modern society, especially in developed democracies. Also considered are approaches to describing the political activity of the elderly, including participation in elections, in protest actions, etc. Considerable attention is paid to the problem of the values of the elderly, especially their alleged conservatism. Some authors argue that the values of the elderly are associated with age-related changes of mind and body and therefore are age-related. Meanwhile, most contemporary researchers believe that values are developed in the process of socialization of the "political generations" and change little with ageing. The question is also asked whether the elderly are transforming into a separate group having its own interests and able to impose its special agenda on society. Finally, the review presents the results of studies on the cognitive abilities of the elderly influencing their ability to make political and other decisions.

Key words: population aging, politics, conservatism, values, ageism.

KIRILL E. NOVIKOV (kenovikov@yandex.ru), GAIDAR INSTITUTE FOR ECONOMIC POLICY, INSTITUTE OF SOCIOLOGY RAS, RUSSIA.

DARIA A. BYKANOVA (bykanova-da@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (THE PRESIDENTIAL ACADEMY, RANEPA), RUSSIA.

DATE RECEIVED: MAY 2017.

REFERENCES

- Alders P. (1999). Family ties in an aging world. Causes and consequences of fertility shifts. Rotterdam: Erasmus univ. Amsterdam: Thela-thesis. 186 p.
- Alwin D.F., J.A. Krosnick (1991). Ageing, cohorts and the stability of sociopolitical orientations over the life span // American journal of sociology. 97: 169–195.
- Alwin D.F., R.L. Cohen, T.M. Newcomb (1991). Political attitudes over the life span: The Bennington women after fifty years. Madison, Wis: University of Wisconsin press. 452 p.
- Ariza-Montes A., P. Tirado-Valencia, F.R. Vicente (2017). Human values and volunteering: A study on elderly people // Intangible capital. 13,2: 253-281.
- Baars J., D. Dannefer, C. Phillipson, A. Walker (2006). Aging, globalization, and inequality: the new critical gerontology. Baywood Pub. 304p.

- Bakshi G.S., Z. Chen (1994). Baby boom, population aging, and capital markets // *Journal of business*. 67(2): 163-202.
- Baron A., D.B.L. Breck (1987). Are older adults generally more conservative? some negative evidence from signal detection analyses of recognition memory and sensory performance // *Experimental aging research*. 13, 3: 163-165.
- Bengston V.L., A. Lowenstein, eds. (2003). *Global aging and challenges to families*. New York: Aldine de Gruyter. 387 p.
- Binstock R. H. (1974) *Aging and the Future of American Politics* // *The annals of the american academy of political and social science*. 415: 199–212.
- Binstock R.H. (1972). Interest-group liberalism and the politics of aging // *The Gerontologist* 12: 265–280
- Brewer M.B., V. Dull, L. Lui (1981). Perceptions of the elderly: stereotypes as prototypes // *Journal of personality and social psychology*. 41(4): 656-670.
- Bromley D.B. (1966). *Psychology of human aging*. Baltimore, Maryland: Penguin. 448 p.
- Brown R.L., D.A. Rohlinger (2016). The effect of political generation on identity and social change: age cohort consequences // *Journal of women & aging*. 28, 2: 96-111.
- Butler D. D.E. Stokes (1971). *Political change in Britain*. London: Pelican.
- Butler R.N (1969). Age-ism: another form of bigotry // *The gerontologist*. 9, 4, pt. 1: 243-246.
- Campbell A. (1971). *Politics through the life cycle* // *The gerontologist*. 11: 112-117
- Campbell A., P. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes (1960). *The American voter*. The University of Chicago press: Chicago, by John Wiley & Sons, Inc. 576 p.
- Campbell J.C., J. Strate (1981). Are old people conservative? // *The gerontologist*. 21 (6): 580-59.
- Casamatta G., L. Batté (2016). The political economy of population aging // *Handbook of the economics of population aging*. 1: 381–444.
- CIA (2001). *Long term global demographic trends: reshaping the geo-political landscape*. July 2001.
- Cohn J.M. (2016). *Aging in comparative perspective: processes and policies*, by Ian Gillespie Cook and Jamie Halsal // *Journal of aging, longevity, law, and policy*. 1: 131-136.
- Cool D. (2012). Reconstructing the elderly: a critical analysis of pensions and population policies in an era of demographic ageing // *Contemporary political theory*. 11,1: 41-67.
- Crittenden J.A. (1962). Aging and party affiliation // *Public opinion quarterly*. 26: 648–657.
- Cumming E., W. Henry (1961). *Growing old: the process of disengagement*. New York: Basic Books. 310 p.
- Cutler N.E. (1970). Generation, maturation, and party affiliation: a cohort analysis // *Public opinion quarterly*. 33: 583–588.
- Cutler N.E. (1977). Demographic, social psychological, and political factors in the politics of aging: a foundation for research in “political gerontology” // *American political science review*. 71: 1011–1025.
- Day C.L. (1990). *What older americans think: interest groups and aging policy*. Princeton, NJ: Princeton University.

- Desilver D. (2014). The politics of American generations: how age affects attitudes and voting behavior // Pew research center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/07/09/the-politics-of-american-generations-how-age-affects-attitudes-and-voting-behavior/> (accessed: 11.05.2017).
- Dirilen-Gümüş Ö., S.E. Cross, A. Dönmez (2012). Who voted for whom? Comparing supporters of Obama and McCain on value types and personality traits // *Journal of applied social psychology*. 42: 2879-2900.
- Drydakis N., P. MacDonald, V. Chiotis, L. Somers (2017). Age discrimination in the UK labour market. Does race moderate ageism? An experimental investigation // *Applied economics letters*: 1-4.
- Egri C.P., D.A. Ralston (2004). Generation cohorts and personal values: a comparison of China and the United States // *Organization science*. 15(2): 210-220.
- Elyutina M.E., Bolotov G.I. (2017). Povsednevnaya zhizn' pozhiroy sem'i: strategiya planirovaniya i zhestkoy ekonomii resursov [The daily life of an elderly family: a strategy for planning and austerity of resources] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta [Saratov University news]*. 1.17: 1: 10-14.
- Erikson E. (1982). *The life cycle completed*. New York, NY: Norton. 144 p.
- Erikson E., Erikson J., Kivnick H.Q. (1986). *Vital involvement in old age*. New York, NY: Norton. 352 p.
- Erk J. (2015). Is age the new class? Economic crisis and demographics in European politics // *Critical sociology*: 1-3.
- Evan W.M. (1959). Cohort analysis of survey data: a procedure for studying longterm opinion change // *Public opinion quarterly*. 23: 63-72.
- Featherstone M., A. Wernick (1995). *Images of ageing*. London: Routledge. 331 p.
- Fiorina M.P. (1981). *Retrospective voting in American national elections*. New Haven, CT: Yale University. 249p.
- Glenn N. (1974). Aging and conservatism // *Annals of the American Academy of political and social science*. 415: 176-186.
- Glenn N.D. (1969). Aging, disengagement, and opinionation // *Public opinion quarterly*. 33: 17-33.
- Glenn N.D., M. Grimes (1968). Aging, voting, and political interest // *American sociological review*. 33. 4: 563-575.
- Glenn N.D., T. Hefner (1972). Further evidence on aging and party identification // *Public opinion quarterly*. 36: 31-47.
- Goerres A. (2009). *The political participation of older people in Europe. The greying of our democracies*. London: Palgrave Macmillan. 234 p.
- Gonzalez-Eiras M., D. Niepelt (2012a). Aging, government budgets, retirement, and growth // *European economic review*. Elsevier. 56 (1): 97-115.
- Gonzalez-Eiras M., D. Niepelt (2012b). *Economic and politico-economic equivalence* // *Working papers*. 12.02. Swiss National Bank, Study Center Gerzensee: 1-34.
- Grant J., S. Hoorens (2006). The new pronatalism? The policy consequences of population ageing // *Public policy research*. 13 (1): 13-25.

- Hagestad G., P. Uhlenberg (2006). Should we be concerned about age segregation? Some theoretical and empirical explorations // *Research on aging*. 28(6): 638–653.
- Hamil-Luker J. (2001). The prospects of age war: inequality between (and within) age groups // *Social science research*. 30: 386–400.
- Harding F. (1999). “Family values” and conservative government policy: 1979-97 // *Changing Family Values* / G. Jagger, C. Wright, eds. London: Routledge: 119-135.
- Harris K., S. Krygsman, J. Waschenko, D.L. Rudman (2017). Ageism and the older worker: a scoping review // *The gerontologist*. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28082278> (accessed: 11.05.2017).
- Havighurst R.J., R.E. Albrecht (1953). *Older people*. New York: Longmans & Green. 415 p.
- Heller P.S. (2003). *Who will pay? Coping with aging societies, climate change, and other long-term fiscal challenges*. Washington, DC: International Monetary Fund. 315 p.
- Herstein J.A. (1981). Keeping the voter's limits in mind: a cognitive process analysis of decision making in voting // *Journal of personality and social psychology*. 40: 843-861.
- Hummert M.L. (1990). Multiple stereotypes of elderly and young adults: a comparison of structure and evaluations // *Psychology and aging*. 5(2): 182-193.
- Hummert M.L., T.A. Garstka, J.L. Shaner (1995). Judgments about stereotypes of the elderly attitudes, age associations, and typicality ratings of young, middle-aged, and elderly adults // *Research on aging*. 17: 168-182.
- Hummert M.L., T.A. Garstka, J.L. Shaner (2004). Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults // *The international journal of aging and human development*. 58(4): 315-40.
- International Monetary Fund (2000). *Population aging and global capital flows in a parallel universe*. Research dep., Washington.
- International Monetary Fund (2002) *The Aging of the population and the size of the welfare state*. Western hemisphere dep., Washington.
- International Monetary Fund (2005). *Global aging and fiscal policy with international labor mobility: a political economy perspective*. Research dep., Washington.
- International Monetary Fund (2008). *Global aging and declining world interest rates: macroeconomic insurance through pension reform in Cyprus*. IMF inst. a. Europ. Dep. Washington.
- Jackson J.J. (1974). NCBA, black aged and politics // *Annals of the American academy of political and social science*. 415: 138–159.
- Jackson R., N. Howe (2008). *The graying of the great powers. Demography and geopolitics in the 21st century*. Washington, DC: Center for Strategic International Studies (CSIS). 224 p.
- Jacobs B. (1990). Aging and politics // *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. / R.H. Binstock, L.K. George, eds. San-Diego: Academic press. 349-361.
- Jennings M.K., G.B. Markus (1988). Political involvement in the later years: a longitudinal study // *American journal of political science*. 32: 302-316.
- Johnson M.M.S., E.D.B. Riggle (1996). Age difference in political decision making: Strategies for evaluating political candidates // *Political Behavior*. 1. 18, 1: 99-118.
- Jost J.T., J. Glaser, A.W. Kruglanski, F.J. Sulloway (2003). Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological bulletin*. 129: 339–375.

- Kasnauskiene G., K. Michnevic (2015). The effects of demographic trends on economic growth in the European Union // *European scientific journal. Special edition. 2*: 70–85.
- Khvalina N.V. (2009). Tsennostnye orientatsii lyudey pozhilogo vozrasta i ikh predstavlenie o tsennostnykh orientatsiyakh znachimykh drugikh [Value orientations of elderly people and their perception of value orientations of the significant other] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Newsletters of the Herzen State pedagogical university of Russia]*: 408-411.
- King S.P., F.B. Bryant (2017). The Workplace intergenerational climate scale (WICS): a self-report instrument measuring ageism in the workplace // *Journal of Organizational behavior. 38, 1*: 124–151.
- Kogan A.B. (1988). *Osnovy fiziologii vysshey nervnoy deyatelnosti [The fundamentals of physiology of higher nervous activity]*. Moscow: Kniga po trebovaniyu. 368 p.
- Komp K. (2011). The political economy of the third age // *Gerontology in the era of the third age / D. Carr, K. Komp, eds. New York: Springer*: 51-66.
- Komp K. (2013). political gerontology: population ageing and the state of the state // *Old age in Europe / K. Komp, M. Aarsten, eds. Amsterdam: Springer*: 59-77.
- Komp K., M. Aarsten (eds.) (2013). *Old age in Europe: a textbook of gerontology*. Dordrecht; New York: Springer. 148 p.
- Komp K., P. Marier, eds. (2015). *Population ageing from a lifecourse perspective: Critical and international approaches*. Bristol: Policy press. 304 p.
- Komp K., T. Van Tilburg (2010). Ageing societies and the welfare state: where the inter-generational contract is not breached // *International journal of ageing and later Life. 5(1)*: 7-11.
- Komp K., T. Van Tilburg, M.B. Van Groenou (2010). Paid work between age 60 and 70 years in Europe: a matter of socio-economic status? // *International journal of ageing and later life. 5(1)*: 45-75.
- Kovaleva N.G. (2001). Pozhilye lyudi: sotsial'noe samochuvstvie [The elderly people: their social well-being] // *Sociologicheskie issledovaniya universiteta [University's sociological research]*. 7: 73-79.
- Krasnova O. (2005). Porozhdenie zabluzhdeniy: pozhilye lyudi i starost' [Breeding delusions: old people and old age] // *Otechestvenny'e zapiski [Domestic notes]*. 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdeniy-pozhilye-lyudi-i-starost> (accessed: 11.05.2017).
- Kravchuk P.F., Shkarina U.U. (2007). Osobennosti sotsial'nykh vzaimootnosheniy mezhdu pozhilymi lyud'mi i molodezh'yu v sovremennom rossiyskom obshchestve [Describing the social relationships between the elderly and the youth in contemporary Russian society] // *Voprosy kul'turologii [Questions of culturology]*. 7: 39-42.
- Kuhlen R.G. (1956). Changing personal adjustment during adult years // *Psychological aspects of aging / J. Anderson, ed. New York: American Psychological Association*: 21–35.
- Lancia F., A. Russo (2016). Public education and pensions in democracy: a political economy theory // *Journal of the European economic association. 14, 5*: 1038–1073.
- Levinson A.G. (2011). Institutsional'nye ramki starosti [The institutional framework of old age] // *Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannye, analiz, diskussii [Herald of public opinion: data, analysis, discussions]*. 109. 3: 52-81.

- Levinson A.G. (2012). Pensionery kak sotsial'naya gruppy i politicheskaya sila [The Retired as a social group and political force] // Demoskop Weekly [Demoskope Weekly]. 499-500. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/tema010.php> (accessed: 11.05.2017).
- Lisenkova K., M. Mérette, R. Wright (2012). The impact of population ageing on the labour market: evidence from overlapping generations computable general equilibrium (OLG-CGE) model of Scotland // Discussion paper in economic, strathclyde: 12-13.
- Magnus G. (2009). The age of aging. How demographics are changing the global economy and our world. Singapore: John Wiley & Sons (Asia). 321 p.
- Marques S., C.M. Vauclair, H.J. Swift, C. Bratt (2017). Social psychology and gerontology: integrating theory to explain and intervene in age discrimination towards older people in Europe // Cross-disciplinary perspectives in social gerontology. Springer: 45-66.
- McInish T.H., S.N. Ramaswami, R.K. Srivastava (1993). Do more risk-averse investors have lower net worth and income? // The financial review. 28 (1): 91-106.
- McIntyre A. (1988). Aging and political leadership. Oxford university press. 321 p.
- Melo D.F., D. Stockemer (2014). Age and political participation in Germany, France and the UK: a comparative analysis // Comparative european politics. 12, 1: 33–53.
- Michnevich K. (2016). The effects of ageing on household consumption in Central and Eastern Europe // Economy & business journal. 10, 1: 273-287.
- Miller D.W., T.S. Leyell, J. Mazachek (2004). Stereotypes of the elderly in U.S. Television commercials from the 1950s to the 1990s. // The international journal of aging and human development. 58(4): 315-40.
- Miller W.E., J.M. Shanks (1996). The new American voter. Cambridge MA: Harvard university press. 668 p.
- Mincer J., ed. (1974). Age and experience profiles of earnings. New York: Columbia University press: 64-82.
- Morin R.A., A.F. Suarez (1983). Risk aversion revisited // The journal of finance. 38(4): 1201-1216.
- Nelson T.D. (2004). Ageism: stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, London: The MIT press. 388 p.
- Nelson T.D. (2005). Ageism: prejudice against our feared future self // Journal of social issues. 61: 207–221.
- Nelson T.D. (2016). The age of ageism // Journal of social issues. 72, 1: 191-198.
- Neugarten, B.L. (1974). Age groups in American society and the rise of the young-old // Annals of the American Academy of political and social sciences. 415: 187–198.
- Novikova K. (2016). “Mohair berets”: Media representations of elderly right-wing women and aestheticization of age in Poland // Gender and far right politics in Europe. London: Palgrave Macmillan: 207-219.
- Nygaard M., G. Jakobsson (2013). Senior citizens and political participation: evidence from a Finnish regional study // Ageing and society. 33(1): 159–180.
- Palmore E.B. (1999). Ageism: negative and positive. NY: Springer. 280 p.
- Palmore E.B. (2004). Research note: ageism in Canada and the United States // Journal of cross-cultural gerontology. 19, 1: 41–46.

- Palmore E.B. (2005). Three Decades of Research on Ageism // *Generations*. 29(3): 87-90.
- Palmore E.B. (2009). Reducing ageism // *Journal of aging, humanities and the arts*. 3(2), 144-146.
- Palmore E.B. (2011). *Older can be bolder*. New York, NY: CreateSpace and Kindle. 176 p.
- Pisarev A.V (2005). Tsennostnye predpochteniya pozhilogo naseleniya i otsenka ikh potentsiala rossiyskim obshchestvom [The Value-based preferences of the elderly population and assessment of their potential by Russian society]. Moscow: Rosciyskaya akademiya nauk, Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy. 22 p.
- Pisarev A.V. (2004). Obraz pozhilykh v sovremennoy Rossii [The image of the elderly in modern Russia] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 4: 51-56.
- Powell J.L. (2006). *Social theory and aging*. Oxford: Rowman & Littlefield. 157 p.
- Pratt H.J. (1974). Old age associations in national politics // *Annals of the American academy of political and social science*. 415: 106–119.
- Redlawsk D.P. (1996). The role of memory in voter decision making a process tracing study of a presidential election campaign. Rutgers University Department of Political Science New Brunswick: 1-30.
- Report of the Royal Commission on Population (1949). Published by HMSO, London.
- Rhodebeck L.A. (1993). The politics of greed? Political preferences among the elderly // *Journal of politics*. 55: 342-364
- Riley M.W. (1971). Social gerontology and the age stratification of society // *The gerontologist*. 11. I: 79–87.
- Rogozin D.M. (2012). Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalization of aging, or labor, knowledge and health in older age] // *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. 4: 62-93.
- Rose A.M. (1965). *Older people and their social world*. Philadelphia: F.A. Davis. 420 p.
- Samanta T. (2017). Bridging the gap: theory and research in social gerontology // *Cross-cultural and cross-disciplinary perspectives in social gerontology*. Springer: 3-22.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2007). A near electoral majority of pensioners: prospects and policies // *Population and development review*. 33 (3): 543–554.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2016a). New approaches to the conceptualization and measurement of age and aging // *Journal of aging and health*. 28(7): 1159-1177.
- Sanderson W.C., S. Scherbov (2016b). A new perspective on patterns of aging in Europe by education and gender // *Journal of population ageing*. 9 (3): 207-225.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 25 / M. Zanna, ed. New York: Academic press: 1-66.
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M., etc. (2015). Personal values and political activism: A cross-national study // *British journal of psychology*. 106. 1: 84–106.
- Schwartz S.H., G.V. Caprara, M. Vecchione (2010). Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis // *Political psychology*. 31, 3: 421-452.
- Shhanina E.V. (2015). Integratsiya pozhilykh lyudey v sovremennyy sotsium [Integration of elderly people into modern society] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, Povolzhskiy*

- region [Newsletters of the higher educational institutes, Povolzhskiy region]. 1 (33): 150-153.
- Smirnova T.V. (2008) Pozhilye lyudi: stereotipnyy obraz i sotsial'naya distantsiya [The Elderly: stereotyped image and social distance] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 8: 49-55.
- Smolkin A.A (2010). Mezhpokolencheskie konflikty v povsednevnoy zhizni [Intergenerational conflicts in everyday life] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 11: 110-114.
- Smolkin A.A (2014). Trudovoy potentsial pozhilykh lyudey [The labor potential of the elderly] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research].5: 97-103.
- Smolkin A.A. (2007). Meditsinskiy diskurs v konstruirovaniy obraza starosti [Medical discourse in constructing of the image of old age] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of sociology and social anthropology]. X. 2(39): 134-141.
- Smolkin A.A. (2015). Praktiki povsednevnykh mezhpokolencheskikh konfliktov glazami studentov provintsial'nogo vuza: etnograficheskoe esse [Practices of everyday intergenerational conflicts through the eyes of students from a provincial university: an ethnographic essay] // Antropologicheskii forum [Anthropological forum]. 25: 91-117.
- Streufert S., R. Pogash, M. Piasecki, G.M. Post (1990). Age and management team performance // Psychology and aging. 5: 551-559.
- Tilley J., G. Evans (2014). Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects // Electoral studies. 33: 19-27.
- Timpone R.J. (1998). Structure, behavior, and voter turnout in the United States // The American political science review. 92, 1:145-158.
- Vero D., B. Giardino (2017). Measuring urban ageing. Città Giardino Torino // Architectural research addressing societal challenges. Leiden: CRC Press/Balkema: 285-291.
- Vishnevsky A.G. (2005). Pokhvala stareniyu [Praise for aging] // Otechestvennye zapiski [Annals of the Fatherland]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu> (accessed: 11.05.2017).
- Weaver J.L. (1976). The elderly as a political community: the case of national health policy // Western political quarterly. 29(4): 610-649.
- World Bank Report. (1994). Averting the old age crisis #13584. New York: Oxford university press.
- World Health Organization (WHO) (2002). Active ageing: A policy framework.
- Zellman G.L. (1975). Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations // Journal of social issues. 31: 31-53.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОПУЛЯЦИОННОГО СКРИНИНГА РАКА ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

АНТОН БАРЧУК

Рак предстательной железы – одна из ключевых причин высокой смертности от рака в России и мире. При отсутствии эффективных методов профилактики для снижения смертности может быть перспективен популяционный скрининг с помощью простатического специфического антигена (ПСА). Несмотря на противоречивый характер рандомизированных исследований в нескольких работах показан реальный эффект скрининга по снижению смертности, достигающий 30%. Рекомендации по популяционному внедрению данного метода резко ограничивают доля гипердиагностики, характерная для скрининга рака предстательной железы. В коротком обзоре литературы представлены возможные пути снижения гипердиагностики и повышения популяционной эффективности скрининга рака предстательной железы. Представлены результаты анализа уже проведенных исследований, а также дизайн нового планируемого рандомизированного исследования.

Ключевые слова: рак предстательной железы, ПСА, скрининг, моделирование, рандомизированные исследования.

Рак предстательной железы постепенно становится одной из главных причин смертей от онкологических заболеваний у мужчин пожилого возраста в России. К сожалению, методы первичной профилактики, т.е. элиминации факторов риска развития рака предстательной железы, не так эффективны в виду отсутствия какого-то одного доказанного значимого фактора развития этого заболевания. Предложенный много лет назад метод вторичной профилактики путем скрининга простатического специфического антигена (ПСА) в крови в теории обещал значимое снижение смертности. Скрининг рака предстательной железы имел все предпосылки занять ключевое место во вторичной профилактике рака, наряду с программами скрининга рака шейки матки, рака молочной железы и колоректального рака. Но на настоящий момент ни одна из крупных врачебных ассоциаций не рекомендует применение этого метода ранней диагностики. Несмотря на кажущуюся доступность и простоту, существуют несколько подводных камней при использовании данного метода в рамках популяционного скрининга. Основные проблемы связаны как раз с широтой применения данного метода в рамках популяционного скрининга.

До настоящего момента в мире было несколько рандомизированных исследований, где изучался скрининг рака предстательной железы. В далеком 2004 г. были опубликованы результаты исследования под авторством канадских ученых [Labrie et al. 2004]. В работе изучался скрининг с помощью ПСА, и несмотря на опубликованный результат (снижение смертности на 62%), это исследование – отличный пример, как не следует анализировать рандомизированные исследования.

АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ БАРЧУК (barchuk.anton@gmail.com), УНИВЕРСИТЕТ ТАМПЕРЕ (Финляндия), ФГБУ «НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова» Минздрава России (Россия).

Статья поступила в редакцию в июле 2017 г.

Сначала были рандомизированы более 45 000 мужчин в отношении 2:1. Но дальше исследование пошло не по плану его авторов. В группе ПСА-скрининга только 7 000 из 30 000 в итоге пришли на этот скрининг, а в группе контроля около 1 500 из 15 000 как раз выполнили исследование, хотя не должны были. Можно было бы сделать вывод, что исследование не состоялось из-за того, что большинство участников не следовало протоколу. Однако это не смутило канадских ученых, которые проигнорировали рандомизацию и просто сравнили тех, кто скрининг прошел, с теми, кто его не прошел, вне зависимости от группы рандомизации. За это они были подвергнуты жесткой критике коллег [Elwood 2004].

Ключевыми же исследованиями ПСА-скрининга в итоге стали американское PLCO (Prostate, Lung, Colorectal, and Ovarian Cancer Screening Trial) и европейское ERSCP (The European Randomized Study of Screening for Prostate Cancer). Причем, они были опубликованы одновременно в 2009 г. в «The New England Journal of Medicine» (NEJM) и вызвали бурю дискуссий. Все потому, что в публикации PLCO различий в смертности не было [Andriole et al. 2009], а в публикации ERSCP [Schröder et al. 2009] различия в смертности были. Казалось бы, два исследования с противоположными результатами, как так вышло и что теперь делать?

Прежде чем сравнивать PLCO и ERSCP, следует отметить, что рандомизированные исследования делят на «efficacy trials» и «effectiveness trials». Довольно сложно перевести эти понятия, но это как исследования теоретической эффективности и исследования практической эффективности. Работает ли метод (лекарство) в теории и работает ли на практике, когда у нас помимо метода еще много других технических проблем, не связанных напрямую с чистой теоретической эффективностью метода [Ford, Norrie 2016]. При этом в реальности нет белого и черного, все исследования находятся где-то в промежутке от «efficacy» и «effectiveness».

Если вернуться к исследованиям ПСА-скрининга, то сразу бросается в глаза, что в американском исследовании PLCO был высокий уровень контаминации, т.е., как в канадском когда-то, мужчины, рандомизированные в группу ПСА, не делали ПСА, а в группе контроля, наоборот, делали, хотя не должны были. Ровно так, как и происходит в обычной жизни. По факту группы сравнения в PLCO были такие: в среднем 2,7 ПСА-тестов в среднем на одного пациента в ходе всего наблюдения в группе контроля против 5,0 ПСА-тестов на каждого участника в группе скрининга. В итоге в PLCO сравнивался не эффект ПСА-скрининга, а эффект частоты выполнения этого самого скрининга. На эту тему выходит серия публикаций, уже начиная с 2010 г. [Pinsky et al. 2010]. Ко всему прочему, более 45% участников PLCO проходили ПСА-скрининг еще до включения в исследования, что тоже портит чистоту эксперимента. Собственно, в европейском ERSCP все было лишь несколько лучше. Еще в 2009 г. в публикации в журнале «European Urology» было показано, что в группе скрининга до теста добрались около 75%, а в группе контроля 50% делали ПСА-тест при отсутствии симптомов и показаний [Roobol et al. 2009]. И несмотря на это, показано снижение смертности на 20%. Начиная с 2009 г. было довольно много публикаций о коррекции контаминации в группах PLCO и ERSCP и о том, каков на самом деле эффект ПСА-скрининга на смертность.

Чтобы понять различия в двух этих исследованиях, следует обратиться к крайне важной публикации сентября 2017 г. «Reconciling the Effects of Screening on Prostate Cancer Mortality in the ERSPC and PLCO Trials» [Tsodikov et al. 2017]. Следует отметить, что группа авторов публиковала и другие аналогичные статьи о скрининге. Например, статья о скрининге рака легкого 2014 г. была основой существующих американских рекомендаций по скринингу рака легкого USPSTF [De Koning et al. 2014]. Статьи 2014 и 2017 г. объединяет не только тема скрининга – они берут за основу моделирование эффектов скрининга по результатам рандомизированных исследований. Другими словами, обе статьи про то, как можно использовать данные существующих исследований, чтобы сделать выводы за пределами тех вопросов, которые эти исследования изначально ставили.

Также следует отметить, что эти статьи для широкого круга читателей, где представляется довольно популярная концепция моделирования. Тут ее использовали для того, чтобы подсчитать реальный эффект скрининга – «теоретическую эффективность». Также в статье широкой публике представляется довольно специфичный термин – MLT или «mean lead time». Чтобы понять, что это такое, надо знать теорию скрининга и варианты системных ошибок при оценке исследований скрининга.

Одна из причин, по которой нельзя оценить выживаемость в исследованиях скрининга – это «lead time bias» или «ошибка времени опережения». Концепция довольно проста: любая диагностика у бессимптомного человека приводит к тому, что мыдвигаем время установки диагноза заболевания на более ранний срок. При этом не факт, что мы изменяем судьбу пациента, т.е. спасаем его от смерти. Мы просто увеличиваем период времени от даты диагноза до даты смерти или выздоровления. Эффективный скрининг в отличие от неэффективного помимо увеличения этого периода («lead time») еще и предотвращает смерть. Существует теория, согласно которой эффективный скрининг предотвращает смерть из-за достаточно длинного «lead time» – времени опережения (рисунок 1).

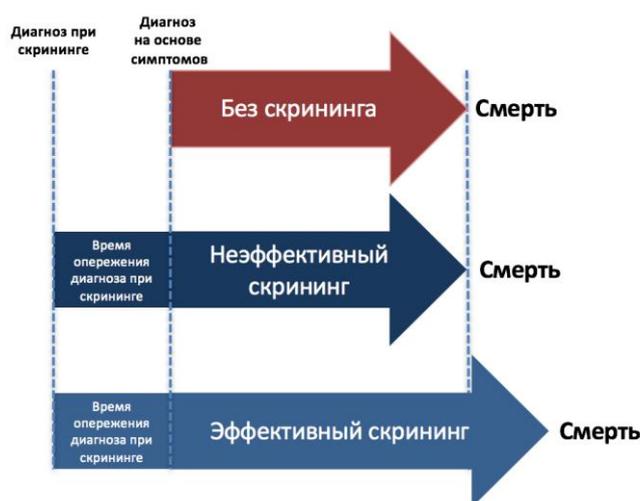

Рисунок 1. Опережение времени постановки диагноза при эффективном и неэффективном скрининге (lead time)

Источник: Адаптировано по [Evans et al. 2011].

Собственно, на этом и основаны математические модели, описанные в статье – они считают среднее время опережения установки «диагноза» в рандомизированных исследованиях в группах скрининга и контроля. Опережение диагноза в группе контроля в PLCO было намного больше, чем в ERSPC, как раз из-за поголовного скрининга в группе контроля. При этом в группе скрининга опережение диагноза было практически идентичным в PLCO и в ERSPC. Другими словами, оба исследования показали одно и то же, никаких особых разногласий между ними нет. Далее авторы статьи использовали три математические модели (FHCRC, MISCAN и UMICH), настроили их на данные PLCO и ERSPC и посмотрели, как бы снижалась смертность в идеальном исследовании – она снижалась на те самые условные 30%, известные нам еще в вышеупомянутой публикации 2009 г. [Roobol et al. 2009].

Можно ли теперь сказать, что скрининг рака простаты снижает смертность? Да, это факт, известный с 2009 г., и с ним мало кто спорит. Основные проблемы скрининга с помощью ПСА, к сожалению, лежат в других плоскостях. Одна из проблем в том, что несмотря на хороший относительный эффект, ПСА-скрининг конвертируется в весьма скромный абсолютный эффект, более чем скромный, так как смертность от рака предстательной железы крайне невысока после выявления опухоли. Но и это не главная проблема, основная – это гипердиагностика, которая может достигать 70%. Об этом немало написано, не только в научных [Loeb et al. 2014], но и в научно-популярных публикациях. Главный вопрос сегодня: как эту проблему решить.

Существует два способа решить проблемы ПСА-скрининга, чтобы изменить мнения и рекомендации большинства медицинских ассоциаций: увеличить абсолютный эффект и снизить гипердиагностику. Чтобы повысить абсолютный эффект, надо проводить скрининг среди тех, у кого риск умереть от рака простаты выше. Чтобы снизить гипердиагностику, надо не проводить скрининг среди тех, у кого высокие шансы найти малоагрессивную, не мешающую жить опухоль.

В 2014 г. была опубликована еще одна работа, в которой моделируется скрининг на основании предыдущих рандомизированных исследований [Heijnsdijk et al. 2015]. В данном случае моделировали различные сценарии программ скрининга: в каком возрасте начать, в каком закончить, как часто выполнять анализ ПСА. Каждый сценарий приносил пользу в виде спасенных жизней, но и каждый приносил вред, связанный с гипердиагностикой.

Например, если начать скрининг в 55 лет и делать его каждый год до 75 лет, то на 1 000 мужчин ПСА-скрининг обеспечит 6 лет жизни с учетом ее хорошего качества. При этом если закончить скрининг не в 75, а в 63 года, то выгоды будет в два раза больше (12 лет на 1 000 мужчин), затрат при этом будет меньше. Почему так происходит? Просто ПСА-скрининг портит жизнь пожилым мужчинам, у которых часто выявляются малоагрессивные опухоли. В итоге авторы пришли к выводу, что оптимальный скрининг следует начать в 55 лет, закончить в 59 и выполнять его раз в два года. То есть три теста ПСА за всю жизнь: в 55, 57 и 59 лет. Так можно решить проблему гипердиагностики в старшем возрасте – просто не выполнять скрининг после 59 лет.

Еще один способ решить проблему гипердиагностики – снизить инвазивность вмешательств при выявлении опухолей простаты. Исследования методов «активного

наблюдения» выявленных с помощью ПСА опухолей предстательной железы заслуживают отдельного обзора, но одна публикация заслуживает внимания из-за тех же методов моделирования [De Carvalho et al. 2017]. На этот раз авторы попытались оценить влияние «активного наблюдения» опухолей простаты на смертность и излишнее лечение. Оказалось, что использование «активного наблюдения» с выполнением ежегодной биопсии увеличивает риск умереть от рака простаты на 1%, но снижает долю ненужного лечения на 18%. При выполнении биопсии раз в три года риск смерти от рака простаты повышался только на 2,3%, доля ненужного лечения снижалась уже более чем на 30%. Все эти результаты были получены для мужчин с опухолями низкого риска. Но даже у мужчин с опухолями среднего риска были получены аналогичные результаты: хоть выполнение наблюдения и повышало смертность на 2,7%, но доля ненужного лечения снижалась на 23%. Если объяснять это простым языком, мы сильно уменьшаем вред, не слишком сильно уменьшая пользу.

Рисунок 2. Отбор пациентов на биопсию в исследовании ProScreen

Источник: Адаптировано по [Auvinen et al. 2017].

Все эти способы влияют на гипердиагностику или долю ненужного лечения, но при этом мало влияют на абсолютный риск умереть от рака простаты. По этой причине следует отметить еще одну работу, посвященную скринингу рака предстательной железы. В июле было представлено новое рандомизированное исследование [Auvinen et al. 2017]. В нем ПСА-тест выступает уже не как метод выявления мужчин, которым показана биопсия, а лишь как первый этап в отборе мужчин с максимальным риском появления агрессивной опухоли. Предлагается довольно сложная модель скрининга: если ПСА повышен сильно, мужчина направляется на калликреиновый тест (4К-панель), если и этот анализ положительный, мужчина направляется на МРТ и только потом – на биопсию (рисунок 2). При этом в случае отрицательного результата на любом из этапов мужчина возвращается в обычный скрининг. Интервал этого скрининга зависит уже от того этапа, на котором с его простаты были сняты подозрения, и от первичного уровня ПСА. Несмотря на довольно сложную схему, это первые наметки персонализированного скрининга. К сожалению,

первые результаты исследования мы получим лет через 15. Пока остается признать, что возможный вред от ПСА-скрининга превышает возможную пользу и решение о прохождении ПСА-теста следует все же принимать индивидуально, взвешивая заранее все индивидуальные риски.

СОКРАЩЕНИЯ

ПСА - Простатический специфический антиген

PLCO - Prostate, Lung, Colorectal, and Ovarian Cancer Screening Trial

ERSPC - The European Randomized Study of Screening for Prostate Cancer

ЛИТЕРАТУРА

- Andriole G.L., E.D Crawford, R.L Grubb, S.S. Buys, D. Chia, T.R. Church et al. (2009). Mortality results from a randomized prostate-cancer screening trial // *New England journal of medicine*. 360(13): 1310–1319.
- Auvinen A., A. Rannikko, K. Taari, P. Kujala, T. Mirtti, A. Kenttämies et al. (2017). A randomized trial of early detection of clinically significant prostate cancer (ProScreen): study design and rationale // *European journal of epidemiology*. 32(6): 521–527.
- De Carvalho T.M., E.A. Heijnsdijk, H.J. de Koning (2017). Estimating the risks and benefits of active surveillance protocols for prostate cancer: a microsimulation study // *BJU international*. 119(4): 560–566.
- De Koning H.J., R. Meza, S.K. Plevritis, K. ten Haaf, V.N. Munshi, J. Jeon et al. (2014). Benefits and harms of computed tomography lung cancer screening strategies: a comparative modeling study for the U.S. Preventive Services Task Force // *Annals of internal medicine*. 160(5): 311–320.
- Elwood M. (2004). A misleading paper on prostate cancer screening // *The prostate*. 61(4): 372–372.
- Evans I., H. Thornton, I. Chalmers, P. Glasziou (2011). *Testing treatments: better research for better healthcare*. 2nd edition. London: Pinter & Martin. 34 с.
- Ford I., J. Norrie (2016). *Pragmatic Trials* // *New England journal of medicine*. 375(5): 454–463.
- Heijnsdijk E.A.M., T.M. de Carvalho, A. Auvinen, M. Zappa, V. Nelen, M. Kwiatkowski et al. (2015). Cost-effectiveness of prostate cancer screening: a simulation study based on ERSPC data // *Journal of the National cancer institute*. 107(1): 366.
- Labrie F., B. Candas, L. Cusan, J.L. Gomez, A. Bélanger, G. Brousseau et al. (2004). Screening decreases prostate cancer mortality: 11-year follow-up of the 1988 Quebec prospective randomized controlled trial // *The prostate*. 59(3): 311–318.
- Loeb S., M.A. Bjurlin, J. Nicholson, T.L. Tammela, D.F. Penson, H.B. Carter et al. (2014). Overdiagnosis and overtreatment of prostate cancer // *European urology*. 65(6): 1046–1055.
- Pinsky P.F., A. Black, B.S. Kramer, A. Miller, P.C. Prorok, C. Berg (2010). Assessing contamination and compliance in the prostate component of the Prostate, lung, colorectal, and ovarian (PLCO) cancer screening trial // *Clinical trials*. 7(4): 303–311.

- Roobol M.J., M. Kerkhof, F.H. Schröder, J. Cuzick, P. Sasieni, M. Hakama et al. (2009).
Prostate cancer mortality reduction by prostate-specific antigen-based screening adjusted for nonattendance and contamination in the European randomised study of screening for prostate cancer (ERSPC) // *European urology*. 56(4): 584–591.
- Schröder F.H., J. Hugosson, M.J. Roobol, T.L.J. Tammela, S. Ciatto, V. Nelen et al. (2009).
Screening and prostate-cancer mortality in a randomized European study // *New England journal of medicine*. 360(13): 1320–1328.
- Tsodikov A., R. Gulati, E.A.M. Heijnsdijk, P.F. Pinsky, S.M. Moss, S. Qiu, et al. (2017).
Reconciling the effects of screening on prostate cancer mortality in the ERSPC and PLCO trials // *Annals of internal medicine*. 167(7): 449-455.

PERSPECTIVES ON POPULATION-BASED PROSTATE CANCER SCREENING

ANTON BARCHUK

Prostate cancer is one of the key causes of high cancer mortality in Russia and the world.

In the absence of effective preventive measures, population-based screening using prostate-specific antigen (PSA) may be promising for mortality reduction. Despite conflicting results of randomized trials, the efficacy of prostate cancer screening in mortality reduction may be up to 30%. Overdiagnosis, typical for prostate cancer screening, limits a population-based implementation. Possible methods to decrease the amount of overdiagnosis and increase the effectiveness of population-based prostate cancer screening are discussed in a brief review of the literature. An analysis of selected results of randomized trials and a design for a new randomized trial are presented.

Key words: prostate cancer, PSA, screening, modelling, randomized trials.

ANTON A. BARCHUK (barchuk.anton@gmail.com), UNIVERSITY OF TAMPERE (FINLAND), N.N. PETROV NATIONAL CENTER OF ONCOLOGY (RUSSIA).

DATE RECEIVED: JULY 2017.

REFERENCES

- Andriole G.L., E.D Crawford, R.L Grubb, S.S. Buys, D. Chia, T.R. Church et al. (2009). Mortality results from a randomized prostate-cancer screening trial // *New England journal of medicine*. 360(13): 1310–1319.
- Auvinen A., A. Rannikko, K. Taari, P. Kujala, T. Mirtti, A. Kenttämies et al. (2017). A randomized trial of early detection of clinically significant prostate cancer (ProScreen): study design and rationale // *European journal of epidemiology*. 32(6): 521–527.
- De Carvalho T.M., E.A. Heijnsdijk, H.J. de Koning (2017). Estimating the risks and benefits of active surveillance protocols for prostate cancer: a microsimulation study // *BJU international*. 119(4): 560–566.
- De Koning H.J., R. Meza, S.K. Plevritis, K. ten Haaf, V.N. Munshi, J. Jeon et al. (2014). Benefits and harms of computed tomography lung cancer screening strategies: a comparative modeling study for the U.S. Preventive Services Task Force // *Annals of internal medicine*. 160(5): 311–320.
- Elwood M. (2004). A misleading paper on prostate cancer screening // *The prostate*. 61(4): 372–372.
- Evans I., H. Thornton, I. Chalmers, P. Glasziou (2011). *Testing treatments: better research for better healthcare*. 2nd edition. London: Pinter & Martin. 34 p.
- Ford I., J. Norrie (2016). *Pragmatic Trials* // *New England journal of medicine*. 375(5): 454–463.
- Heijnsdijk E.A.M., T.M. de Carvalho, A. Auvinen, M. Zappa, V. Nelen, M. Kwiatkowski et al. (2015). Cost-effectiveness of prostate cancer screening: a simulation study based on ERSPC data // *Journal of the National cancer institute*. 107(1): 366.
- Labrie F., B. Candas, L. Cusan, J.L. Gomez, A. Bélanger, G. Brousseau et al. (2004). Screening decreases prostate cancer mortality: 11-year follow-up of the 1988 Quebec prospective randomized controlled trial // *The prostate*. 59(3): 311–318.

- Loeb S., M.A. Bjurlin, J. Nicholson, T.L. Tammela, D.F. Penson, H.B. Carter et al. (2014).
Overdiagnosis and overtreatment of prostate cancer // *European urology*. 65(6): 1046–1055.
- Pinsky P.F., A. Black, B.S. Kramer, A. Miller, P.C. Prorok, C. Berg (2010). Assessing
contamination and compliance in the prostate component of the Prostate, lung, colorectal,
and ovarian (PLCO) cancer screening trial // *Clinical trials*. 7(4): 303–311.
- Roobol M.J., M. Kerkhof, F.H. Schröder, J. Cuzick, P. Sasieni, M. Hakama et al. (2009).
Prostate cancer mortality reduction by prostate-specific antigen–based screening adjusted for
nonattendance and contamination in the European randomised study of screening for prostate
cancer (ERSPC) // *European urology*. 56(4): 584–591.
- Schröder F.H., J. Hugosson, M.J. Roobol, T.L.J. Tammela, S. Ciatto, V. Nelen et al. (2009).
Screening and prostate-cancer mortality in a randomized European study // *New England
journal of medicine*. 360(13): 1320–1328.
- Tsodikov A., R. Gulati, E.A.M. Heijnsdijk, P.F. Pinsky, S.M. Moss, S. Qiu et al. (2017).
Reconciling the effects of screening on prostate cancer mortality in the ERSPC and PLCO
trials // *Annals of internal medicine*. 167(7): 449-455.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Данил Аракелян, Софья Ахманаева,
Анна Бежанишвили, Никита Ганжа, Наталия Клименко,
Юлия Лонщикова

- *Leopold T., M. Kalmijn. Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- *Billari F.C., A.C. Liefbroer. Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- *Beaujouan E. Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- *Napierala J., A. Wojtyńska. Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- *Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. Ageing-driven pension reforms*
- *Cools S., S. Markussen, M. Strøm. Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- *McEwen C.A., B.S. McEwen. Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- *Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- *Glaeser E.L., B.M. Steinberg. Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

IS DIVORCE MORE PAINFUL WHEN COUPLES HAVE CHILDREN? EVIDENCE FROM LONG-TERM PANEL DATA ON MULTIPLE DOMAINS OF WELL-BEING

[Leopold T., M. Kalmijn (2016). Is divorce more painful when couples have children? Evidence from long-term panel data on multiple domains of well-being // Demography. 53(6): 1717-1742. <https://doi.org/10.1007/s13524-016-0518-2>]

Развод – тяжёлое испытание, разочарование которое многие люди переживают годами. А если у пары есть общие дети, бракоразводный процесс ещё более усложняется и в юридическом, и в материальном, и в моральном планах. Голландские учёные Томас Леопольд и Маттис Калмайн задались целью узнать, как наличие у супружеской пары детей влияет на самочувствие мужчин и женщин до и после развода. Их исследование основывается на многолетнем изучении семейных пар в Германии. При этом учёные разграничили удовлетворенность жизнью в целом ("*general well-being*"), удовлетворенность доходом (экономическое благосостояние, "*economic well-being*") и удовлетворенность семейной жизнью ("*family well-being*"). Выяснилось, что у женщин наличие детей больше сказывается на экономическом благополучии, в то время как мужчины сильнее переживают крах в семейной жизни.

Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Данил Аракелян, Софья Ахманаева, Анна Бежанишвили, Никита Ганжа, Наталия Клименко, Юлия Лонщикова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Обзор поступил в редакцию в августе 2017 г.

Для женщин, имеющих детей, развод оказывается более болезненным с экономической точки зрения, чем для бездетных женщин. Причин тому несколько: во-первых, мужчина, как правило, приносит в семью большую часть дохода, нежели женщина. Во-вторых, даже алименты, которые отец после развода выплачивает ребёнку, оказываются недостаточными для поддержания того же уровня жизни, что был до развода. В-третьих, женщине приходится распределять время между работой и уходом за ребёнком. Наконец, при распаде семьи теряется эффект экономии от масштаба. Из-за этого одиноким матерям часто приходится переселяться в более дешёвое жилище, в первую очередь, если жильё съёмное. Материальное положение разведённых женщин ухудшается тем сильнее, чем младше дети. Женщины с более взрослыми и самостоятельными детьми чаще имеют работу.

Исследователи проследили, как наличие общих детей влияет на самочувствие партнёров после развода. Оказалось, что наличие детей затягивает моральное восстановление бывших партнёров на 2-3 года, причём этот эффект сильнее для мужчин. В частности, в первый год после расставания удовлетворённость отцов своей жизнью падает значительно резче, чем у матерей. Наличие ребёнка гораздо сильнее (в отрицательную сторону) сказывается на самоощущении разведённого мужчины по сравнению с разведённой женщиной. Лишь на шестой год после развода удовлетворённость мужчины своей жизнью возвращается к прежнему уровню (у женщин – на пятый год; рисунок 1).

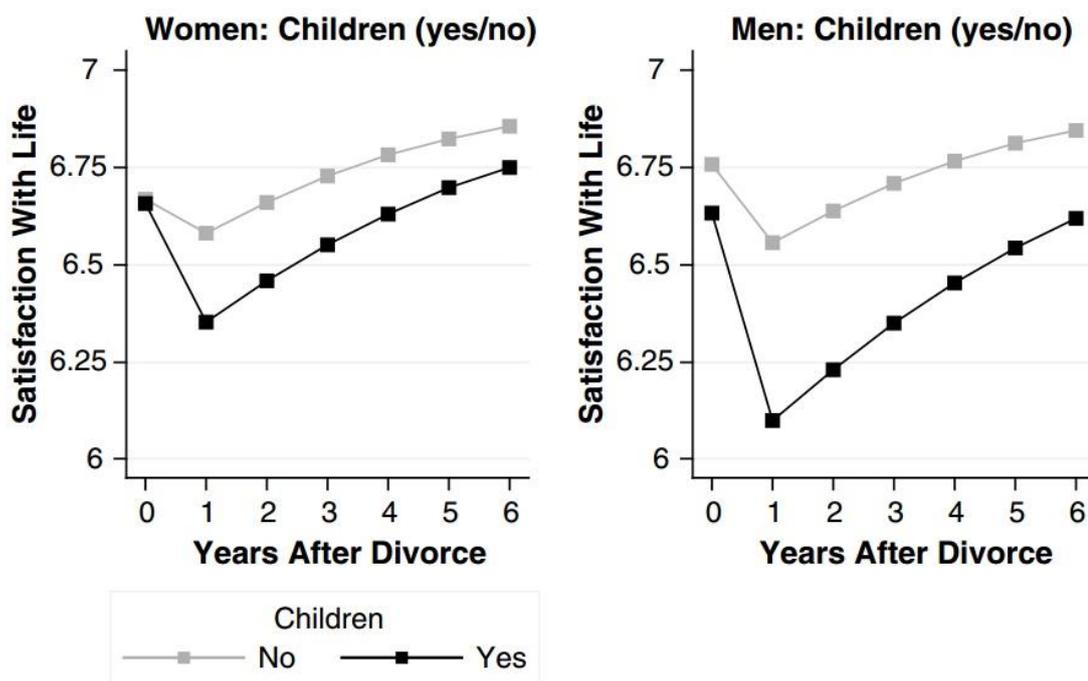

Рисунок 1. Удовлетворённость женщин и мужчин жизнью до и после развода в зависимости от наличия общих детей

Проанализировали исследователи и влияние такого фактора, как возраст ребёнка. Выяснилось, что чем ребенок младше, тем хуже родители переносят развод (рисунок 2). Так, в случае, когда детям на момент расставания от 0 до 4 лет, удовлетворенность жизнью после расставания падает сразу на 0,6 и 0,7 пункта для женщин и мужчин соответственно.

Интересно, что в долгосрочной перспективе для мужчин болезненнее оказывается расставание с детьми в возрасте 13-18 лет. Одна из причин кроется в том, что, как правило, чем старше ребёнок, тем больше времени с ним проводит отец и тем сильнее при распаде семьи мужчина ощущает нехватку общения с ребёнком.

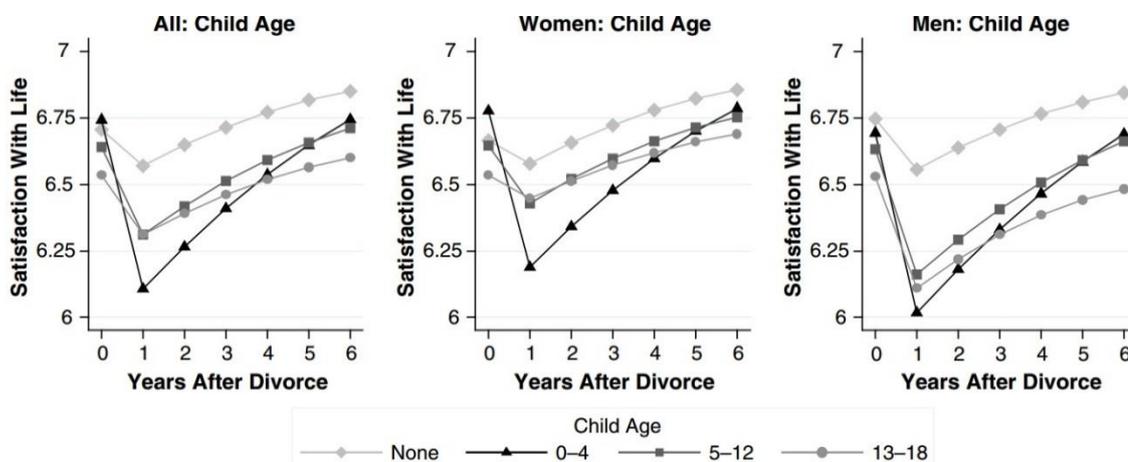

Рисунок 2. Удовлетворённость женщин и мужчин жизнью до и после развода в зависимости от возраста общих детей

Оценив удовлетворённость респондентов их семейной жизнью после развода, исследователи пришли к выводу, что, вне зависимости от наличия детей, у женщин после развода удовлетворенность своей семейной жизнью снижается не так сильно, как у мужчин (рисунок 3). Если у женщин положительное восприятие своих семейных отношений падает примерно на 0,75 пункта, то у мужчин сразу на 1,2 (без детей) или 1,5 (с детьми). Это связано с тем, что при разводе ребёнок чаще остаётся с матерью.

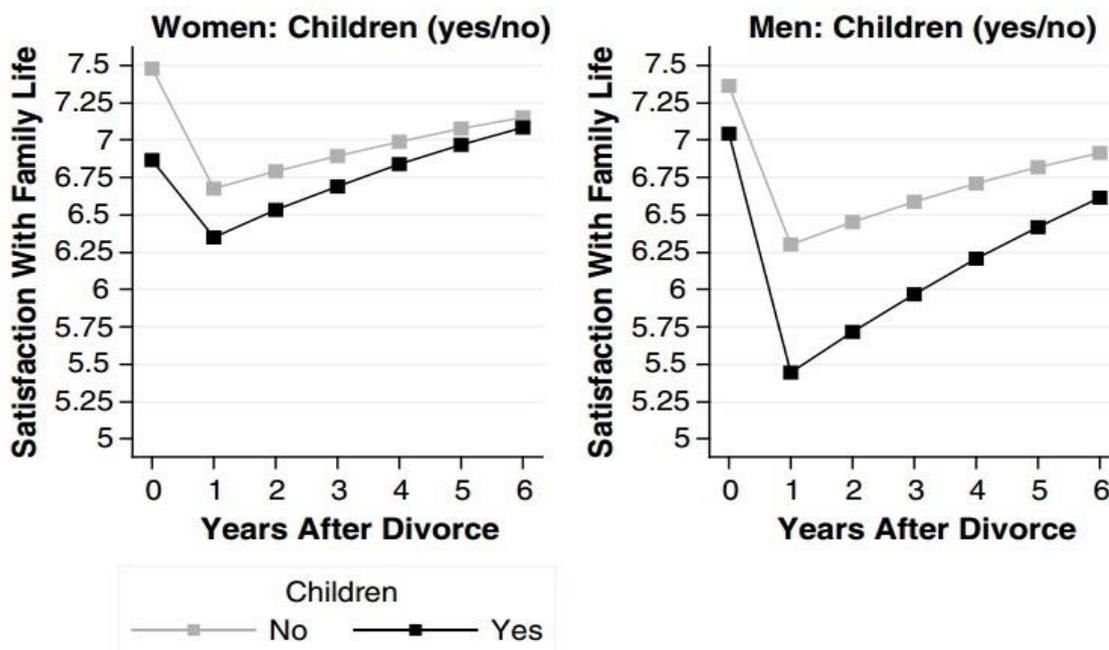

Рисунок 3. Удовлетворённость женщин и мужчин семейной жизнью до и после развода в зависимости от наличия общих детей

Исследователи отмечают, что, хотя наличие детей оказывает сильное воздействие на самочувствие расстающихся родителей, справедливо и обратное утверждение: реакция отца и матери на развод влияет на самочувствие ребёнка. Эта взаимосвязь - перспективное направление дальнейших исследований.

WHY STILL MARRY? THE ROLE OF FEELINGS IN THE PERSISTENCE OF MARRIAGE AS AN INSTITUTION

[Billari F.C., A.C. Liefbroer (2016). Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution // The British journal of sociology. 67(3): 516-540. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12202>]

В современном мире большую популярность набирает сожительство, однако в самых "развитых" западноевропейских странах подавляющее число людей все еще продолжает заключать официальные браки. Почему это происходит? Франческо Биллари и Аарт Лифброер в своей статье утверждают, что сохранение брака в эпоху индивидуализации и широкомасштабного сожительства нельзя объяснить исключительно (субъективной) ожидаемой пользой брака. Они настаивают на том, что чувства всегда будут играть определенную роль.

Авторы статьи выдвигают ряд гипотез. Во-первых, влияние аффективных оценок на склонность к вступлению в брак сильнее для лиц с религиозным воспитанием, чем для других людей. Люди с разведенными родителями имеют более негативную аффективную оценку брака, чем другие лица. Помимо этого, влияние аффективных оценок на склонность к вступлению в брак сильнее для женщин, чем для мужчин. Также более образованные молодые люди реже вступают в брак, чем менее образованные.

Для подтверждения сделанных предположений авторы построили индекс когнитивной оценки респондентов для брака и совместного проживания. Базой данных послужили панельные исследования по вопросам социальной интеграции в Нидерландах, предназначенные для изучения процесса социальной интеграции молодых людей в жизни и формирования будущей семьи. В исследовании все независимые переменные измеряются во время первой волны, тогда как зависимая переменная, представляющая интерес (время первого брака), основана на информации из последующих волн. Выборка составила 1 083 респондента.

Полученные результаты подтвердили гипотезу о том, что лица из религиозных семей и без разведенных родителей имеют более позитивное отношение к браку, чем к сожительству. Высокообразованные молодые люди оценивали брак менее благоприятно как в эмоциональном, так и в когнитивном отношении, чем молодые люди с низким уровнем образования. Это говорит о том, что высокообразованные молодые люди ценят традицию меньше, чем низкообразованные.

Главный вывод проделанной работы заключается в том, что аффективная оценка брака и совместного проживания оказывается лучшим предиктором фактического вступления в брак, чем когнитивная оценка. Это означает, что решение о вступлении в брак сильнее зависит от эмоций, чем от рациональных соображений. Дополнительные гипотезы

о дифференциальной силе аффективных оценок для разных подгрупп населения получили не столь однозначное подтверждение. Результаты. Они более значимы для женщин, для лиц с религиозными родителями и для людей, которые в настоящее время являются сожителями. В то же время когнитивные оценки оказались более важными для молодых людей с высшим образованием, чем для молодых людей с низким уровнем образования.

Полученные выводы о том, что аффективные оценки брака являются сильными предикторами брачного поведения, могут иметь более общие последствия для исследований по принятию жизненных решений, таких как рождение детей, уход из дома или развод. Однако в этой области требуется больше теоретических исследований и сбора эмпирических данных. Эмпирический анализ, представленный авторами статьи, был проведен с использованием данных, которые не были специально разработаны для измерения влияния аффективной оценки на склонность к вступлению в брак. Будущие исследования должны быть направлены на то, чтобы уточнить и проверить связь между эмоциями и брачным поведением более тщательно, с использованием нескольких методов. Будущие исследования также выиграют от более целенаправленной эмпирической стратегии и, в частности, от использования более информативных измерителей аффективной и когнитивной оценки. Было бы интересно дополнить представленный подход более детальными исследованиями мнения самих молодых людей о том, почему и при каких обстоятельствах они выбирают брак.

SECOND UNIONS NOW MORE STABLE THAN FIRST? A COMPARISON OF SEPARATION RISKS BY UNION ORDER IN FRANCE

[Beaujouan E. (2016). Second unions now more stable than first? A Comparison of separation risks by union order in France // European journal of population. 32(2): 293-321. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9376-2>]

В последние 40 лет частота разводов в Европе и Северной Америке резко выросла. Доля союзов, распадающихся в течение десяти лет после начала отношений, за период с 1970-х по 1990-е годы увеличилась с 11 до 32% для первых союзов и с 23 до 34% для вторых союзов. В 1980-х годах вторые и последующие браки оказывались менее стабильными и долгими, чем первые. Однако позднее эта закономерность размылась, и сегодня ситуация не однозначная. Используя французские данные, Ева Божуа постаралась выяснить, действительно ли за прошедшие несколько десятилетий вторые союзы стали более стабильными.

Стоит отметить, что после разрыва в первом браке люди менее охотно или, по крайней мере, не так быстро решаются на заключение брака с новым партнёром. Так, если первые серьёзные отношения – это в 47% случаев официальный брак без предшествующего совместного проживания, то со вторым партнёром на такой смелый шаг идут только 6,5% пар. В то же время 57% вторых союзов так и не оформляются официально. Это связано как с административными задержками в расторжении предыдущего брака, так и с меняющимся отношением к самому институту семьи: люди становятся более осмотрительными и

предпочитают не принимать поспешных решений о вступлении в брак. Кроме того, многие из них просто хотят сохранить свою независимость.

Те же пары, которые согласны на повторное оформление отношений, оказываются менее подверженными риску распада. Официальный брак прочнее совместного проживания даже в случае отсутствия детей. Неофициальные союзы, как и прежде, уступают зарегистрированным по прочности. Но и незарегистрированные повторные союзы становятся более стабильными. Например, в прошлом шанс распасться в течение пяти лет был во втором союзе в два раза выше, чем в первом. Теперь же это различие практически исчезло.

При этом наличие приёмных детей у одного из партнёров повышает риск расставания пары. Это может быть связано с тем, что ребёнку бывает трудно найти общий язык с новым родителем. С другой стороны, наличие общих детей укрепляет отношения в союзе, особенно если их не меньше двух. При прочих равных условиях риск распада семьи для беременных женщин в полтора раза ниже. Впрочем, на это можно взглянуть и с другого ракурса: на рождение ребёнка обычно решаются изначально более крепкие пары.

Обсуждая полученную картину, автор отмечает, что в анализе могли быть учтены не все реально существующие вторые союзы. Одна из причин в том, что люди реже начинают совместное проживание со вторым партнёром, чем с первым.

TRAPPED IN MIGRANTS' SECTORS? POLISH WOMEN IN THE ICELANDIC LABOUR MARKET

[Napierala J., A. Wojtyńska (2017). Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market // International migration. 55(1): 128–141. <https://doi.org/10.1111/imig.12295>]

Значительная трудовая эмиграция поляков в Исландию началась в 1970-х годах, когда политические преобразования в стране исхода наложились на острую нехватку рабочих в растущей экономике принимающей страны. Вплоть до бума польской трудовой эмиграции в середине 2000-х, когда страну приняли в Европейский Союз и значительно упростился процесс эмиграции, среди поляков, работающих в Исландии, преобладали женщины. Это объяснялось спецификой рынка, в котором открывались рабочие места в основном для женщин. Однако в нулевых годах, вплоть до самого экономического кризиса, Исландия испытала колоссальный приток мужской рабочей силы из Польши, гендерный баланс среди польских иммигрантов почти выровнялся, а к 2007 г. доля мужчин составляла уже 73%. Финансовый и последовавший за ним экономический кризисы больно ударили по сфере строительства, в которой традиционно находили работу мужчины из Польши. Сферы экономики, в которых преимущественно были заняты польские женщины, меньше пострадали от кризиса, что позволило иммигранткам сохранить свои рабочие места и остаться. Значительный отток мигрантов-мужчин из Исландии выровнял баланс, и в 2015 г. женщины составляли почти ровно половину польского населения Исландии.

В статье на основе данных опроса, проведенного в 2010 г. в столичном регионе Исландии, изучается миграционный опыт польских женщин. Исследование учитывает

более широкий контекст экономической ситуации в отдающей и принимающей странах, а также уровень гендерного неравенства в обоих обществах и старается учесть, как эти факторы влияют на выбор польских женщин-мигрантов.

В специализированной научной литературе широко распространен подход к изучению женской миграции, когда миграционный потенциал объясняется, в первую очередь, через различие уровня гендерного неравенства в стране эмиграции и стране иммиграции. Но тут есть любопытный и почти парадоксальный момент. Западные общества, отличающиеся низким уровнем неравенства и дискриминации своих женщин на рынке труда, как правило, формируют повышенную потребность в иммиграции, призванной заместить недостаток рабочей силы в традиционно женских сферах приложения труда. В западных обществах женщины получают все лучшее образование и все чаще делают яркую карьеру. В результате на выполнение работы по дому и уходу за близкими времени не остается. Мужчины не принимают на себя эти обязательства в должном объеме, поэтому возникает острый запрос на низкооплачиваемый традиционно женский труд, за который готовы браться лишь мигранты. Парадокс в том, что равноправие для своих женщин во многом достигается за счет женщин-иммигранток, которые оказываются дискриминированными дважды: как женщины и как иммигранты. При этом в силу специфики функционирования сегментированного рынка труда в странах с высокой иммиграцией женщины-мигранты оказываются "прикованными" к малопрестижным и низкооплачиваемым работам.

На протяжении последних десятилетий XX и начала XXI века Исландия прошла поразительный ускоренный путь развития от отсталой аграрной страны до передовой современной сервисно-ориентированной экономики. Высокое образование, смена ценностей, доступность качественного трудоустройства и масштабная государственная помощь в уходе за детьми и стариками позволили исландским женщинам получить престижную и высокооплачиваемую работу, а малопрестижные и низкооплачиваемые занятия оставить для пришлого женского населения. Эту освободившуюся нишу "плохих женских работ" во многом и заполнили польские иммигрантки.

Анализ карьерных траекторий польских иммигранток в Исландии показывает низкую социальную мобильность. Несмотря на то, что, в среднем, каждая из опрошенных женщин сменила работу в Исландии не менее двух раз, более половины женщин не меняли сектор трудоустройства. Также отчетливо видно, что женщины, прибывшие после экономического кризиса, находятся в более неустойчивом положении на рынке труда и вынуждены чаще менять малопрестижные работы. Значительная часть респонденток устроились работать уборщицами или сиделками и уже не меняли профессию. Это косвенно говорит о трудностях выхода из сектора малопрестижных и низкооплачиваемых занятий для трудовых мигрантов, особенно на традиционно женских работах.

Отличительной чертой исландского рынка труда по сравнению со многими другими развитыми европейскими странами, активно привлекающими женщин-мигрантов, оказывается удивительная формализованность и зарегулированность работ уборщиц и сиделок. Большинство таких вакансий открываются и управляются государством и

крупными частными компаниями, что положительно сказывается на безопасности трудоустройства женщин-мигрантов. Несмотря на этот очевидно положительный момент, есть и негативная сторона. Подобные работы уже стали в Исландии "исключительно мигрантскими", что приводит к маргинализации пришлого населения и затрудняет для них интеграцию. В итоге удивительное гендерное равенство существует лишь для престижных работ, доступных местным женщинам, и во многом за счет иммигранток, вынужденных довольствоваться непрестижными и низкооплачиваемыми работами.

AGEING-DRIVEN PENSION REFORMS

[Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout (2017). Ageing-driven pension reforms // Journal of population economics. 30(3): 953-976. <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0637-0>]

В настоящее время пенсионные системы многих стран находятся на стадии реформирования. Согласно статистике ОЭСР, большинство развитых стран активно модернизировали свои системы пенсионного обеспечения в период с сентября 2013 по сентябрь 2015 г. И даже в случаях, когда реформы так и не были реализованы, вопрос о необходимости пересмотра существующих механизмов работы пенсионных систем все же поднимался. Одновременно мы наблюдаем процесс демографического старения – результат снижения уровня рождаемости и уровня смертности. Нидерландские исследователи Ян Боненкамп, Лекс Мейдам, Эдуард Пондс и Эд Уэстерхут проанализировали опыт пенсионных реформ в разных странах и поставили перед собой два вопроса:

1. Есть ли у внедряемых пенсионных реформ что-то общее?
2. Можно ли рассматривать текущие пенсионные реформы как оптимальную общественную реакцию на старение населения?

Основная гипотеза, которую проверяют авторы исследования, заключается в том, что распределение рисков между двумя поколениями посредством коллективных контрактов должно быть достаточно гибким, чтобы при необходимости адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Так, пенсионная схема с установленными выплатами (DB - defined benefit) – характеризуется фиксированным размером выплачиваемой пенсии, который гарантируется за счет корректировки текущих взносов и оказывается неэффективной в условиях ускоряющегося старения населения в развитых странах. При использовании подобной схемы выплата пенсий напрямую ложится финансовым бременем на текущие поколения трудоспособного населения. При этом по прогнозам нагрузка на трудоспособное население во многих развитых странах к 2050 г. увеличится вдвое. Непредвиденные потрясения на финансовых рынках и/или процесс старения населения в стране, использующей схему DB в накопительной пенсионной системе, потребуют больших изменений в пенсионных взносах для защиты гарантированных прав на получение пенсий.

Анализируя происходящие в различных странах реформы пенсионного обеспечения, исследователи пришли к выводу, что как параметрические, так и фундаментальные

реформы можно, безусловно, идентифицировать и проклассифицировать в соответствии с несколькими параметрами (рисунок 4).

Пенсионный план	Финансирование	
	Unfunded (PAYG)	Funded
DB (фиксированные пенсионные выплаты)	[1] PAYG DB (PDB)	[2] Funded DB (FDB)
DC (фиксированные взносы в пенсионную систему)	[3] Notional DC (NDC)	[4] Individual DC (IDC) [5] Collective DC (CDC)

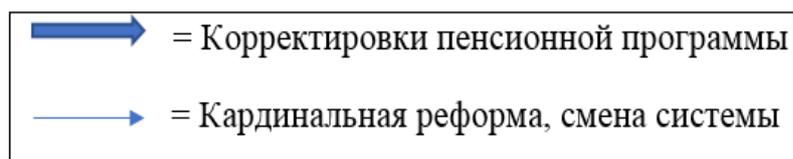

Рисунок 4. Типы пенсионных реформ

Авторы рассматривают наблюдаемые пенсионные реформы как поиски оптимальной схемы адаптации модели распределения межпоколенных рисков к меняющимся демографическим условиям. По их мнению, существует общий тренд, который четко прослеживается в реформах пенсионных систем на всех уровнях, а именно тенденция перехода от схем DB к схемам DC (defined contributions - схема с установленным размером пенсионных взносов при большем разнообразии получаемых пенсий), предполагающим уменьшение рисков, связанных с межпоколенным перераспределением.

CHILDREN AND CAREERS: HOW FAMILY SIZE AFFECTS PARENTS' LABOR MARKET OUTCOMES IN THE LONG RUN

[Cools S., S. Markussen, M. Strøm (2017). Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run // Demography. <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0612-0>]

На сегодняшний день сохраняются заметные карьерные различия между мужчинами и женщинами. Несмотря на то, что в последние десятилетия гендерный разрыв в заработной

плате снижался за счет догоняющего и даже превосходящего женского уровня образования, карьера мужчин продолжает развиваться более динамично. Часто такое положение вещей связывают с рождением детей и появлением материнских обязанностей у женщин.

Авторы статьи Сара Кулс, Симен Маркуссен и Марте Стрём исследуют влияние увеличения размера семьи на предложение рабочей силы (доход, рабочая сила и еженедельные рабочие часы) и на карьерные достижения, такие как ранжирование доходов (как самого индивида, так и его фирмы), а также вероятность того, что человек будет максимально зарабатывать на своем рабочем месте в краткосрочном и долгосрочном периодах. Также авторы рассматривают проблему эндогенности в размере семьи, используя декомпозицию по полу первых двух детей как инструментальную переменную для общего числа детей. По причине того, что пол ребенка определяется случайным образом, а некоторые родители хотят иметь и мальчика, и девочку, увеличивается вероятность дальнейшего деторождения таким образом, который не связан с влиянием на результаты рынка труда родителей.

Исследование построено на данных норвежского регистра населения о семьях с детьми, родившимися в период с 1970 по 2001 г. Авторы исследуют родителей в течение 40 лет после рождения второго ребенка. Они проводят отдельные оценки за каждый год с момента рождения второго ребенка, чтобы в полной мере отобразить траекторию эффектов. Авторы делят выборку индивидов с высшим образованием и без него для получения разных ответов в этих двух группах. Богатые данные регистра населения связывают детей с родителями и предоставляют информацию о браке родителей. В используемый набор данных включены не только состоящие в браке, но и сожительствующие родители. Размер выборки составил более 640 тыс. наблюдений. Взаимосвязи переменных устанавливаются двумя методами: методом наименьших квадратов и оценкой инструментальных переменных.

Результаты показывают значительное негативное влияние дополнительных детей на предложение рабочей силы в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Авторы находят четкое доказательство того, что дополнительные дети затрудняют карьеру женщин в долгосрочной перспективе и что эти эффекты сосредоточены среди женщин, получивших высшее образование. Размер семьи влияет на тип занятости женщин, поскольку женщины с большим числом детей работают в менее престижных местах работы, но, похоже, имеют тот же статус, что и женщины с меньшим числом детей. Авторы не обнаружили влияния размера семьи на карьерные перспективы мужчин. Для женщин без образования размер семьи практически не ущемляет карьеру.

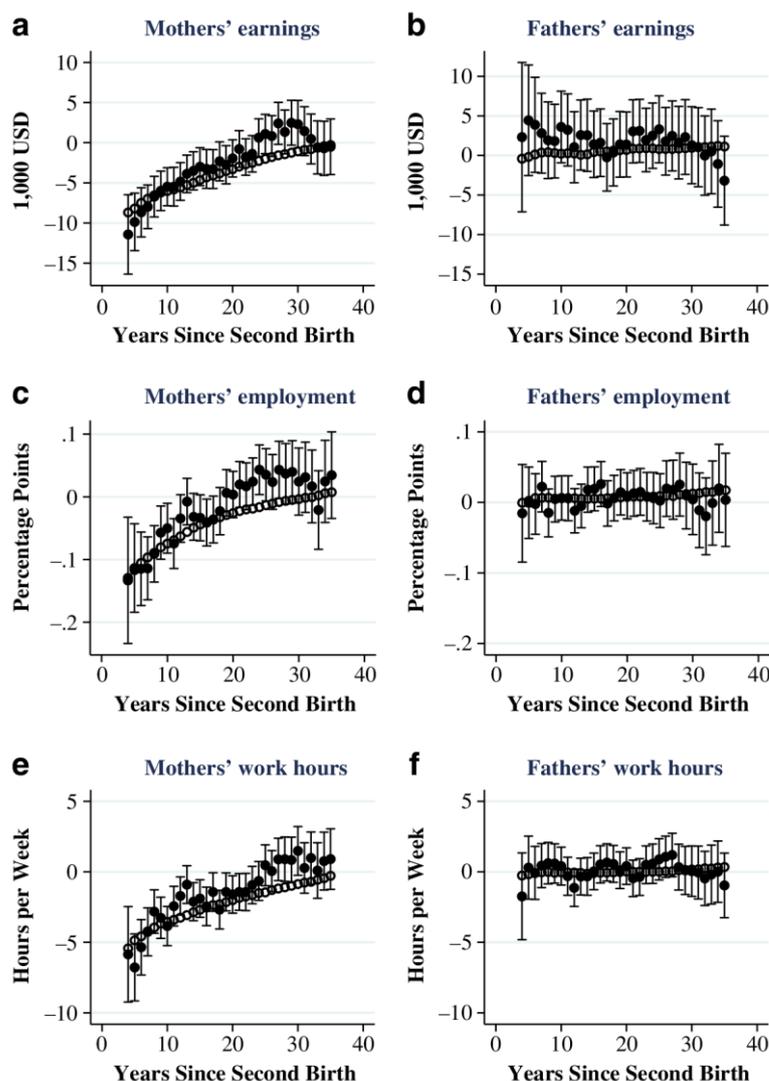

Рисунок 5. Влияние размера семьи на предложение рабочей силы для родителей. Каждый заполненный круг на рисунке является результатом оценки двухшаговым методом наименьших квадратов воздействия числа детей на заработок и занятость. Открытые круги - это оценки методом наименьших квадратов того же отношения

SOCIAL STRUCTURE, ADVERSITY, TOXIC STRESS, AND INTERGENERATIONAL POVERTY: AN EARLY CHILDHOOD MODEL

[McEwen C.A., B.S. McEwen (2017). *Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model* // *Annual review of sociology*. 43(1): 445-472. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053252>]

Социолог Крейг Мак-Ивен и нейроэндокринолог Брюс Мак-Ивен описывают влияние неблагоприятных материальных и социальных условий в раннем детстве на воспроизведение межпоколенной нищеты. Авторы предлагают модель, которая сочетает подходы как с точки зрения биологических механизмов, так и с точки зрения социальной структуры, культурных аспектов и статусных достижений.

Особое внимание уделяется понятию токсического стресса, испытываемого в раннем детстве, так как именно через него социальные условия и взаимоотношения с окружающими влияют на развитие мозга и тела человека, оказывая влияние в дальнейшем как на успехи в обучении и профессиональной деятельности, так и на физическое и психическое здоровье. Исследователи делают акцент на важности изучения развития в раннем детстве, поскольку именно на ранних этапах жизни происходит формирование основных когнитивных и некогнитивных навыков, на которое токсический стресс оказывает сильнейшее воздействие.

Рисунок 6. Взаимосвязь между социальными условиями (особенно неблагоприятными), степенью провоцируемого ими токсического стресса и его влиянием на развитие организма, а также эпигенетическими изменениями и различными жизненными достижениями индивида

Постоянный и продолжительный токсический стресс создает аллостатическую перегрузку, которая часто провоцирует негативные изменения архитектуры мозга, приводя к нарушению познавательных способностей, способности к саморегуляции, психического и физического здоровья. Так, например, люди, испытывавшие в детстве постоянный стресс, больше подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям и болезням дыхательных путей, а также больше склонны к наркотической зависимости, алкоголизму и курению.

Эти изменения могут сохраняться на протяжении всей жизни и влиять на передаваемые по наследству генетические характеристики. Нарушение способности к саморегуляции, которая включает в себя внимание, упорство, способность достигать целей, переключаться между видами деятельности и контролировать эмоции, сдерживая неадекватное поведение, негативно сказывается на социальной компетентности и социальной адаптации индивида.

Имеющиеся на сегодня данные исследований ясно свидетельствуют о корреляции уровня аллостатической нагрузки с уровнем окружающей нищеты как разновидности неблагоприятных условий независимо от социально-экономического положения семьи. Эта

нагрузка остается высокой именно среди тех, кто провел детство в бедности, и не зависит от их текущего социально-экономического положения. В ходе ряда исследований было обнаружено, что у детей из менее обеспеченных семей медленнее увеличивается количество серого вещества, у них меньше способностей к изучению языков и хуже работает память. Они более склонны испытывать проблемы в отношениях со сверстниками и противопоставлять себя взрослым.

Подобные последствия стресса накладывают в дальнейшем отпечаток на взаимодействие людей со своими детьми, поскольку, длительное время перенося в детстве неблагоприятные условия, они более подвержены стрессу и соответственно более склонны передавать свое психическое напряжение детям.

Тем не менее описанные выше эффекты обратимы, поскольку социальная структура и взаимоотношения с окружающими могут не только выступать в роли стрессоров, но и служить защитными факторами, предотвращающими или нейтрализующими последствия токсического стресса. Это утверждение, как отмечают исследователи, является противовесом предположениям о биологическом или социальном детерминизме.

Также отмечается, что бедность – далеко не единственная причина воспроизведения бедности и социальных различий через поколения и, ученым еще предстоит изучить взаимосвязь между различными типами неблагоприятных социальных условий, их совокупное влияние на человека в раннем детстве и их последствия.

WHY DO IMMIGRANTS HAVE LONGER PERIODS OF UNEMPLOYMENT? SWISS EVIDENCE

[Auer D., G. Bonoli, F. Fossati (2017). Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence // International migration. 55(1): 157-174. <https://doi.org/10.1111/imig.12309>]

Даниэль Ауэр, Джулиано Боноли и Флавия Фосатти задались вопросом: с чем связана большая продолжительность периодов безработицы у иммигрантов? В последнее время данная тема часто обсуждается в публичном пространстве, порождая различные попытки объяснения этого феномена, проверке которых и посвящена статья. Для проверки влияния на продолжительность безработицы авторы выбрали следующие объясняющие переменные: влияние ценностей, качество и содержание неформальных связей, а также психологическое благополучие. Исследование опиралось на уникальные данные о занятости в швейцарском кантоне Во весной 2012 г. Исследователям удалось совместить административную статистику с данными выборочных опросов. Всего исследование затронуло 2665 человек как швейцарцев, так и мигрантов, преимущественно первого поколения. Среди иммигрантов были отдельно выделены португальцы, граждане бывшей Югославии и представители неевропейских государств.

В статье выдвигаются три гипотезы. Во-первых, предполагается, что продолжительность безработицы зависит от субъективной ценности труда: иммигранты, предпочитающие получать пособия по безработице, менее склонны к возобновлению трудовой деятельности. Во-вторых, продолжительность безработицы может зависеть от

развитости социальных связей индивида. Иными словами, иммигранты, не обладающие широкими социальными связями, дольше остаются безработными. В-третьих, психологическое благополучие может оказывать существенное влияние на продолжительность безработицы. Авторы сравнивали различные группы мигрантов между собой, а также с местным населением по указанным переменным, а затем сверяли полученные данные с информацией по продолжительности безработицы.

Исследование не нашло подтверждения первой гипотезе: значительного расхождения между швейцарцами и иммигрантами в отношении к труду и пособию по безработице выявить не удалось (точная формулировка: Можете ли Вы сказать про себя, что "безработица позволяет Вам отдохнуть от работы?"). На этом фоне только португальцы оказались значительно более склонными к безработице, что, как отмечают авторы, вступает в противоречие с устоявшимся мнением об их трудолюбии. При этом они, а также иммигранты из неевропейских стран и граждане Швейцарии, осознают безработицу серьезной проблемой в отличие от иммигрантов из стран Евросоюза (за исключением Португалии). Однако авторы отмечают, что подобные результаты не позволяют говорить о решающей роли ценностей в продолжительности безработицы.

Сравнивая подгруппы респондентов по их вовлеченности в социальные связи, исследователи пришли к выводу, что, за исключением португальцев, иммигранты имеют гораздо меньше знакомых и друзей, чем швейцарцы. Изучение же психологического благополучия безработных помогло прийти к заключению о большей удовлетворенности местных жителей по сравнению со всеми группами иммигрантов.

Во второй части исследования было определено, что граждане бывшей Югославии и других государств вне ЕС испытывают большие трудности с поиском работы, нежели жители Швейцарии и ЕС. Португальцам, напротив, найти работу представляется даже проще, чем местному населению. Авторский коллектив предполагает, что этот феномен, а также предыдущие отклонения данной группы от тренда прочих иммигрантов вызваны тем, что исследование проводилось весной, когда возобновляется активность строительного сектора, в котором португальцы преимущественно задействованы. Несмотря на некоторые статистически значимые результаты, исследователи отмечают, что исследованные гипотезы лишь отчасти объясняют продолжительность безработицы.

В заключение статьи авторы высказывают мысль о том, что тезис "популистов" о кардинальном различии граждан ЕС и жителей неевропейских государств в отношении ценностей труда, обуславливающих более продолжительный период безработицы у последних, нельзя признать верным. В то же время исследование находит подтверждение идеи о том, что тот, кто более спокойно воспринимает безработицу, чаще дольше остается незанятым. В качестве альтернативного объяснения более длительной безработицы у иммигрантов авторы предлагают проверить предположение о возможном влиянии дискриминации работающими швейцарцами иммигрантов.

TRANSFORMING CITIES: DOES URBANIZATION PROMOTE DEMOCRATIC CHANGE?

[Glaeser E.L., B.M. Steinberg (2017). Transforming cities: does urbanization promote democratic change? // Regional studies. 51(1): 58-68. <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1262020>]

Урбанизация качественным образом меняет географию населения. Увеличение доли городского населения сопряжено с социальными, политическими и экономическими изменениями. Раскрывая новые грани социальных последствий урбанизации, Эд Глазер и Брюс Штейнберг задаются вопросом, способствует ли урбанизация демократическим переменам.

Авторы отмечают, что увеличение плотности населения, которое влечет за собой урбанизация, повышает средние доходы населения. Бизнес более продуктивен в городе, так как производительность рабочих здесь выше, а более высокая заработная плата компенсирует разницу в ценах на продукты и услуги. В то же время и проблем становится больше. Города испытывают экологические проблемы; в городах процветает преступность, а городская среда затрудняет раскрытие преступлений; высотное строительство ведет к увеличению стоимости недвижимости. Однако при должном подходе эти проблемы могут быть решены компетентным эффективным правительством.

Увеличение плотности населения позволяет улучшить организованность людей, координацию их действий. Исследования показали, что сохранить диктатуру в высокоурбанизированном обществе гораздо сложнее. Уровень урбанизации в 1960-х годах оказывается тесно связанным с индексом демократии в 2000-х годах.

Правительству сложнее справляться с волнениями в городах, чем с восстаниями в отдаленных районах. С одной стороны, в городских условиях у армии и полиции возникают сложности в решении оперативных задач, с другой – мировое сообщество активнее следит за происходящим в мегаполисах, а международные СМИ имеют возможность широко освещать репрессивные действия власти против граждан, если такие случаются. Более того, авторы статьи полагают, что долгое нахождение армейских подразделений в городе может расположить военных к протестующим. Все это делает густонаселенные города проблематичной средой для развития диктатуры.

Однако если демократическая революция случается, нет гарантии, что не будет установлен еще более авторитарный режим: примерами здесь служат и Французская, и Русская революции. По мнению авторов статьи, демократия, вероятно, выживет, если в обществе распространено убеждение в необходимости борьбы за народный суверенитет. И наоборот, установление новой диктатуры также нуждается в общественном консенсусе по поводу того, что для решения проблем, возникших после революции, необходим диктат власти.

Возникает дилемма выбора между сильной и слабой властью (рисунок 1). С одной стороны, власть, наделенная широкими полномочиями, может эффективно пресекать определенные правонарушения. Однако почти неизбежно появляются случаи коррупции и злоупотребления властью. Более открытый, демократический государственный аппарат

справляется с проблемой коррупции, но становится не в состоянии защитить частную собственность.

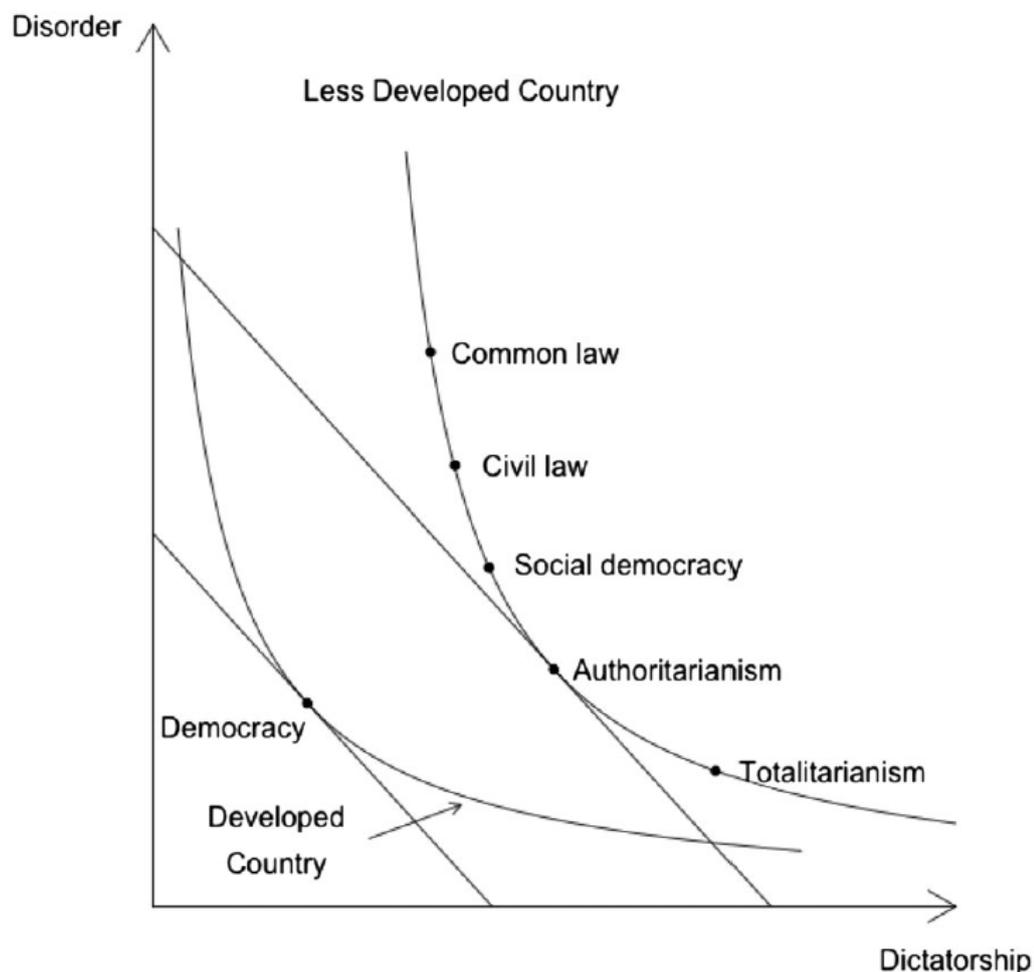

Рисунок 7. Кривая спроса на демократию

Короткая диагональная линия, по мнению Глазера и Штейнберга, является оптимальным выбором режима, когда социальные потери выбора между беспорядком и диктатурой сведены к минимуму.

Кроме всего прочего, запрос на демократию в городах должен увеличиваться, поскольку густонаселенные города способствуют развитию торговли и инноваций, а диктатура склонна препятствовать развитию этих областей.

С другой стороны, эпидемии и увеличение числа преступлений увеличивают запрос на сильную власть.

Таким образом, урбанизация может увеличить спрос как на демократию, так и на диктатуру. Однако даже если процесс урбанизации не принесет демократии в краткосрочной перспективе, с течением времени он позволяет улучшить государственное управление путем развития гражданского капитала.

Главный и самый значимый вклад в гражданский капитал, который совершает большой город – образование и научные исследования. Именно развитие этих областей является ключом для понимания правительством своей страны. Более того, живя в городе, люди учатся сотрудничать и общаться с другими людьми, что помогает преодолевать разногласия в обществе. Полемика о диктатуре и демократии – одно из таких общественных разногласий.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, DANIL ARAKELYAN, SOPHIA AKHMANAEVA, ANNA BEZHANISHVILI, NIKITA GANZHA, NATALIA KLIMENKO, AND JULIA LONSHCHIKOVA

- *Leopold T., M. Kalmijn. Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- *Billari F.C., A.C. Liefbroer. Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- *Beaujouan E. Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- *Napierala J., A. Wojtyńska. Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- *Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. Ageing-driven pension reforms*
- *Cools S., S. Markussen, M. Strøm. Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- *McEwen C.A., B.S. McEwen. Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- *Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- *Glaeser E.L., B.M. Steinberg. Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

DANIL ARAKELYAN, SOPHIA AKHMANAEVA, ANNA BEZHANISHVILI, NIKITA GANZHA, NATALIA KLIMENKO, JULIA LONSHCHIKOVA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: AUGUST 2017.